

МНЕМОЗИНА,

СОВРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ,

и з д а в а е м а я

Кн. В. ОДОЕВСКІИМЪ И В. КЮХЕЛЬБЕКЕРОВЪ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1825 года.

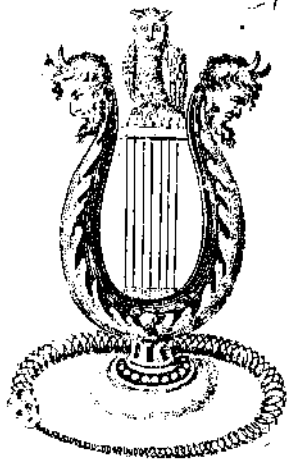
У Содержателя А. Пожорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Октября 13 дня, книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

1824

ВЪСПОМЪНЕНІЯ

Меккль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. О способахъ изслѣдованія природы (л. л.)	1.
II. Еще два Аполога:	
1. Новый Демонъ	35.
2. Моя управительница (Кн. Одоев- скаго)	42.
III. Жертвы Амуру (— й)	49.
IV. Мысли (Нечаева)	52.
V. Спутники жизни (Н. Полеваго)	56.
VI. Амуръ Живописецъ (В. Кюхельбе- керера)	63.
VII. Отрывокъ изъ путешествія по По- луденной Франціи (В. Кюхельбекера)	66.
VIII. Гимнъ Бакхусу (В. Кюхельбекера) -	92.
IX. Олимпійскія игры (В. Кюхельбекера)	96.
X. Къ морю (А. Пушкина)	102.
XI. Тимонъ или Мизантропъ, изъ Лукі- ана съ Греческаго (С. Шевырева)	105.
XII. Очки (Елегія)	153.
XIII. Ливонія (Н. Языкова)	156.
XIV. Пѣсня	158.
XV. Секта Идеалистико-Елеатическая — отрывокъ изъ словаря Исторіи Фи- лософіи (Кн. Одоевскаго)	160.
XVI. Буря (****)	214.
XVII. Отрывки изъ Поэмы: Эда (****)	216.
XVIII. Леда (****)	221.

- XIX.** Различныя потребности (С. Н.) . . . 223.
XX. На свиданіе съ сестрою (С. Н.) . . . 224.
XXI. Стихотворенія особенныя :
——— Короткій отвѣтъ Ки. Одоевскаго
Г-ну Булгарину; Замѣчанія на
письмо къ Изд. Л. Л. Госп. Ий-ова;
Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ са-
михъ Издашелей; Одиссеевъ конь,
(Ки. Одоевскаго) . . . . . 227.

О П Е Ч А Т К А.

Послѣ страницы 191 сдѣлана ошибка
въ числахъ страницъ и стиховъ, вмѣсто
214 должно читаться 192 и такъ далѣе.

I.

О СПОСОБАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИРОДЫ.

Все сотворенное, подлежащее нашему изслѣдованію и вообще называемое природою, есть или 1) познаваемое только, или 2) познаваемое и познающее вмѣстѣ. Первому названіе: *природа*, дается исключительно, второе именуется *разумнѣеиѣ* (*intelligentia*) и относится къ познающему въ чловѣкѣ духу.

Природа своею обширностію, разнообразіемъ частей и гармоніею цѣлаго не могла не поразить познающаго духа; сей, по ограниченности бытія, стѣсненный въ почкѣ вѣществу, а познавательною способностію своею носясь по всему царству творенія, не могъ въ послѣдствіи не обратиться и къ самому себѣ, какъ предмету не менѣе природы достойному изслѣдованія. Чловѣкъ, говорю, съ самаго начала своего появленія среди природы, пораженный ея

величіемъ и вѣспѣ изумленный самимъ собою, невольно долженъ спросить себя: что все это, что вѣ меня? И что такое я самъ на семъ великомъ зрѣлищѣ? остано-влюсь на первомъ вопросѣ?

Всѣмъ извѣстна скорость, съ какою разпространяется свѣтъ; отъ звѣзды называемой Сиріусъ доходитъ онъ до насъ (по вычисленію Астрономовъ) въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ. Ежеминутно въ 8 минутъ и 7 съ половиною секундъ пробѣгаетъ онъ отъ солнца до земли болѣе 20 милліоновъ географическихъ миль; но какое ужасное пространство долженъ пробѣгать въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ? Ешаго еще мало; еси звѣзды, которыхъ лучи, по Гершелю, не прежде достигнутъ нашей планеты, какъ по истеченіи двухъ милліоновъ годовъ; какъ же велико должно быть разстояніе, на которомъ онѣ находятся отъ земли? Мысль перелетитъ въ семъ ужасномъ пространствѣ! Но постигаемые предѣлы вселенныи можно ли принять за дѣйствительные? Природу, какъ вѣспилище всего сошвореннаго, легче вообразить сферою, которой центръ всюду, а окружность нигдѣ. Природа въ семъ значеніи взятая не

есть предметъ изслѣдованія, но составляетъ только предметъ благоговѣйнаго удивленія величію Творца ея.

Неизмѣримое пространство вселенной неминуемо предполагаетъ и многообразіе существующаго въ ономъ чрезвычайное. Ежели съ сею цѣлію обратимъ вниманіе на одну нашу планету, и плушь не можемъ довольно надивиться оному: роды описанныхъ только растѣній считаются цѣлыми десятками тысячъ; но сколько еще неизвѣстныхъ, сколько въ каждомъ родѣ видовъ, а въ видѣ различій? Въ живописномъ царствѣ многообразіе еще разительнѣе: не говорю о наливникахъ (*infusoria*), открываемыхъ посредствомъ микроскопа; одинъ классъ насѣкомыхъ представляетъ легіоны. Чтожь если погрузимся въ океанъ, и спустимся до центра земли; какимъ мы будемъ поражены многообразіемъ плѣтъ, имѣющихъ намъ встрѣтиться?

Если мы смотримъ на природу съ еяой стороны, т. е. если стараемся постигнуть совокупность всего видимаго, усиливаемся, такъ сказать, сдѣлать счетъ плѣтъ, природу составляющихъ; въ такомъ случаѣ она представляется намъ храмомъ безпредѣльной обширности, въ коемъ усам-

привающихся безчисленные предметы, уже произведенные (producta), или: съ той стороны, разсматриваемая природа представляется намъ шемъ, о чемъ можно сказать: *ĕсть* (amplexus eorum, quae sunt), и кажется находящеюся въ покоѣ, какъ нѣчто содержимое.

Но ежели на сіи произведенія обратимъ болѣе вниманія; если будемъ проникать глубже сію совокупность видимого; то не можемъ не замѣтить, что сіе нѣчто содержимое, произведенное, издали кажущееся покойнымъ, все находится въ движеніи; шамъ міры, постоянно вращаясь на осяхъ своихъ, съ невѣроятною быстротою носясь вокругъ центральныхъ свѣтилъ; здѣсь моря дышатъ, такъ сказано, въ опливѣ и приливѣ воды своихъ; шамъ грохотъ громовъ колеблетъ атмосферу, и изъ ней: то льются дожди, то сыплются разкаленные камни; здѣсь потрясается земля; сгнѣшенные во внутренности оной огни, прорываясь на поверхность, выносятъ съ собою рѣки расплавленныхъ жаромъ ихъ металловъ и земель; а шамъ милліоны распѣній и живописныхъ, возникая и исчезая, представляютъ непрерывное волненіе. Природа, разсматриваемая съ етой

споры, не кажется болѣе произведенною только, но непрерывно измѣняющеюся (*amplexus eorum, quae fiunt*), и что надобно замѣлишь особенно, при всей измѣняемости оспается неизмѣняемою: всѣ животноныя и растѣнія, однѣ медленнѣе, другія скорѣе, но всѣ вообще умирають, разрушаются; и не смотря на то природа не успѣваетъ; одно умираетъ, другое рождается; словомъ: природа постоянно измѣняется и постоянно оспается темъ же, чемъ по манію Всемогущаго вышла изъ ничтожества. Назовемъ эту всегдашнюю измѣняемость природы *производимостію*, а то, что она при всегдашней производимости, оспается одинаковою, назовемъ *пробываемостію*; и выразимся такъ: *въ природѣ мы находимъ всегдашнюю пробываемость при непрерывной производимости*; т. е. природа ежемгновенно измѣняется и постоянно оспается одинаковою, производится и пробываетъ. Что это значитъ? Чтوبъ не перепугаться только въ общемъ, остановимъ наше вниманіе на частномъ и именно: возьмемъ въ примѣръ животное плѣс: оно пока живетъ, непрерывно измѣняется: однѣ начала превращаются въ его вещество, другія извергаются; и это совер-

шающа елемгновенно; не смѣри на то оно прѣ своей непрерывной измѣняемости, оснается одинаковымъ, производима и пребываетъ, — оно *живетъ*. Главнѣйшій признакъ, сущесвеннѣйшее опличіе жизни есть пребываемость въ производимости. Замѣшивъ сіе, обратимсл къ природѣ: она, какъ сказано выше, находится во всегдашнемъ дѣйстви, въ непрерывномъ движеніи, и сими сохраняется ея цѣлость; всегдашнюю производимостию, непрерывною измѣняемостию поддерживается ея неизмѣняемая пребываемость; непрерывно разрушается и непрерывно возникаетъ, производится и пребываетъ — она *живетъ*. Произведение всеовершенной жизни мертво быти не можетъ.

Солнечныя системы представляюща умнѣвающему наблюдателю ондѣльными органами великаго живаго цѣлаго, органами всеобщаго организма; каждая солнечная система относится къ цѣлой природѣ какъ часть, къ частямъ же, ея соснавляющимъ, содержится какъ цѣлое своего рода; пошомъ каждая планета относится къ солнечной системѣ, какъ часть къ своему цѣлому; сама по себѣ ещѣ также цѣлое и цѣлое живое. Тѣло наше живеть, цѣлокику всѣ

органы, имѣя собственную жизнь и дѣйствую отдѣльно, содѣйствуютъ общей жизни, поддерживаютъ цѣлостность нашего организма; уничтоженъ напр. органъ дыханія; маше шло болѣе не живешь—разрушаешься; такъ цѣлая природа живетъ въ своихъ частяхъ, а части поддерживаются жизнью цѣлаго; такъ живетъ и наша планета; ея основа (partes solidae) — земля; ея кровь (humores) — воды; ея дыханіе — воздухъ; органы ея вѣчнаго возникновенія — растенія и животныя; органъ мышленія — человекъ, вѣнецъ творенія, коимъ временное примыкается къ вѣчному.

При всемъ несмѣшномъ многообразіи существующаго, при всей безчисленности дѣйствій и явленій, мы замѣчаемъ постоянный, непремѣняемый порядокъ въ ходѣ природы; во множествѣ находимъ единство; съ едой спорной природа кажется самою гармоніею, въ безчисленныхъ движеніяхъ обнаруживающеюся и безконечною оныхъ разнообразностію поддерживаемою.

Сорвать завѣсу, сокрывающую отъ насъ пружины сей гармонической машины; открыть главную причину всѣхъ ея несмѣшныхъ движеній и шаговъ — при самомъ началѣ дѣятельности природы; водрузить

знамя истины, словомъ: образовашъ общую теорію природы и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслию погружашься въ дѣла Всесошворшаго, проходя всѣ многоразличныя явленія въ пространствахъ и времени—воплъ цѣль нашихъ изслѣдованій! Къ сему-по знанію, къ сей-по истинѣ стремится духъ челоѣка такъ постоянно во всѣхъ вѣкахъ. Пусть невѣжество—сіе могучее чудовище—искомый свѣтъ отдѣляетъ отъ него ужасными безднами; пусть покрываетъ оный самымъ хаосомъ; онъ не прѣстанетъ усиливаться, дрорываться сквозь всѣ мраки, перелезаетъ всѣ пропасти, стремясь къ своему высокому назначенію.

Стремленіе сіе направляется съ двухъ противоположныхъ точекъ, кошорыя суть: *опытъ* и *умозрѣніе*, или природа изслѣдывается двумя способами: аналитическимъ—эмпирическимъ и синтетическимъ—умозрительнымъ. По первому способу во главу угла полагается опытъ, и на немъ зиждется все знаніе; по второму — умозрѣніе; по первому отъ явленій восходящъ къ началамъ, по второму отъ началъ къ явленіямъ. Совокупность свѣдѣній первымъ способомъ приобрѣтенныхъ называется *эмпирическими*, а вторымъ — *умозрительными*. Несписвен-

ными Науками. Какой способъ превосходнѣе, елико было и есть предметъ первій; большинство голосовъ на споронѣ эмпири; но большинство голосовъ не всегда служило доказательствомъ справедливости; собственное разсужденіе и изслѣдованіе никогда не вредятъ истинѣ.

Спрямленіе познающаго въ насъ духа въ изслѣдованіи природы таково: что, что въспрѣчаешь оное являющимся въ пространствѣ и времени, сличится свести на понятія; картину явленій сличится превратить въ картину дѣйствій, силъ и законовъ; словомъ: сличится списать природу. И такъ, науки, имѣющія предметомъ природу, составляютъ списокъ оной.

Списокъ сличится по мѣрѣ его приближенія къ подлиннику; по сему, чтобъ оцѣнить Естественныя Науки—есть списокъ природы, надобно изслѣдовать: имѣетъ ли оное сходство съ своимъ подлинникомъ.

Сходство понятій съ познаваемымъ предметомъ называется истинною, елико же есть и знаніе; ибо „знаемъ,“ можемъ только сказать о томъ предметѣ, съ которымъ наши понятія сходны; въ противномъ случаѣ мы его не знаемъ.

Теорія въ наукахъ, какъ изображеніе вну-
 ренняго хода явленій, есть представитель-
 ница нашихъ объ нихъ понятій; по сему увѣ-
 рившись въ истинѣ теоріи можемъ только
 тогда, когда убѣдимся въ сходствѣ нашихъ
 понятій съ внутреннимъ ходомъ явленій.

Сходство понятій съ предметомъ мо-
 жетъ быть только одно; по сему и гово-
 рится: истина одна; многихъ сходствъ
 понятій съ предметомъ быть не можетъ;
 если же гдѣ встрѣдимъ различныя пред-
 ставленія одного и тѣ же предмета; то
 на вѣрное сказаніе можемъ: здѣсь господ-
 ствуетъ ложь; ибо истина и ложь вмѣстѣ
 существовать не могутъ; истина одна, —
 изъ ея царства исключается все съ нею
 разнородное. Естественныя Науки имѣютъ
 одинъ предметъ—природу; по сему и сход-
 ство понятій съ оною должно быть одно;
 теорія природы, какъ представительница
 сего сходства, должна быть одна; всѣ Есте-
 ственныя Науки должны образоваться по
 одной формѣ, подъ влѣніемъ одной теоріи,
 по одному сходству понятій съ природою;
 ибо многихъ сходствъ быть не можетъ.
 Таковы ли Естественныя Науки, обрабаты-
 ваемыя эмпирически? Въ ешомъ списокѣ
 природы замѣтна ли та гармонія, которая

господствуетъ въ его подлинникѣ? Физика, говорящая, объемлетъ всю природу; по сему бы она должна быть первою образовательницею общей теоріи для всѣхъ Естественныхъ Наукъ; но мы въ ней самой не видимъ единственнаго начала; въ ней находимъ столько же теорій различныхъ, сколько и предметовъ; а иногда и на одинъ предметъ не одну, а многія теоріи. Естественная Исторія считается также однимъ цѣлымъ, и именно: Естественнымъ описаніемъ; но стоишь только бросить поверхностный взглядъ на части сей науки, и не даясь не замѣнить въ ея спискѣ природы ужаснѣйшаго безобразія; но, что должно быть картиною прехъцарствъ природы, въ прелепнѣйшей связи между собою состоящихъ, представляется картиною безпорядка, неустройства, безсвязности; ибо раздѣленіе минераловъ, растительныхъ и животныхъ основывается на различныхъ началахъ. Физиологія въ Медицинѣ должна играть ту же роль, какая свойственна Физикѣ въ общемъ кругѣ Естественныхъ Наукъ; Физиологія равно какъ Физика должна образоватъ такую теорію, которая бы отражалась на всѣхъ частяхъ цѣлаго, къ которому она принадлежитъ; но еяго въ Медицинѣ нѣтъ; Физиологія имѣетъ

однѣ начала, свои теоріи; Паталогія, которая есть нечто другое; какъ обратная Физиологія, имѣеть другія; Фармакологія свои; Терапія также свои, и всѣ вообще имѣють не одну, а многія теоріи. И такое разноначаліе, вывѣска несовершенства, существуетъ въ этой наукѣ, которой подобны голубы. испощили все краснорѣчіе, всѣ умствования для доказательства, что опытъ есть единственное, противѣйшее осужденіе знанія.

Опытъ человека: заводитъ такое несовершенство? Эмпирическихъ Наукъ? Неужели занимающіеся бивши доселѣ еще обманываюцца, что опытъ есть вѣрнѣйшій путь къ истинѣ? Неужели великіе мужи, коихъ имена внесены уже въ книгу безсмертія, какъ *напр.* Галилей, Бэконъ, Ньютонъ, Вуффонъ, Соссюръ, и проч. были такъ слабы, что не могли поспавить себя выше всеобщаго предразсудка. и опытъ былъ ихъ кумиромъ? Важность дѣла, когда дѣлаются объ истинѣ, ничего незначить: *amicus Aristoteles, amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Природа, какъ явленіе въ пространствѣ и времени, находится въ непрерывной производимости, состоящей въ превра-

щеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы. Сіе положеніе проповѣдуетъ апоженистической теоріи, господствующей въ эмпирическихъ наукахъ; по сей послѣдней находятся многоразличныя вещества, начала; и ежели природа кажеся производящею; по она, не другое что дѣлаетъ, какъ только соспавляетъ сіи вещества, коихъ различное содержаніе причиною различія плѣ. Сія теорія совершенно неправильна. Въ органической природѣ часто въ глазахъ нашихъ совершается образованіе плѣ съ такими началами или соспавными частями, какихъ со всѣмъ не было въ той средѣ, въ коей ихъ образованіе совершалось; такъ напр. извѣстно изъ опытовъ извѣспивѣщихъ еспеспивоиспытателей, что много находится извести въ пеплѣ деревь, возросшихъ въ землѣ, не содержащей ни пылинки извести. Въ крови живошныхъ находится желѣзо тогда, какъ въ пищѣ, ими употребляемой, не открывається и слѣдовъ сего металла. Нѣкоторыя растѣнія, будучи сожигаемы зелеными, даютъ въ произведеніи щелочи, а въ пеплѣ тѣхъ же самыхъ растѣній, но сожженныхъ высохшими, находится известь. Однѣ и тѣ же живошныя, будучи сожжены, презъ

вращающагося въ пепель, въ коемъ находились различныя минеральныя вещества, а, будучи разрушены посредствомъ гніенія, образуютъ черноземъ (humus). Нѣкто Шрадеръ въ Берлинѣ дѣйствительность образованія новыхъ веществъ во время распивательнаго процесса доказалъ самымъ убѣдительно-нѣйшимъ образомъ посредствомъ выращивания въкопорохъ хлѣбныхъ распыній, посаженныхъ сѣменами въ чистѣйшемъ сѣрномъ порошкѣ; поливаемыхъ одною перегнанною водою и шпакъ сохранныхъ; чистымъ дождемъ; ни дождь не могли на нихъ падать, словомъ: земляныя частицы имъ ни откуда и ни какимъ образомъ не могли быть доставляемы; между шпакъ, по разложеніи оныхъ, найдено довольно количество вновь образовавшихся минеральныхъ веществъ, какъ то: кремнистой и квасцовой земли, углекислой извести и углекислой мыловки, окисловъ: желѣзнаго и марганцоваго. Очевидно, что сіи вещества образовались во время распивательнаго процесса изъ перегнанной воды; ибо она только въ семъ опытѣ испреблялась, а сѣрный порошокъ оставался въ прежнемъ количествѣ.

Сего довольно, чтобы показать всю неосновательность атомистической тео-

рія и вмѣстѣ подтвердитъ противоположное оной положеніе, а именно, какъ сказано выше: производимѣсь природы состоитъ въ превращеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы.

Различіе формъ въ природѣ органической, какъ замѣчено выше, чрезвычайно; но вещество, служащее матеріаломъ ихъ образованія одно — слизь. Изъ сравнительной Анатоміи извѣстно, что основа тѣлъ органическихъ есть клѣвчатая плева; изъ ней образуются всѣ плотныя части, а плева образуется изъ слизи; изъ слизи же образуются начально жидкія части тѣлъ органическихъ.

Очевидно, что многоразличіе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самаго вещества, оно одно; вещество, какъ нѣчто непроницаемое въ пространствѣ, служитъ только основою явленія — массою, изъ которой образуются различныя формы, а то, что въ веществѣ проявляется, отъ чего зависитъ образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное, совершенно оному противоположное. Назовемъ условно сіе нѣчто веществу противоположное, въ немъ проявляющееся, *идеальнымъ*, а законъ, по коему идеальное

дѣйствуетъ — идею вообще, въ тѣлахъ живыхъ — идею жизни. Послѣ сего касательно образованія различныхъ формъ изъ одного и того же вещества можемъ выразиться такъ: вещество принимаетъ ту или другую форму, смотря по тому, какого идеальнаго вліянію подвергается, напр. одинъ и тотъ же черноземъ, подверженный дѣйствию на него различныхъ сѣменъ, превращается въ различные расплывельныя тѣла. — Чтобы убѣдиться въ сей истинѣ, такъ сказать, оцупью; слѣдуетъ только заглянуть въ шеплицы и оранжереи.

Въ сѣмени не содержится, какъ нѣкоторые даже и теперь думаютъ, цѣлое растѣніе вещественно; по ихъ мнѣнію ростъ растѣнія есть только развитіе того, что въ маломъ видѣ находится въ зародышѣ. Заблужденіе! — Сѣмя растѣніемъ до оплодотворенія есть шарикъ, въ окружности плотный, а въ нутри жидкій; въ немъ послѣ оплодотворенія чрезъ нѣсколько дней появляется бѣлая почка, начало зародыша; ему въ актѣ оплодотворенія сообщается одна только возможность опредѣленнаго образованія — идея. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но невещественно, а идеально, въ возможности

(in potentia). Сія форма въ возможности—идея и есть та внутренняя модель, по которой матеріалъ питания распѣный превращается въ распительное тѣло, какъ спрощенный матеріалъ превращается въ здание по фигурѣ, родившейся въ головѣ Архитектора. Такъ же образуется и живописное тѣло; мы удивляемся красотѣ навалина, огромности слона, кита, словомъ: поражаемся несмѣпнымъ многообразіемъ живописныхъ; всѣхъ ихъ тѣламъ начало одно—слизь; различіе формъ, въ которыя сія превращается, зависитъ отъ идеальнаго.

Формы, которыя вещество принимаетъ, временны; ибо оно дѣйствию того или другаго идеальнаго подвергается случайно; по сему ежели опредѣленный видъ вещественнаго назвать его существованіемъ; то ясно, что сіе существованіе есть только случайное, мнимое; ибо оно служитъ только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Но такъ какъ формы вещества при всей ихъ случайности и недѣйствительности, находясь въ природѣ постоянно: то слѣдуетъ само собою, что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно. Чтобы пред-

Мнемозина. Часть IV. 2

спавишь мысль сію въ чувственномъ видѣ, вообразимъ безпредѣльно обширное море, сильнымъ въпрямь непрерывно волнуемое; первое, что поразитъ насъ при взглядѣ на оное, будутъ пѣнисыя волны, съ ужаснымъ шумомъ воздымающіяся; къ нимъ прикованный взоръ будетъ только видѣть многоразличныя формы пѣнисныхъ возвышеній; замѣнитъ только, какъ одна волна изъ другой рождается и поглощается послѣдующею, какъ онѣ ежемгновенно, исчезающія и возникающія представляющія постоянное явленіе волненія. Море — природа; волны — переходящія формы, явленія; вода въ разныхъ формахъ: и. е. въ волнахъ, по исчезающихъ по возникающихъ являющаяся — вещественное; въпрямь — идеальное; все вмѣстѣ взятое явленіе — производимость природы, а начальная причина сего общаго волненія океана вещественности

Живыи въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени Превѣчный!

Видимое для насъ въ каждомъ явленіи есть только случайное, мнимое существованіе, волны въ морѣ (ρηνωτοπον); а сущность онаго (πουτοπον) скрывается въ идеаль-

ночь. Все видимое движется въ слѣдствіе дѣятельности идеальнаго.

Теперь возвратимся въ способамъ изслѣдованія природы.

Аналипически или эмпирически изслѣдывающіе природу утверждаются на опытности; опытность предметомъ можетъ имѣть только то, что подлежитъ чувствамъ; чувствамъ подлежитъ только внѣшнее въ каждомъ видѣ существованія (phenomenon), а сіе есть только случайное, несущественное въ природѣ; симъ путемъ слѣдуя, т. е. путемъ опытности, можно только дойти до понятія о случайномъ; но случайнымъ управленъ нѣчто постоянное, и ещо есть идеальное; а идеальное не подлежитъ опытамъ, его не лзя заключить ни подъ воздушной колоколь, ни въ папиновъ горшокъ. Послѣ сего понятно, почему въ эмпирическихъ наукахъ, идущихъ къ своему совершенству путемъ опытности, доселѣ вѣтъ ничего положительнаго; онѣ зиждутся на зыбяхъ взволнованнаго моря, на одиѣхъ видимыхъ явленіяхъ; взоръ эмпирическихъ естествоиспытателей прикованъ къ одиѣмъ волнамъ; онъ въ морѣ природы, кромѣ пѣнистыхъ колебаній, ничего невидитъ.

*

Изъ предыдущаго видно, что природа имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю (ρhoεnoτεnoπ) и внутреннюю (noυnoτεnoπ). Внѣшняя сторона есть область *опыта*, *εμπιριu*, а внутренняя *υλοζρῶνiα*. Наружность поражаетъ прежде; и потому душа наша, сообщаясь съ міромъ посредствомъ наружныхъ чувствъ, прежде обращается къ внѣшней сторонѣ природы; поражаясь многообразіемъ, силится все привести къ единству, находя все условнымъ, стремясь привести къ безусловному. Единство и безусловное, вошь цѣль, къ которой мыслящій въ человѣкѣ духъ стремится постоянно и не упомляется; всѣ спользія ознаменованы слѣдами его усилій.

Тотъ моментъ дѣйствія души, когда она, чрезъ наружныя чувства обращаясь къ внѣшней сторонѣ природы, все видимое многообразіе силится привести къ единству, все условное свести на безусловное, называемъ *разумомъ*: противоположный—*υλομῶ*. Послѣдуемъ за нею въ первомъ моментѣ дѣйствія и съ должнымъ вниманіемъ вникнемъ: много ли она успѣваетъ, другими словами: далеко ли простираются дѣйствія разума? Душа, обращенная посредствомъ чувствъ къ внѣшней сторонѣ природы, при

первомъ взглядѣ поражаетъ многообразіемъ, ещо есть *воззрѣніе*. При воззрѣніи многообразіе вещей представляется смѣшаннымъ. Разумъ, видая въ оное, скоро находить, что во множествѣ вещей различныхъ находятся и сходныя между собою; но сему размѣщаетъ ихъ въ особые ряды, приводитъ къ единству (*Collocatio similium rerum*); потомъ разбираетъ: въ чемъ состоятъ ихъ сходство, или: что онѣ имѣютъ между собою общаго? Наконецъ *отвлекаетъ* (*Abstractio*) отъ нихъ то, что всѣмъ имъ общимъ находить, частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи, удаляетъ отъ себя, и удерживаетъ только то *общее*, почему онѣ всѣ сходны; общее, отвлеченное отъ подобныхъ частныхъ, есть *понятіе*, напр. Роза, павлинь.

При воззрѣніи душа извѣщается только о многообразіи, которое она должна привести къ единству и первый къ тому порывъ есть составленіе понятій, при чемъ замѣчаются три момента. 1) *Совмѣщеніе подобныхъ* (*collocatio*), 2) *Разборъ сходства* (*comparatio, analysis*), 3) *Отвлеченіе того, что составляетъ сходство* (*abstractio*). — Но поелику и понятія, какъ особыя сферы, вмѣщающія общее частныхъ,

иѣющихъ между собою сходство, представляющихъ не единство, а многообразіе; поему разумъ спремился далѣе: и многообразныя сферы старается соединить въ одну общую; при чемъ поступаетъ также, какъ и при составленіи каждаго понятія порознь, т. е. особыя сферы, сносъ вмѣстѣ, разбираетъ, что между ими есть общаго, и, отвлекая отъ нихъ сіе общее, составляетъ новую сферу; но и сіи высшія сферы душѣ кажутся еще частными, представляюща многообразіемъ, а ея цѣль — *единство*; потому и сіи сферы силился подвести подъ общее единство. Такимъ образомъ отъ понятій *видовъ* поступаетъ къ понятію *рода*, *порядка* и ш. д. Самое высшее понятіе, до котораго доходитъ разумъ, есть *бытіе*, *общее*, отвлеченное отъ всего, о чемъ можно сказать: *есть*. Бытіе есть единство; оно не имѣетъ никакого сказуемаго, кромѣ того, что оно есть подлежащее безъ сказуемаго. Все, о чемъ можно сказать: *есть*, составляетъ его видъ, отъ него уже нечего болѣе отвлекать; оно есть самое простѣйшее, самое *общее*.

Невходя въ подробный разборъ понятій, замѣтимъ, что составленіе оныхъ есть процессъ восхожденія, въ концѣмъ

каждая ступень къ низшему содержишиа какъ общее, а къ высшему какъ частное, напр. понятіе *растѣнія* къ понятію *розы* содержишиа какъ общее, а къ понятію *тѣла*, какъ частное.

Чѣмъ выше восходитъ разумъ, или чѣмъ сфера понятія по объемлемости значительнѣе; тѣмъ она болѣе, такъ сказать, рѣдѣетъ, утончается; ближайшія къ предметамъ полнѣе, болѣе имѣютъ сказуемыхъ; отъ нихъ, какъ отвлеченій общаго частныхъ, отвлекается еще общее и т. д. *Предметы* (особыя, individua) и *бытіе* составляютъ крайности, конечныя ступени сего посхожденія. Первыя ступени суть ближайшія къ дѣйствительности (realitas), но и здѣсь, т. е. въ первой сферѣ отвлеченія предметы уже исчезаютъ, а остается только то, что есть между ими общаго напр. понятіе *розы* заключаетъ въ себѣ только общность признаковъ розъ, а не самыя особыя (экземпляры).

Далѣе восходитъ значитъ постепенно удаляться отъ предметовъ, отъ дѣйствительности; каждое понятіе содержитъ только общее, гдѣ частныя, отъ коихъ то общее отдѣлено отвлеченіемъ, исчезаютъ, на прих. въ понятіи *растѣнія* не узнается

уже ни роза, ни сосна, ни липа; словомъ: ни одно изъ особыхъ, опъ коихъ взятое отвлеченіемъ общее составили понятіе растѣнія. Потому каждая сфера понятій представляется пустою, гдѣ дѣйствительность потеряна, и чѣмъ выше сфера понятія, тѣмъ она пустѣе, а самая высшая находится общею пустою всѣхъ сподчиненныхъ пустошъ. На каждой ступени низшія подчиняются высшимъ, а чрезъ то первыя изъ послѣднихъ, такъ сказать, выпадаютъ; въ сихъ опъ первыхъ остается только общее. Потому самая высшая дѣлается общею пустою, въ которой всѣ частныя потеряны; а потому самая высшая сфера есть самая большая пустота, гдѣ все многообразное не къ единству приведено, а обращено въ пустоту.

Разумъ, замѣтивъ такой недоспашокъ въ понятіи (если кому покажется спиральнымъ, что разумъ здѣсь какъ бы олицетворяется, представляется самостоятельнымъ, живымъ, дѣйствующимъ по усмотрѣнію, тому слѣдуетъ припомнить, что подъ именемъ разума понимаемъ душу, обращенную къ внѣшней сторонѣ природы; а душа есть дѣйствительно нѣчто самостоятельное, живое, дѣйствующее по усмо-

прѣнно. Мысль сія сдѣлается еще яснѣйшею, если подѣ именемъ разума; будемъ понимать разумъ не одного челоуѣка, но разумъ всѣхъ людей вообще "и во всѣхъ вѣкахъ, усилывающійся все многоразличное привесни къ единству); разумъ, говорю, замѣшивъ такой недоспашокъ въ понятіи, дѣлаетъ новое усиліе: чшобъ оный пополнить, а именно: *общее* какъ нѣчто пустое, стараешься свесни на *частное*, общее поспавишь на видъ въ частномъ, и ешо есть *сужденіе*, второе дѣйствіе разума, въ которомъ оный общее, какъ нѣчто пустое, несущественное спасаешь, шакъ сказать, на частномъ, какъ существеннѣйшемъ въ сравненіи съ первымъ, или частное подчиняешь общему, чшобы общее, исчезнувшее въ дѣйствительнаго, свесни на частное и шѣмъ соединишь оное съ дѣйствительнымъ, на пр. Роза есть растѣніе, роза красна.

Во второмъ дѣйствіи замѣчаются шакже три момента: частное (подлежащее) общее (сказуемое) и моментъ ихъ соединенія, связь (*copula*).

Частное въ отношеніи къ общему содержится какъ преходящее, случайное къ постоянному на пр. роза есть растѣніе; здѣсь частное *роза*, а общее *растѣніе*; розы

могутъ измѣняться, переходить, быть случайными, а распѣніе поспоянно. Съ другой стороны общее предъставляется пуспымъ, вѣ съущественнаго исчезающимъ, а частное кажется съущественнымъ. Разумъ во второмъ дѣйствіи, частное подчиня общему, случайное силится сообщиться съ поспояннымъ; дѣлая сіе, онъ пополняетъ найденный имъ въ понятіи недостатокъ: общее, какъ вѣ съущественнаго исчезающее, спасаетъ на частномъ. Онъ сдѣлалъ все случайное свести на поспоянное, все много-различное привести къ единству; вѣспѣ не хотеть удалиться отъ съущественности. Въ первомъ дѣйствіи онъ замѣчаетъ сіе удаленіе, во второмъ хотеть возвратиться къ съущественности, но не достигаетъ сей цѣли; подчиня частное общему, онъ не низходитъ еще до самыхъ предметовъ, до дѣйствительности; въ частномъ не видны еще особья (*individua disparent*). И потому дѣлаетъ еще новое усиліе; особое спарается соединить съ общимъ посредствомъ частнаго, и это есть заключеніе—третье дѣйствіе разума; его моменты: *общее, частное, особое*, на прим. разумъ, разсматривая людей, какъ особья, находитъ во всѣхъ нѣчто общее и это общее есть человекъ, какъ

понятіе, или какъ видъ (species); разсмап-
ривая человекъ вообще, находишь на пр.
что онъ смертенъ. Смертностъ въ семъ
случаѣ будетъ высшее понятіе слѣд. общее;
человѣкъ будетъ въ отношеніи къ нему
частное; сказать: *человѣкъ смертенъ* будетъ
сужденіе; но въ понятіи: человекъ, не видно
особыхъ, человекъ какъ видъ (species) не
умираетъ; умираютъ люди, какъ особыя
(individua), потому разумъ общее спараетъ
свеси на особое посредствомъ частнаго,
или особое подчиняетъ общему посредствомъ
частнаго, на пр.

Человѣкъ смертенъ,

Петръ человекъ,

Слѣд. Петръ смертенъ.

Это будетъ заключеніе.

Разборъ сихъ прехъ дѣйствій души,
обращенной къ внѣшней сторонѣ природы,
есть теорія разума, что обыкновенно на-
зываютъ *Логикою*.

Начать съ того, что поражаетъ чув-
ства, естественно; но не естественно имъ
кончатъ всѣ изслѣдованія. Справедливо,
что прежде начинаемъ съ видимаго, начи-
наемъ узнавать эмпирически; но и то не-
оспоримо, что сямъ путемъ не можемъ
дойти до дѣла естественнаго, до един-

ства, изъ котораго бы можно объяснить видимое.

Разумъ доходитъ до единства, но сіе единство есть *пустота*, въ которой все дѣйствительное (*reale*) исчезаетъ; изъ единства разумомъ найденнаго нельзя вывести многообразное, а это и есть важнѣйшая задача; найти единство, которое должно быть внутреннимъ началомъ каждаго явленія, изъ котораго бы можно объяснить внутреннюю сторону природы, всей внѣшня я служилъ только тѣнью. Такое единство есть *идея*; понятіе объ оной назовемъ условно *мыслію*. — Мысль есть также понятіе, но понятіе ума; понятіе разума говоритъ о формѣ вещи, понятіе ума — о самой сущности. Мысль слѣдовательно касательно значенія совершенно противопологается *понятію*. Понятіе есть общность частныхъ, со внѣшней стороны разсматриваемыхъ; мысль есть сущность оныхъ; понятіе есть формальное единство; ибо основаніемъ имѣетъ видимыя формы, внѣшность вещи; мысль есть существенное единство; ибо основаніемъ имѣетъ сущность вещи: мысль извѣщаетъ о внутренности явленія, понятіе только о поверхности онаго; понятіе составляетъ; мысль рождается и

развиваеиися: понятіе естъ предметъ *Логики*, мысль — *Философіи*; понятіе естъ произведеніе разума, души обращенной къ вѣшней сторонѣ природы; мысль естъ произведеніе ума, души погруженной внутрь себя; понятіе естъ луна отраженнымъ свѣтомъ освѣщающая гемисферу ночи — сторону веще-ственнаго; мысль естъ солнце, озаряющее собственнымъ свѣтомъ, гемисферу дня — сторону идеальнаго. Душа, обращенная къ вѣшней сторонѣ природы, можетъ только обогащаться понятіями, а сіи осязаются при одиѣхъ только формахъ видимаго. Разумъ во всѣхъ прехъ дѣйствіяхъ своихъ не простирается далѣе понятій, и потому онъ ограниченъ; онъ не можетъ проникать во внутренность явленій природы, имѣя удѣломъ скользить только по поверхностямъ оныхъ.

Вѣшняя сторона природы естъ область эмпирии; слѣд. поприще разума; внутренняя естъ область умозрѣнія, слѣд. поприще ума; надъ тою мерцаетъ луна-понятіе, надъ сею горитъ солнце-мысль; идущіе по первому находятъ только отраженіе, оппечашки идеальнаго; идущіе по второму созерцають или силятся, по крайней мѣрѣ, созерцать самое отражающее—*идею*.

Начало эмпириі — явленія; умоузнаніе — самопознаніе; ходъ эмпириі — *наведеніе* (inductio), умоузнаніе — *выводъ* (deductio, constructio); эмпириі отъ окружности усмремляется къ центру на удачу; умоузнаніе отъ центра посмущаетъ къ окружности на вѣрное. Эмпирикъ весь хаосъ, который ему представляется многообразіе шѣлъ естественныхъ, силится привести въ порядокъ, основываясь на шѣхъ или другихъ признакахъ, нимало не заботясь о томъ, какое понятіе родящъ его система о природѣ; потому эмпирическія системы шавъ сухи, не занимательны. Для умоузнателя признаки шѣлъ суть буквы, кои, идеальное проявляясь въ вещественномъ, даютъ себя разумѣть, равно какъ и каждая мысль, облеченная словомъ въ нашихъ книгахъ; его система шѣлъ естественныхъ есть картина развитія царствъ природы: для эмпирика природа — груда матеріи, которую онъ силится разложить и описать; для умоузнателя она есть Гіероглифъ, начертанный Высочайшею Премудростию, которого онъ силится постигнуть значеніе.

Впрочемъ умоузнаніе при всемъ его преимуществѣ предъ эмпиріею, безъ сей послѣдней недостапочно. Каждое явленіе, слѣд.

и природа, какъ совокупность явленій, есть соединеніе противоположностей (synthesis oppositorum), — совмѣстность идеальнаго съ вещественнымъ; посему умозраительное познаніе и эмпирическое каждое опдѣлено, какъ одностороннее—нецолно. Для эмпириковъ сіе положеніе не понятно; ибо для нихъ извѣстно только то, что подлежитъ чувствамъ. Умозраители напротивъ убѣждены въ необходимости обоюднаго познанія; и пощому нимало не чуждаются эм. три, какъ древніе метафизики; они также, какъ и эмпирики, пользуются сдѣланными досель опытами и наблюденіями и сами занимающся оными; но для нихъ опыты и наблюденія — повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія, а не самыя начала.

Чашо можно слѣдшать: мы живемъ въ просвѣщеннѣйшія времена; науки идутъ къ своему совершенству исполинскими шагами; однѣ открытія дѣлають за другими. Меч. па! число открытій увеличивается—ни слова, а природа остается по прежнему не рѣшенною задачею; открытіе электричества считається блистательною эпохою въ исторіи наукъ; но объяснилась съ сими хощя нѣсколько природа? Ни мало! Что такое электричество, еще явлерность? Откры-

ліце газівъ преобразовало, говорятъ, Хлоридомъ, но что такое газы? Разложеніе щелочей причисляется также къ важнымъ открытіямъ, но что такое металлическія ихъ основанія? Содержаніе составныхъ частей воздуха опредѣлено въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ слояхъ атмосферы; но проникнула ли нату́ра воздуха? Милліоны процессовъ совершающихся на земной поверхности измѣняютъ содержаніе составныхъ его частей; почему же оно остается всегда одинаковымъ во всѣхъ климатахъ и во всѣ времена года? Замѣчено вліяніе гальванизма на магнитную стрѣлку; но объяснилось ли симъ электричество, или гальванизмъ?

Чѣмъ болѣе дѣлается открытій; тѣмъ болѣе предположъ вопросовъ для рѣшенія; эмпирическія открытія не болѣе значатъ, какъ умноженіе числа явленій природы; разувъ чрезъ то обогащается, правда; но въ познаніи природы онъ не поступаетъ далѣе; по' прежнему остается въ границахъ случайнаго, по прежнему шерлется въ пустотѣ понятій.

Опытъ можетъ, доводитъ до открытій, но до знанія оныхъ никогда. Эмпирическія свѣдѣнія никогда не могутъ быти

выше обыкновеннаго разсказа; ихъ совокупность не болѣе значить, какъ собраніе матеріаловъ знанія, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

Пусть Эмпирики выдумываютъ теоріи, чтобы устроили сей хаосъ: но ихъ усилія тщетны; они одну ложь замѣняютъ другою: напр. предположеніе Флогистона въ горючихъ тѣлахъ составляло въ свое время теорію Химію, и она казалась тогда истиною; открытія Лавуазье показали всю ея ложность; послѣ сего водворилась антифлогистическая теорія, но и она оказалась ложною. Новое открытіе ведетъ къ новой Теоріи, и то, что предъ тѣмъ принимали за истину, выдается за ложь. Узнавать теоріи Эмпириковъ значить переходить отъ старой лжи къ новой. Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія; слѣд. не дѣло эмпириі; внутренняя сторона природы доступна для ума, а не для разума.

Посему ежели теоріи въ Естественныхъ Наукахъ необходимы, и ежели для облегченія успѣха въ оныхъ общая теорія, кою бы всѣ прочія служили только отраженіемъ, должна быть цѣлюю подвизающихся на поприщѣ Естествознанія;

по умозрительный способ изслѣдованія заслуживаетъ большее вниманіе ученыхъ, нежели сколько обыкновенно удостоивается. онаго; мудрая древность не безъ причины въ самопознаніи полагала начало всякаго знанія.

п. п.

II.

ЕЩЕ ДВА АПОЛОГА.

I.

НОВЫЙ ДЕМОНЪ.

Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ Поетъ Россіи такъ живо олицетворилъ нѣ неясныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди воспоговъ самыхъ пламенныхъ. Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нее похитилъ искани, неприкосновенныя для простолюдина, — которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона (*). Но не только внутри существуетъ сей злобный Гений, онъ находится и въ насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый — но не менѣ мучителенъ.

Въ бесѣдѣ *избранныхъ* сидѣлъ Каллидоръ, юноша исполненный огня, вдохновенія. Пламенные глаза его были обращены

(*) См. Стихотвореніе А. Пушкина: Мой Демонъ. Мнем. часть III, стр. 11.

на *возвышенныхъ*; въ ихъ взорахъ, рѣчахъ онъ встрѣчалъ непонятное черни; неземному — земное въ немъ покаялось. Едва разцвѣтавшая жизнь его развивалась въ наслажденіяхъ высокихъ, и созрѣвала вмѣстѣ съ ними.

Проходилъ день за днемъ. Молча, погруженный въ глубокую думу, юноша не оставлялъ своего созерцанія, но болѣе и болѣе къ нему прицѣплялся. Все плѣняло его въ храминѣ *избранной*; и тихій свѣтъ, и спокойная твердость *возвышенныхъ*: и прелесныя, хотя недокончанныя украшенія.

Но вдругъ — хлынулъ вѣтеръ, дверь настежь и человекъ пожилыхъ лѣтъ вбѣжалъ въ храмину; онъ былъ запрянутъ въ модный фракъ; золотая цѣлочка гремѣла у жилета; на заботливо сложенномъ галстукѣ — проницаемость считала часы убитаго времени. Лице его было — смѣсь всѣхъ характеровъ; и не оипъ сильныхъ чувствованій изрыто морщинами, которыя ему тщетно бѣлилами хотѣлось загладить; безчувственные глаза — перебѣгали отъ предмета къ предмету; во всѣхъ движеніяхъ его суетливость, вертлявость спорила съ какою-то важностію и педан-

пизмомъ. — Улыбка его была насмѣшлива; но онъ умѣлъ ее дѣлать необыкновенно привѣпливою; она нравилась, но плачь его не возбудилъ бы сожалѣнія; нѣкло между избранными не зналъ незнакомца, хотя онъ имъ былъ извѣстенъ по слуху; не испугались они его, но смутились, какъ будто онъ заспалъ ихъ въ какомъ преступленіи.

Незнакомецъ подошелъ къ Каллидору:

„Что ты здѣсь дѣлаешь!“ говорилъ онъ ему „прелестна еша храмина, но по-смопри: уже обвѣщали ея недокончанныя украшенія; всѣ усилія обипающихъ въ ней не могли довести ихъ до совершенства, даже самая храмина не совсѣмъ доспѣрена. Почтенны мужи въ ней сидящіе, но кромѣ ихъ естѣ люди на свѣстѣ; — я знаю, понимаю тебя; ты хочешь совершенствоваться; въ своей храминѣ ты еще не многое видѣлъ; познакомься съ тѣми, которые живутъ внѣ ея! — Опытности великое дѣло.“

Незнакомецъ пріятно улыбнулся, протянулъ Каллидору руку, юноша по какому-то невольному чувству подаль ему свою и послѣдовалъ за незнакомцемъ.

Они выходилъ изъ храмины: и яркія краски ослѣпляютъ глаза Каллидора; разнообразныя предметы развлекаютъ вниманіе;

(новость покрывала ихъ радужными цвѣтами); непрерывный — не непріятный шумъ, оглушаетъ его. Предъ нимъ воздвигнуты высокія зданія, пышно украшенныя; казалось и малѣйшій недоспапокъ въ нихъ не гнѣзділся. Каллидоръ изумляется сему совершенству.

Онъ входитъ въ опромныя палаты—его встрѣчаютъ толпы незнакомыхъ, но прелестныхъ существъ — какъ будто носящихъ образъ человѣческій; всѣ онѣ были, по видимому, въ великой дѣятельности, но оставляли свои занятія и подходили къ Каллидорову спутнику: одни привѣтствовали его, другія жали руку; всѣ спрашивали его насавленій и съ благоговѣніемъ ему внимали. — Это еще болѣе увеличало Каллидорово почтеніе къ незнакомцу. Онъ не переспавалъ изумляясь, забывалъ о своей прежней хранилѣ, былъ въ упоеніи — но вдругъ подудъ легкій вѣтеръ — и палаты заколыхались. Это поразило Каллидора, прервало минутный восторгъ его — онъ вснаприваается съ болѣшимъ вниманіемъ на существа его окружающія и что же видитъ? не людей, но несмѣнное количество звѣрей, оковцовъ, гадовъ, разнаго рода,

Онъ проходитъ изъ зданія въ зданіе — и вездѣ видитъ тѣхъ же живописныхъ ; къ большому прискорбію замѣчаетъ, что вездѣ *пресмыкающіяся* властвовали надъ прочими; что къ нимъ послѣ его спутника, болѣе всего оказывалось уваженія, а что напропавъ ближайшія къ человѣку живописныя — оспаривались безъ вниманія.

„Гдѣ же люди, которыхъ ты обѣщаль показать мнѣ?“ восклицала неперпѣливый юноша своему спутнику.

Незнакомецъ не отвѣчалъ ему на вопросъ, швердилъ безпрестанно объ опытности и водилъ его изъ зданія въ зданіе.— Бѣдный юноша заблуждался часъ отъ часу болѣе, вспоминалъ о своей хранилѣ; но уже не зналъ какъ найти къ ней дорогу—боялся еще болѣе заблудиться и уснулъ, въ скукѣ, томленіи уже невольномъ, какъ спящая слѣдовалъ за своимъ пупеводителемъ.

Тщетно юноша хотѣлъ вспомнить о высокихъ помыслахъ, прежде волновавшихъ душу его. Незнакомецъ не давалъ ему ни на минушу задуматься. Когда въ красотахъ Поезіи Каллидоръ спремился найти опраду,—незнакомецъ вертѣлся передъ нимъ на одной ногѣ и гремѣлъ побрекушками; когда онъ прикасался къ мусикійскому орудію,

чиробя въ согласіи звуковъ, неопредѣленныхъ — поглотишь разногласный, рѣзкой шумъ его упомлявщій — незнакомецъ на помъ же инструментиѣ наигрывалъ модную пляску; когда несчастный даже въ объятіяхъ сна, въ видѣніи предсавлялъ себѣ прежнюю храмину — незнакомецъ будилъ его холодною, косплявою рукою. — Когда же выведенный изъ терпѣнія, вспыхнувши опъ досады, юноша съ гнѣвомъ взглядывалъ на своего знакомаца: незнакомецъ или опдѣчалъ ему насмѣшкою, или принималъ на себя важный видъ и педантическимъ пономъ шолковалъ о своей важности и достоинстввахъ.

Между тѣмъ дни проходили за днями. Каллидоръ мало по малу привыкалъ къ своему спутнику; онъ боялся его, онъ нуждался въ немъ, ибо лишь незнакомецъ могъ защитить его опъ звѣрей и гадовъ, ихъ окружавшихъ.

Наконецъ, зданія не колыкались болѣе въ глазахъ Каллидора; къ чрезвычайному его удивленію животиныя нечувствительноп стали для него облакаться въ одежду человѣческую; наконецъ онъ въ самомъ дѣлѣ людьми ему казались; онъ не понималъ прежняго своего соспоанію; лишь изрѣдко

взглядывая въ зеркало — мнилъ видѣть себя въ образѣ шѣхъ живописныхъ, которыхъ прежде ужасался, но почиталъ епо мечлюю; день оцдо дня болѣе и болѣе душою привязывался къ своему спутнику; душою вѣрилъ пышнымъ словамъ его и обѣщаніямъ; по его внушенію подружился съ окружающими ихъ существами, вступилъ въ ихъ кругъ дѣятельности; старался всячески подражать имъ: и пресмыкаешься предъ пресмыкающимися и порхашь съ насѣкомыми; *животныя* не могли нахваляться Каллидоромъ, и лишь *избранные жалѣли*, за чѣмъ онъ познакомился съ *свѣтскою жизнью*:

2.

МОЯ УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

На сихъ дняхъ посѣнилъ я одного моего пріятеля, котораго знавалъ еще въ молодоспій; тогда онъ, какъ водился у насъ, подавалъ великія надежды: учился славно, имѣлъ память оспрую, умъ глбкій; всѣ думали, что онъ будетъ осьмое чудо міра; Журналисты прославили его Геніемъ, добрые чиншатели имъ повѣрили; слава его обошла всѣ гостинныя и кабинетны; но прошло нѣсколько лѣтъ—о Геніи нѣтъ ни слуха, ни духа, какъ въ воду канулъ. Меня чрезвычайно огорчало это промзшесствіе, которому впрочемъ подобныя каждый день у насъ вслрѣчаются; мнѣ хотѣлось узнать причину онаго.

Вхожу къ моему пріятелю, и не узнаю ни его самаго, ни его компаны: пыль покрывала всѣ книги и бумаги его,—на нихъ даже и признака прикосновенія не было; самъ онъ сидѣлъ, или, лучше скажешь, лежалъ въ пуховыхъ креслахъ; безопасно бурилась

трубка въ устахъ его; ни огня въ глазахъ, ни жизни въ лицѣ; предъ нимъ лежалъ исписанный листокъ бумаги; я развернулъ его и прочелъ слѣдующее:

„Было время, когда добрыя, почтенныя пешушки гладили меня по головкѣ, глубокомысленныя дядюшки давали денегъ на лакомство; въ это счастливое время я почиталъ ихъ существами, подобными человѣку; ихъ занятія казались мнѣ чѣмъ-то важнымъ, возвышеннымъ; ежели и случалось мнѣ звывать оныя ихъ разговоры, я въ помѣ самаго себя обвинялъ.

„Однажды — о счастливое время! когда вышедши изъ Пансіона, я первый разъ въ жизни видѣлъ какъ пешушка моя раскладывала грань-пасіансъ, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на нее и мечталъ о той блаженной минутѣ, когда и я буду въ состояніи поспигнуть сію высокую пайну; вдругъ пешушкиныя сполы зашаталися и изъ подъ него вылезло существо, котораго описать не умѣю; это меня такъ испугало, что я изъ гостиной опрометью, въ кабинетъ и — спрятався за грудкою книгъ. Съ тѣхъ поръ лишь загляну въ гостиную, а непонятное существо уже тамъ, валяется по спаламъ, по диванамъ, и я снова бѣжашь.

„Робость моя не понравилась ни почтеннымъ пепушкамъ, ни глубокомысленнымъ дядюшкамъ; я съ ними разсорился; они, какъ водилося, назвали меня безбожникомъ, вольнодумцемъ; я заткнулъ уши и лишь изрѣдка изъ за груди книгъ съ насмѣшкою на нихъ поглядывалъ.

„Но эта насмѣшливость не прошла безъ наказанія. *Кто противъ дяди и невѣжества?* Между грудями книгъ, за которыми я прятался находились и дворенія въ которыхъ нашихъ модныхъ Поеповъ. Чпо ни разверну — все вижу изображеніе непонятнаго существа, котораго я шакъ испугался; вездѣ его хвалили, превозносили, утѣшались имъ, какъ игрушкою; вездѣ явственво изображался оппечатокъ моего пугалища.

„Я сперва удивлялся, потомъ мало по малу пересталъ дивиться, а наконецъ непонятное существо не казалось мнѣ болѣе страшнымъ.

„Однажды, когда я не могъ довольно налюбоваться мною чинайными описаніями *златой безпечности, милой кѣги* и проч. игралъ въ *саше саше* съ нашими Поепами л. е. опыскивалъ мысли между словами, и не успѣвая въ семь предпріяшій, восхищался ихъ піипическою хипростію, — дверь

наспежь и непоняшное существо ввалилося въ койнашу. Старая моська моя весьма ему обрадовалась, бросилась, легла, съ почтеніемъ у ногъ его, распинулась и заснула; множество книгъ запрыгали на полкахъ, какъ будто опозвалося въ нихъ родное чувство; и лишь молодой кошенокъ, съ негодованіемъ выпустилъ когти. Я успремилъ на чудное существо неподвижные ваоры и сначала мнѣ показалося, что ешо Каллидоровъ спутникъ: вѣчная сонливоспъ въ глазахъ, изнѣженныя, ослабѣвшіе члены, подивверждали мое мнѣніе; но всмашриваюсъ, и что-же? Ешо была женщина, одѣпаня въ мужское платье, вѣрояшно, для большей уверпливоспи, — свойство, которое какъ я послѣ узналъ, по спранному противорѣчію, было опличительнѣйшимъ въ сей Богинѣ; она не могла нрависпся; но небрежно повязанный галспукъ, кое-какъ наброшенная одежда придавали ей какую-то прелеспъ; она казалося угадала мысли мои и сказала: ты почишаешь меня Каллидоровымъ спутникомъ — ошибаешься, я его подруга—*Лѣнь*, Богиня, не одними Русскими Поешами обожаемая. Древніе не хотѣли и знаспъ меня; они меня приковывали къ спулу, складывали креспъ на креспъ руки и забывали

обо мнѣ;— но теперь благодаря Каллидорову спутнику и моднымъ Поешамъ, я вышла на свѣтъ, брожу всюду, во все мѣшаюсь, заступаю мѣсто Философш и Поези и какъ увѣряюшъ многочисленные мои почипапатели, даю щаснiе истинное, необманчивое; я хочу бытъ пвоею управительницею.

„Тутъ она ко мнѣ начала ласкаться такъ привѣшливо, раскурила мнѣ шрубку, послала пуховую поснелъ, положила меня, окушала къ шеплое одѣяло — — впо усноишъ прошивъ женщины, и пакой услужливой;— я совершенно опдался въ ея волю.

„Весело мнѣ жишъ съ нею, ни о чемъ не забочусь; но только правду сказать владычество ея становишся иногда несноснымъ.

„Моя управительница безпрестанно старается усыплять меня — епо-бы и шуда и сюда; кажется сама спитъ, а между тѣмъ имѣетъ все время проказишъ: то засыпаетъ пылью книги мои, то распроеиваетъ форшопьяны, то ссоритъ съ знакомыми. Хочу узнать о какомъ либо новомъ открьшии — она начинаетъ доказывать, что съ меня довольно и стараго, начинаетъ приводить въ примѣръ своихъ прiятелей, нашихъ сочинителей руководѣльныхъ Рипорикъ — кто усноишъ прошивъ такого доказа-

шедьства? — Едва хочу я приняться за сочиненіе, черниллы мои высушены, перья испорчены, — кто виноватъ? — Управительница. — Хочу рано проснуться, она оштанавливаетъ, или переводитъ назадъ часы, увѣряетъ, что еще рано и между пѣмъ удушиваетъ меня одѣяломъ. Придетъ-ли кто смѣяться надъ моею неволею, она за меня отвѣчаетъ, начинаетъ зѣвать и наконецъ прогонитъ насмѣшника. Хочу-ли даже когда подасть милоспыню, она хватаетъ меня за руку, не выпускаетъ ее, успавишь на меня сонливыя глаза свои и засыпаетъ вмѣстѣ со мною. Словомъ, она совершенно обладаетъ мною, распоряжаетъ всѣмъ домомъ, всѣми дѣлами, все поршитъ, не плашитъ долговъ, выкидываетъ напрасно изъ кошелька деньги, люди называютъ меня скупымъ и распочительнымъ, неучью и педанпомъ, а кто виноватъ? право не я, все управительница. Случается, что я разсерженный, хочу вышолкнуть ее за двери, тогда откуда возьмется у ней живоспъ и уверливоспъ, она прыгаетъ изъ мѣста въ мѣсто; и искусно подмѣнитъ важную книгу романомъ, и примется очинивать перья и очиниваетъ ихъ шакъ долго, долго,— между тѣмъ, начинаетъ жалѣть, что я изнуряю

себя, пошомъ—такъ привѣпливо улыбаешься, что я снова невольно приклоню къ ней оцѣжелѣвшую голову.

„И теперь едва имѣю время написать сіи строки въ ея отсутствіе, — она отправилась въ гости къ знатому барину, которому недавно поручена судьба милліоновъ — — — но я слышу шаги ея, идетъ моя милая мучительница, вырываетъ изъ рукъ перо, нахлучиваетъ на глаза колпакъ, доброй ночи, читатели!“

О д в с к .

III.

ЖЕРТВЫ АМУРУ.

Sed fieri sentio.

Catullus.

Вездѣ, всегда швое я вижу торжество,
 Утѣхъ и радости коварно божество,
 Любовь! Твой жертвенникъ священный,
     Всегда богатый, окруженный
     Молельщицъ набожной толпой,
 Не преклоняется предъ Зевсомъ и судьбой,
 Усерднѣй славится земными племенами.
     Чело украсивши цвѣтами,
 Мы Дію скудную не часто носимъ дань;
 Забывъ Ареевъ храмъ, когда забыта брань;
 И дикіе цвѣты, и сотъ пчелы яштарный,
     Кошница овощей и гроздія румяны:
 Вотъ жертвы рѣдкія хранителямъ оспъ бѣдъ!
 Судьбѣ не жертвуемъ — украдкою беретъ
 Она дары себѣ нерѣдко драгоценны.
 Напрасно передъ ней мы падаемъ смущенны,
 Напрасно милое желаемъ возвращить:
 Пусть жертвы силою добытыя, презрѣнны,
 Намъ горькихъ слезъ о нихъ во вѣкъ не осушитъ!
 Мнемозина. Часть IV. 4

Тебѣ жъ, Амуръ, тебѣ душисты розы,
 И первая любви — священные, сладки слезы
     Счастливымъ юноша отдашь спѣшить.
 Такъ! поступи тихую, и нѣжный цвѣтъ ланишь,
 И кляшвы пламенны, и очи голубые,
 И первый поцѣлуй, и въ слѣдъ за нимъ другіе
     Кому, какъ не тебѣ Гликерія хранишь?
     Я видѣлъ вздохъ полусокрытый,
     Сей Граціямъ завидный вздохъ:
     Волнуя грудь земной Хариты
     Онъ въ ерѣшенъ лещѣлъ — къ тебѣ,
   прекрасный богъ.

Твой факелъ вспламенилъ и Трою и Персиду,
 И юноше рѣвая, когда кипитъ въ ней кровь —
 Поетъ тебя — поетъ Киприду
 Жрецъ давній — предспаю съ мольбой къ Эрошу
   вновь:

Когда у дѣвы боязливой
 Рука моя украдкой шоропливой
     Волшебный поясъ разрѣшишь,
 И падая покровъ ревнивый,
     Лилейну грудь ея счастливицу обна-
   жить:

Тогда, о день спокрасть счастливый!
 На олтарьъ любви душа моя сгоритъ.

— й. —

~~~~~

IV.

МЫСЛИ.

Справедливо сравнивають младенчество съ старостию. Подъ конецъ жизни болѣани и молитва возвращаюуть многихъ въ царство сердечной чистоты, изъ коего страсти пылкихъ лѣтъ всѣхъ насъ изгоняюуть.

* * *

Лишенный зрѣнія охотно вѣрнешя руководству дитяти, въ которомъ не подозрѣваешь лукавства возмужалаго возраста: такъ точно и слѣпецъ въ нравственномъ отношеніи не найдетъ способности для управленія его спонами, какъ людей младенчествующихъ незлобемъ сердца.

* * *

Есть вѣрное средство выводить пилна—на совѣсти: благодарныя слезы благодѣшельствованныхъ.

* * *

Прекрасно проспиль обиду; еще прекраснѣе принявъ съ любовію одолженіе опъ оскорбителя.

*

Мстительный оправдываетъ свои возмездія справедливою; но кто сказалъ ему, что онъ не погрѣшилъ въ своемъ сужденіи? Онъ человекъ — следовательно можешь обмануться, следовательно не долженъ опираться на свою справедливость въ дѣлахъ, гдѣ опрѣчься ошъ своего рѣшенія уже невозможно.

* * *

Человекъ, посягающій на дѣйствіе оскорбительное, грубо ошибается, полагая, что дѣлаетъ вредъ одному предмету своей злобы: онъ безвинно огорчаетъ тѣмъ еще многія тысячи добрыхъ людей, которые когда либо узнають о поступкѣ его съ сожалѣніемъ.

* * *

Время убиваетъ тѣхъ, которые думаютъ убивать его.

* * *

Жизнь празднолюбца есть непрерывный сонъ, который тѣмъ долѣе продолжается, тѣмъ тяжелѣе становится.

* * *

Чувства можно упоминуть, но не насытить.

* * *

Люди столь дорого цѣнятъ хорошее

объ нихъ мнѣніе другихъ, что даже искренно любящъ ихъ только, которыми могутъ его вперить дѣломъ или обманомъ.

* * *

Свобода есть одна изъ ихъ идей, которыми не удалось еще осуществить чело-вѣческому роду: врядъ ли и удастся когда!

* * *

Государь не долженъ имѣть другихъ друзей, кромѣ друзей опечесива.

* * *

Многіе писатели не терпятъ цоспо-роннихъ поправокъ въ своихъ сочиненіяхъ. При всѣхъ могущихъ быть въ нихъ недо-спашкахъ, сія неуспунчивость мнѣ ка-желся имъ естествомъ, что каждому родителю приятно видѣть въ дѣлахъ соб-ственные свои черты, хотя не совсѣмъ правильныя и не весьма красивыя.

* * *

Спора нѣтъ, что риема должна повино-ваться здравому разуму; но что для риемы многое говорится, о чемъ прежде не приходило въ голову Поему, это также не подвержено сомнѣнію. Не вѣрьтежъ, ми-лыя женщины, всему тому, что въ спи-скахъ вамъ напѣваютъ. Чѣмъ прелеснѣе сочинены они, тѣмъ менѣе принадлежанъ

вамъ: еино достояніе публики, для которой стихотворецъ никогда за грѣхъ не почитаетъ жертвованъ испиной.

* * *

Авторъ, который выводитъ на сцену дураковъ, дурачитъ публику, или самого себя.

* * *

Умъ и память связаны между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, и безъ взаимной помощи обойтись не могутъ; не должно однако полагать, чѣмъ они составляютъ одно и то же. Человѣкъ можетъ употреблять ихъ иногда, отдѣляя другъ отъ друга: такъ, на примѣръ, можетъ онъ по памяти читать молитву, а умъ устремлять совсѣмъ къ другому предмету, измѣняя устамъ своимъ.

* * *

Память ослабѣвшая отъ умственныхъ напряженій, отъ продолжительныхъ несчастій или шѣлесныхъ спраданій почерпаетъ малую пользу отъ книгъ, не сохраняя болѣе въ своемъ запасѣ ни предметовъ ихъ содержанія, ни сущесивующей между ими связи. Положеніе грустное для человека, спрашнаго къ познаніямъ, но не совсѣмъ еще лишенное средствъ, распро-

спранишь ихъ область безъ нособія начинанности. Науки еспественныя не въ теоріяхъ, но въ приложеніяхъ своихъ, дѣйствуя на чувства, осцавляютъ сильнѣйшія впечатлѣнія, нежели одни размышленія, отъ просшаго чтенія происходящія. Но что еще вѣрнѣе можетъ замѣнить книги въ размноженіи понятій, такъ это безспорно путешествія непоропливыя, съ обозрѣніемъ неповерхностнымъ; но мѣстамъ достойнымъ любопытства.

Н е г а е в ъ.

V.

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

Было время, когда у меня господствовала Юность и каждый день бывало ищущее сборище и Печалей и Радостей: я радовался, печалился — и был невеселъ. Вдругъ сказали мнѣ, что Юность распалась со мною навсегда. Я жалѣлъ о вѣтренномъ другѣ. Вѣспникомъ разлуки нашей была Печаль она очень обласкала меня, но я зашворилъ двери предъ угрюмою пощипишельницей, отказался отъ плаксиваго Сожалѣнія — и умѣлъ зазвать къ себѣ нѣсколько спаринныхъ моихъ Радостей; но, милыя, вѣтренныя богини мимоходомъ только навѣспили мою шапку, прежде всего спросили объ Юности — не знаю: испугало ли ихъ одиночество моего убѣжища или, я не умѣлъ угощать званыхъ гостей, только Радости не остались со мною. Я съшовалъ, жалѣлъ и спалъ жалѣлъ еще болѣе, когда въ слѣду за ними, завернула ко мнѣ блѣднолицая Пе-

чаль и учтиво объяснила, что она идетъ впереди и послѣ Радостей, навѣщаетъ всѣхъ шѣхъ, у кого бываетъ Радость и шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ — спарыхъ знакомыхъ; что охотно готова погоспишь у меня, желая укрѣпиться въ эмлахъ и помочь скорѣе догнать убѣжавшія мои Радости.

Госпья была не по сердцу — она медленно уходила и ко мнѣ явилась новая, небывалая — явилась Грусть и поселилась со мною: она раздѣлила со мною и прогулки, и заботы и бездѣйствіе. Дыханіе Грусти плетворно — съ нею вѣсно въ городѣ, душно на полѣ — грустно вездѣ: вездѣ, гдѣ я хотѣлъ полюбоваться милымъ, порадоваться прекраснымъ, забыться — Грусть спановилась предо мною; — она заслоняла ясное солнце, она шуманила предо мной природу, она клѣветала на людей — усыпляла меня шопомомъ недовѣрчивости, будила говоромъ ожесточенія, и когда Надежда пѣснями хотѣла усынить настоящее, Грусть шептала мнѣ о прошедшемъ; когда Забвеніе закрывало прошедшее — Грусть раздирала мрачную завѣсу будущаго, и бѣлый свѣтъ мнѣ не взялся!

Не знайте ее, друзья мои, епой убийственной спутницы нашей: и Печаль убиваетъ, но ударъ ея легче: онъ мгновенный, рѣшительный; Грусть — поминъ и съ горькою улыбкою, по капльъ вливаетъ ядъ свой въ полную чашу жизни. Грусть суежлива, — знакомыхъ у ней толпа, куда ни явитесь съ ней въ деревни, въ городъ — вездѣ ея услужники, въ видѣ пощихъ ученыхъ, вялыхъ приятелей, навязчивыхъ друзей, беспалансныхъ Поетовъ, крикливыхъ спорщиковъ, жеманныхъ красавицъ. Грусть знакома съ Зависью — и кого познакомила она съ епою злодѣйкою, погнѣвъ навсѣгда! Меня уволила отъ епой чести — можетъ быть потому, что звонъ золота не оглушалъ меня и смотря на огромныя палаты богачей, я видѣлъ, какъ Грусть дружески пожимала руки швейцаровъ и отдавала визитныя карточки хозяевамъ. Но другая знакомка ея Скука повадилась ко мнѣ и когда подъ разговорами ихъ засыпалъ я, нерадостныя, но злобщїе сны посѣщали меня. — Есть спарикъ, посѣдѣвшій съ юныхъ лѣтъ: онъ опирается на костьмы познаній, вѣчно думаетъ о прошедшемъ, не знаетъ будущаго, не понимаетъ наспоющаго — его зовутъ Опышомъ.

Онъ любитъ догонять людей и вѣчно отстае­
 тся назади, если Юноспъ и воображе­
 ніе ведутъ чело­вѣка; онъ вѣчно задумчивъ
 и угрюмъ, дѣлае­тъ добро пихонько, укра­
 кою, хмурясь — при улыбкѣ, улыбае­
 тся со вздохомъ — за то и люди не любятъ
 его, какъ росповщика, у котораго занима­
 ютъ деньги за большіе процен­ты. — Но я
 встрѣтился съ нимъ, когда онъ былъ ве­
 селъ, и прежде я видалъ его, но бывшій
 спутникъ мой Юноспъ, разлучалъ насъ.
 Юноспъ не любитъ Опыта; говори­тъ,
 что спарикъ епопъ скученъ, мраченъ, —
 Опытъ признавался мнѣ, что они не дру­
 жны съ Юноспью — „впрочемъ шакова
 моя доля,“ говори­лъ, онъ со вздохомъ —
 „ни съ кѣмъ не могу сладить: люблю дѣ­
 лать добро и — не умѣю; приду ли совѣ­
 повать — моя угрюмость дѣлае­тъ совѣпы
 мои несносными. Прибавъ, что я вѣчно
 опаздываю: часто, спѣшу помога­ть — и
 застаю людей на смертной поспелѣ —
 или съ Опчаяніемъ; а епо хуже смер­
 ти, — опчаяніе закляш­ою врагъ мой. При­
 признаю­сь еще въ слабости: я раздумчивъ,
 что узналъ вчера, передѣлываю сего дня,
 и не ручаю­сь, что завтра не передѣлаю
 о­пять. По сіе время въ 7000 лѣтъ, я
 открылъ правда

нѣсколько испинь и успѣлъ увѣрить людей въ ихъ правдѣ, такъ, на примѣръ, что дважды два чепыре и . . . . другихъ теперь не вспомню...“—Видно ихъ много—подумалъ я — но скажи: не знакома ли тебѣ неразлучная спутница моя Грусть. — „Кому жъ незнакома она? Я часто встрѣчаюсь съ нею когда объ руку Скуки, ходишь она и въ царскихъ черпогахъ и въ ученыхъ кабинетахъ и въ диванныхъ красавицъ.“ — И такъ она вездѣ, воскликнулъ я — вездѣ и всегда. — „Нѣтъ правила безъ исключенія — это такъ же одно изъ моихъ открытій: вошь идетъ врагъ ея и мой другъ, спроси у него — я знаю, что онъ умѣетъ избавляться самъ и избавлять другихъ отъ Грусти и Скуки.“ Я взглянулъ: мѣрными шагами приближался ко мнѣ юноша — *весь здоровье*—сказалъ бы я, если бы пожелалъ двумя словами выразить видъ его. — Мы пошли вмѣстѣ: его ходьба упомила меня, я уснавалъ, но не опсавалъ; заманилъ его къ себѣ и при первомъ взглядѣ на юнаго моего спутника Скука, на топъ разъ бесѣдовавшая съ Грустью, убѣжала не оглядываясь. — „А! это Трудъ,“ ворчала Грусть; добро пожаловать — „мы

уживемся.“—Врядъ ли — загремѣль Трудъ— и Грусть за препенала.

Не много прошло времени — въ самомъ дѣлѣ Грусть ссорилась съ Трудомъ, но не опсшавала опъ насъ, какъ совсѣмъ неожиданно милый, добрый товарищъ Труда — полнощокое Довольство пришло навѣститъ насъ и опсшало съ нами: оно поставило цвѣшны на окнахъ моей хаты; сбросило съ полки Юнга и Верпера; развеселило меня своими рассказами; — вопшь начали къ намъ собиращься друзья его — Грусть безпокоилась и задумывалась.

Тупъ ярко заиграли лучи солнечные, цвѣшны показались мнѣ душистѣе, небо лазурнѣе. „Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу лучшаго друга нашего,“ — сказали мнѣ всѣ мои спутники — всѣ, кромѣ Грусти. — Не помню, куда шли мы, не помню гдѣ мы были, гдѣ очутились — когда я могъ уже чувствовашь; могъ понимать себя и мнѣ было хорошо, хорошо какъ на небѣ: рука объ руку шла со мною подруга — не знаю небесная, не знаю земная — „она твоя — пы не одиноко!“ говорили мнѣ люди.— Вы ее видѣли, друзья мои! — Но за чѣмъ не могу я перелипъ въ душу вашу ешаго чистаго, веземнаго воспора, когда въ первый разъ

она сказала мнѣ: *люблю тебя!* и хата моя показалась мнѣ храмомъ. Послѣ сказывали, что Зависть, Скука и Грусть набрасывали на дорогу нашу тернія — я не примѣшилъ ихъ: Трудъ и Веселье—другъ, котораго ходили мы встрѣчать, забросали терны цвѣтами.

Грусти слѣдъ проспыхъ. Я помню эту блаженную минушу, когда я въ первый разъ плакалъ въ объятіяхъ моей подруги и въ эту минушу впорхнула къ намъ легкокрылая Радость — незваная и нежданная; Довольство обнималось съ Весельемъ; въ разпворенную дверь заглянулъ сѣдой знакомецъ мой Опытъ. — „Друзья! будущее!“ заворчалъ онъ — но я указалъ ему на мою подругу, на моихъ спутниковъ — и угрюмое лицо его завеселѣло . . . .

Н. Полевой.

VI.

АМУРЬ ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Подражаніе Гёте).

До зари сидѣлъ я на утесѣ;
 На туманъ глядѣлъ я недвижимый;
 Простираясь будто холстъ безцвѣтный,
 Покрывалъ сѣдой туманъ окрестность.
 Вдругъ предсталъ мнѣ незнакомый мальчикъ.
 „Что сидишь ты,“ говоришь онъ, „праздный?
 Что глядишь на ещюль холстъ безцвѣтный?
 Или ты на вѣкъ упрасилъ жажду,
 Бодрой кистью вызывать картины?“
 На него взглянулъ я и помыслилъ:
 Нынѣ ужъ учить и дѣши спали!
 „Брось поску,“ вѣщаль онъ, „лѣнь и скуку!
 Или съ ними въ чемъ успѣшь мечтаетъ?
 Посмотри, что здѣсь я нарисую!
 Перейми, мой другъ, мои картины!“
 Тупъ онъ поднялъ пальчикъ, алый пальчикъ,
 Схожій цвѣтомъ съ юной, свѣжей розой;
 Имъ онъ водилъ по коври тумана,
 Имъ онъ пишеть на холстѣ безцвѣтномъ. —
 Съ верху пишеть ясный образъ солнца
 И слѣпиль мой зорь его сіяньемъ

И лучи сквозь облака проводитъ
 И огнемъ края ихъ обливаешь.
 Онъ рисуешь зыбкія вершины
 Лѣса, напоеннаго росою;
 Протянувъ прелестный рядъ пригорковъ,
 Не забылъ онъ и воды серебристой;
 Въ даль онъ пролилъ свѣшлый ручеечикъ
 И казалось, въ немъ сверкали блески,
 Въ немъ струи кипѣли, будто жемчугъ!
 Вдругъ цвѣточки всюду распустились:
 Ими доли, брегъ, холмы нестрѣютъ,
 Въ нихъ багрецъ, лазурь и злато блестятъ;
 Дернъ подъ ними свѣтитъ изумрудомъ:
 Горы блѣдной сѣдиной одѣлись;
 Сводъ небесъ подъялся васильковый!
 Весь дрожалъ я — и восторга полный,
 На творца смотрѣлъ и на картину.
 „Не совсѣмъ дурной я живописецъ!“ —
 Молвилъ онъ: „признайся, — мой приятель,
 Подожди жь: конецъ вѣнчаетъ дѣло!“
 Вотъ онъ снова нѣжною рученкой
 Возлѣ лѣса рисовать принялся;
 Губки закусивъ, прудился долго,
 Улыбался и чертилъ и думалъ!
 Я взглянулъ и что же вдругъ увидѣлъ?
 Возлѣ рощи милая пастушка,
 Ликъ прелестный, грудь подъ снѣжной дымкой,
 Спиройный станъ, живыя щечки съ ямкой;
 Щечки тѣ подъ прядью темныхъ кудрей,
 Отражали сладостный румянецъ,

Отражали пальчикъ живописца!
 „Мальчикъ! мальчикъ!“ — я тогда воскликнулъ:
 „Такъ пишашь, скажи мнѣ, — гдѣ учился?“
 Восклицанья продолжать собирался,
 Но Зефиръ повѣялъ вдругъ и; пронувъ
 Рощу и подернувъ рябью влагу,
 Быстрый за клубилъ покровъ паспущки —
 И тогда (о, какъ я изумился!)
 Вдругъ паспущка поднимаетъ ножку,
 Вдругъ пошла и близится къ утесу,
 Гдѣ сидѣлъ я и со мной проказникъ!
 Что же; пущь, когда все всколебалось,
 Роща и ручей, цвѣты и ножка,
 Дымка и покровъ прелестной милой, —
 Други, вѣрьте, что и я не пробылъ
 На скалѣ одинъ скалой недвижной!

В. Кюхельбекеръ.

*****

VII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО
ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦІИ.

*****

ПИСЬМО XLIII.

МАРСЕЛЬ.

$\frac{31}{19}$ Января, 1821.

Съ того времени, какъ мы живемъ вдвоемъ, я познакомился гораздо короче съ нашимъ молодымъ художникомъ (*); съ дня на день нахожу въ немъ болѣе и болѣе расположенія ко всему прекрасному и высокому. — Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, оставилъ мнѣ здѣсь свою небольшую библіотеку Нѣмецкихъ Классиковъ: нашъ живописецъ еще очень мало читалъ; спаряюсь его нѣсколько познакомить съ отечественною его словесностію. — Иногда вечеромъ мы читаемъ вмѣстѣ или сильнаго,

---

(*) Живописецемъ, котораго А. Л. Нарышкинъ взялъ съ собою изъ Дрездена.

спраснаго Бюргера или божественнаго *летателя* — Шиллера или милаго пѣвца Гельши; нерѣдко книга упадаетъ у меня изъ рукъ и непримѣнно начинается у насъ разговоръ о природѣ, о поэзіи, о сердцѣ человѣческомъ. — Эпи вечера, мой Д....., меня всякій разъ переносятъ въ нашу родимой Лицей, въ нашу фехтовальный залъ, гдѣ мы съ побою читали пѣхъ же самихъ пошовъ и не рѣдко съ непонятнымъ какимъ-то пречетомъ углублялись въ пѣ же шамисва красоны и гармоніи, спрасстей и спраданія, наслажденія и чувствительности! — Можеть быть, мой другъ, и ты вспомнишь лѣта нашей безпечности и ея радости, когда сообщу тебѣ содержаніе нашего вчерашняго разговора.

Мой юноша признался мнѣ, что нѣкогда при имени поэта представлялъ себѣ полубога безъ слабостей и пороковъ. — Нынѣ, читая ихъ жизнь, онъ видитъ, что по большой части ихъ душа была возмущаема спрасстями, что они не рѣдко писали иначе, нежели жили: это противорѣчіе его мучитъ; онъ готовъ счесть ихъ лицемѣрами! — Что отвѣчашъ ему на его сомнѣнія? — Уже ли, кромѣ дарованія, ничто не возвышаетъ великаго пѣвца надъ толпою?

Поэты — принимаю это слово въ самомъ высокомъ значеніи — всегда говорятъ то, что чувствуютъ: искренность первое условіе вдохновенія. — И пакъ въ то мгновеніе, когда онъ учитъ времена и народы и разгадываетъ тайны Провидѣнія, онъ точно есть полубогъ безъ слабостей, безъ пороковъ, безъ всего земнаго. — Но самая способность къ вдохновеніямъ предполагаетъ пламенную душу, ибо только пламя можетъ воспылать къ небу! Что же есть пища сего пламени? — Великія спраси. — Онѣ молчатъ, они исчезаютъ, когда орелъ летитъ къ солнцу; но потомъ голодъ гонитъ его съ высоты, онъ падетъ на добычу и вонзаетъ въ ея бока когти: уже ли за то вы уподобите орла ворону? — Есть сильныя или холодныя души, которыя могутъ на всю жизнь сковать свои спраси: но они не знаютъ вдохновенія! Курцій былъ пылкій юноша; я увѣренъ, что онъ не чуждался даровъ Венериныхъ и Вакховыхъ! Педантъ въ своемъ кабинетѣ и глупый мѣщанинъ въ харчевнѣ судятъ о великихъ полководцахъ и говорятъ съ видомъ рѣшительнымъ. „Наполеонъ здѣсь сдѣлалъ ошибку непростишительную; Суворовъ долженъ былъ предпринять такое-то движеніе; Ку-

лузовъ забылъ по, — спустилъ другое, не успѣлъ совершить трепіе!“ попомъ наши мудрецы, поржесствуя, смотрятъ кругомъ себя и кажется, ожидаютъ, чтобы всѣ почтенные слушатели закричали въ одинъ голосъ: „о! въ сравненіи съ вами, Милостивые Государи, Наполеонъ и Суворовъ школьники!“ — То же съ поэтами: имъ зазидують и въ то же время желаютъ показать презрѣніе къ ихъ дарованію. — Но чернь не способна даже къ заблужденіямъ душъ великихъ. — Люди, спранныя, непонятныя созданія! Вы гоните и ненавидите вашихъ благодѣтелей: наслаждайтесь ихъ гениемъ; идите по пути, который вамъ указываютъ и помните, что они живутъ среди пороковъ и развращенія, живутъ между вами, что душа ихъ способнѣе вашей принимать впечатлѣнія и легче увлекается власпительной минутою. Почему брызгаетъ жаба ядъ на смиреннаго свѣпняка? — Онъ блеститъ, ибо блестѣтъ и жить для него одно и то же: онъ и не думалъ гордиться передъ нею блескомъ своимъ! И если бы вы знали, враги дарованія, если бы вы знали какую цѣною оно покупается! — Поэтъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть человѣ-

домъ: для него уже нѣтъ земнаго счастья. Онъ постигнувъ высшее сладоспращіе и наслажденія міра никогда не замѣнитъ ему порывовъ вдохновенія, столь рѣдкихъ и оставляющихъ по себѣ пустошу столь ужасную! онъ блуждаетъ по землѣ, какъ изгнанникъ, ищетъ и никогда не находитъ успокоенія. — Узы семейственной жизни для него милы, но тягоспщны; онъ понимаетъ тихое счастье, но не способенъ къ нему. — Въ однѣхъ буряхъ, въ борьбѣ съ неумолимою судьбою взоръ его проясняется и грудь дышетъ свободнѣе: — жизнь и движеніе — вошь его стихія! онъ съ радоспщно погибнетъ среди общаго разрушенія подъ гуломъ грома и при заревѣ пожаровъ, но не въ состояніи безъ ропота доживать свой вѣкъ среди мѣлкихъ спщаспей и слепней, въ толпѣ набожныхъ Ксантиспщъ, глупыхъ оспщраковъ и шѣхъ презрительныхъ юношей, которые, будучи заранѣе посвящены во всѣ таинсства припщворства и благоприспщности, развратны до гнусной опщрапщельности, но умѣютъ скрыть свое распушество опщ глазъ свѣта и пользуются особенною милоспщію молодыхъ и старыхъ раздавательницъ добраго имени. Поэтъ предпочитаетъ спщраданіе вялому, мерщвому

спокойствію. — И такъ простите ему, если онъ не всегда Стоикъ, если, желая чѣмъ нибудь наполнить душу, желая дать хотя какой нибудь предметъ своему внутреннему волненію, онъ иногда раздѣляется вами ваши нечистыя наслажденія и въ своей безопасности забываетъ осторожность, которая прикрываетъ ваши заблужденія непроницаемою завѣсою!

Спирасный, пламенный, чувствительный юноша рѣшился быть поэтомъ: удивилесь по крайней мѣрѣ его отважности! — Онъ прочелъ опыты тѣхъ своихъ предшественниковъ, которыхъ смерть скосила не созрѣвшихъ или которыхъ спраси, судьба и люди оборвали наконецъ крылія. — Онъ бродилъ между ихъ твореніями; между сими дикими развалинами пышнаго, недостроеннаго храма. Можеть быть, избытокъ дарованія погубилъ ихъ; можеть быть, они были бы безсмертны, если бы было слабѣе пламя, пылавшее въ ихъ персяхъ! — Онъ знаетъ все это, знаетъ, что его ожидають пруды Алкидовы, клевета, гоненія, бѣдность, презрѣніе, зависть, предательство, ненависть; — ненависть самыхъ друзей его и покровителей, ибо онъ не исполнилъ ихъ требованій и уничто-

жить всѣ расчепы и надежды ихъ! — Умри онъ съ голоду, пожмушь плечьми и скажушь: мы это предвидѣли! и нуспь благодарить ихъ всѣ поэты времяъ наспоющаго; минуваго и будущаго, если не прибавить: ничто же ему! — Юноша геній знаетъ все это — и рѣшается быть поэтомъ.

Въ обществѣ живописецъ говоритъ: „я живописецъ,“ — купецъ: „я купецъ,“ — и безполковой баринъ: „я Князь такой-то!“ и припомъ надуваетъ подзобокъ, носъ возноситъ къ небесамъ и не замѣчаетъ смиренныхъ поклоновъ своихъ ласкателей! скажи поэтъ: „я поэтъ“ — и со всѣхъ сторонъ подымется громкій хохотъ. — „Почему?“ спросилъ я однажды двухъ моихъ знакомыхъ; они оба утверждали, что свѣтъ совершенно правъ, но долго не могли доказать, почему онъ правъ. — Бившись съ четверть часа, наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса: *c'est comme qui dirait, je suis vertueux!*

Мы замолчали. — Не знаю, чувствовалъ ли мой пріятель всю силу, весь вѣсъ своего золотого изрѣченія!

„Поезія есть добродѣтель!“ говоритъ и Жуковский; но чернь въ правѣ не повѣ-

ришь поэту Жуковскому. — Въ устахъ же человека вовсе непозшического эпо: „*comme qui dirait!*“ неопѣнено! — Повторимъ же: поэзія есть добродѣтель и душа вдохновенная сохраняетъ въ самомъ паденіи любовь къ добродѣтели, въ самыхъ порокахъ она ищетъ великаго; — ея заблужденія подобны грозному водопаду, изверженіямъ Везувія и рокошу грома небеснаго: они разрушаютъ, но въ то же время изумляютъ и возбуждаютъ благоговѣніе! — Но не всякій — даже хорошій стихотворецъ можетъ назваться поэтомъ: напрошивъ всякій мужъ необыкновенный, съ сильными спрасями, пролагающій себѣ *свой собственный* путь въ міръ — есть уже поэтъ, если бы онъ и никогда не писывалъ стиховъ и даже не учился грамматѣ. Апшила и Говардъ такіе же поэты какъ Руссо, Жанъ-Поль и Байронъ! Буало великій стихотворецъ, а Гр. Ф. и Ц. ввали, не смотря на рифмы и глупость произведеній ихъ. — Вѣрнѣйшій признакъ души поэтической спрасъ къ высокому и прекрасному: для холоднаго, для вялаго, для сердца испорченнаго необходимы правила, какъ цѣль для злой собаки, а хлысть для лѣнливой лошади; но поэтъ дѣйствуетъ по вдохновенію и сщоль же мало гордится:

своею жизнью, какъ своими изобрѣненіями, ибо чувствуешь, что все ему данное есть даръ свыше, а онъ только бранный сосудъ той божественной Силы, которая обновляетъ и возрождаетъ человѣчество!

~~~~~

ВЪБЪЗДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

~~~~~

ПИСЬМО I.

Н И Ц Ц А.

20 Февраля, 1821.

Прелестная, благословенная страна Ерская; рай полуденной Франціи! — И я былъ на твоихъ вѣчно зеленыхъ, роскошныхъ горахъ; въ твоихъ благоуханныхъ долинахъ; и я дышалъ твоимъ воздухомъ, распореннымъ и въ зиму запахомъ фіалокъ, розъ, цвѣтовъ померанцовыхъ и дикаго левкоя! — Мое воображеніе иногда составляло себѣ на сѣверѣ образъ Эдема: но эпошъ образъ ничто въ сравненіи съ садами, рощами, лугами, Ерскими. — Друзья!

въ холодной Ингрии вы не можете представить себѣ живой лазури *этого* неба, неизъяснимо нѣжной, неизъяснимо восхищительной, подобной сладоспной синеви незабудокъ: одни голубые глаза невинной, 16-пи-лѣшней красавицы могутъ превзойти ее своимъ пыхимъ пламенемъ, — любовью и томностию, которыми исполнены! — Все здѣсь живетъ, все производитъ, все радуется: самыя разсѣлины скалъ покрыты цвѣтами, самыя стѣны разореннаго монастыря и разрушеннаго Сарацынскаго замка одѣты плющемъ, повеликою, виноградными лозами. — Гдѣ упасы хотя нѣсколько покрыты пескомъ или глиною, вездѣ распустились богатые свѣтлозеленые ковры, на которыхъ отдыхаютъ усталые, но ненасытные взоры. — Миндальные деревья здѣсь уже ощвѣли и развернули мягкіе листочки (*). Мы взошли на высоту до самаго замка; гора выше всѣхъ окружающихъ: передъ нами вдругъ открылось споль рѣдкое зрѣлище карины ни съ какой стороны неограниченной; во всѣ направленія зрѣніе могло простирашся и ему не было предѣ-

---

(*) Миндальное дерево сперва цвѣтетъ, потомъ уже распускается.

ловъ; кромѣ слабости чувствъ человѣческихъ; оно блуждало по хребтамъ и высотамъ холмовъ и горъ, въ сокровенной глубинѣ темныхъ доловъ, по блестящему морю и островамъ Стоэхадскимъ, лежащимъ передъ нами, какъ вѣкогда передъ Моисеемъ земля обѣтованная, по легкимъ, воздушнымъ вершинамъ ближнихъ миндальныхъ лѣсокъ и въ безднѣ неба, которое здѣсь необъятнѣе, нежели гдѣ нибудь, но въ поже время неизъяснимо привѣливо. На сѣверѣ синева ээира всякій разъ напоминала мнѣ ничтожество всего земнаго и внушала душѣ поску и желанія; но здѣсь небо и земля одно дивное, прелестное цѣлое; здѣсь не раздѣляешь вселенной, наслаждаешься и чувствуешь ипшину совершенную.

Ерѣ (Huères) вѣкогда славился апельсинными, померанцовыми, лимонными садами; но въ ужасную зиму съ 1819-го на 1820-ой годъ онѣ всѣ погибли; въ извѣстномъ саду Фила въ одну ночь 18,000 деревъ сдѣлались жерпвою снужа. — Старожилы не запомнятъ такихъ морозовъ, ибо за тридцать лѣтъ въ 1789 году они хотя причинили много вреда молодымъ усадьбамъ, но крайней мѣрѣ пощадилъ всѣ старыя деревья; въ прошломъ

же году все умерло, все было истреблено: и спольшнія маслины и праощцы Агрумівъ (*) и огромныя пальмы, краса всей области. — Расказываютъ что за тѣ лѣтъ такая же стужа прошла черезъ земной рай Ерскій и что тогда бѣльшая часть жителей принуждены были оставишь родину. — И шакъ, не смотря на чудную прелестъ, въ коей видѣлъ я Еръ и его окрестности, въ мою бытность роскошныя красоты сей сладостной стороны не лзя было и сравнишь съ тѣми, которыя здѣсь нѣкогда цвѣли и блестяли. — Вопъ по чему, можетъ быть, вы съ удовольствіемъ прочтете описаніе адѣшнихъ садовъ, каковы они были во время пребыванія здѣсь госпожи Брунъ (***) навѣспившей Еръ въ Декабрѣ 1806-го года. — Госпожа Брунъ, какъ и мы, оспановилась въ госпоницѣ добраго Феликса Сюзанна.

„Передъ нашими окнами,“ говоритъ она, „проспираются по обѣимъ сторонамъ Агрумѣи густыми садами и рощами. — Они нынѣ представляють между блестящихъ лѣстцевъ всю лѣспвиницу великолѣпныхъ Гесперидныхъ яблоковъ, начиная

(*) Родовое названіе апельсинныхъ, померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ.

(**) Извѣстной Нѣмецкой писательницы.

съ зеленѣющаго золота лимона полусозрѣва-
 шаго до яркаго огня апельсиновъ и мрач-
 наго пламени померанцовъ. — Сии рощи на-
 конецъ оканчиваются виноградниками, ко-
 торыя въ свою очередь окружаются нѣжно-
 восходящими холмами, покрытыми велико-
 лѣпными лѣсами маслицъ; на скапѣхъ передъ
 пышнымъ домомъ Филя, невольно подум-
 маешь, что находишься въ краю басень и
 сказокъ, куда вдругъ ударомъ волшебнаго
 жезла перенесены дѣши опдаленнѣйшихъ
 странъ свѣта, и всѣ въ дивномъ согласіи
 зеленѣють, цвѣтуть, богатыя плодами:
 Азіійскія пальмы и плакучія вѣтлы Вави-
 лонскія, Бананы, пришельцы изъ Америки,
 Мимозы съ береговъ Сенегала, надъ шумя-
 щимъ водоскатомъ Пакирь, оставившій оп-
 логіе луга великаго Нила; на спѣнахъ цвѣ-
 пнѣющей Алоэ и, возвышаясь въ высопы
 воздушныя, дерева лимонныя и померанцо-
 выя; вокругъ по всѣмъ пропамъ и грядамъ
 душистыя фіялки, резеда, цвѣтуція мирпы
 и геліопропіи, перемѣшанные съ растѣні-
 ями съ мыса Доброй Надежды странными;
 образованными, кажется, по прихоти ди-
 кой фанпазіи: все это сошкано — въ одно
 волшебное цѣлое, и никогда я еще не вспо-

минала такъ живо царство Фей и очарованія!

Мы спустились въ садъ; простираясь въ необъятное насъ принялъ шѣниспый лѣсъ Агрумievъ: деревья, преклоняя долу вѣтви опягченныя золотымъ бременемъ, не могутъ даже прикрыть листьями избилія плодовъ своихъ. — Во всѣ направленія дорога пересѣкается длинными аллеями, копорыхъ конецъ убѣгалъ бы опъ зрѣнія, если бы не блестяло даже изъ глубочайшаго опдаленія спѣлое золото. — Апельсинныя деревья можно раздѣлить на бѣлянокъ и смуглянокъ. — Вѣтви и листья первыхъ свѣтлозеленаго яблочнаго, плоды — чистаго палеваго цвѣта; вторыя горятъ мерцающею темною зеленою, а плоды яркимъ желтоватымъ пурпуромъ.“

Я прочелъ это описаніе, когда уже видѣлъ Ерѣ и наслаждался его оспальными прелестями. Признаюсь, въ противномъ случаѣ, я лишился бы и того, что еще удѣляло.

ПИСЬМО LI.

НИЦЦА.

24
12 Февраля.

Проѣзды нашъ опъ Ера до Ниццы доставля мнѣ два дня полной, богатой жизни и воспоминаніе о нихъ одно еще поддерживаешь меня пѣперь, когда моя усталая душа ищетъ успокоенія или воспоргани или боли и находишь одну тоску и скуку. Человѣкъ спранный, непонятный созданіе! Меня не веселишь роскошная природа Италіи! чувствую, что мнѣ нужна независимость и нужно участіе, чтобы быть счастливымъ. — Но я удержусь опъ ропота и паспаруюсь оживишь себя, говоря съ вами о минутахъ радости. Мы выѣхали 16 числа послѣ обѣда изъ Ера. — Солнце склонялось къ Западу: вокругъ насъ все цвѣло и жило и все раждало во мнѣ мечтанія. — Я мыслями былъ на лѣсистыхъ берегахъ моей родимой Авиноры, — гдѣ я впервые вздохнулъ для чувства и наслажденія; я былъ дитя и вся душа моя идиллія. — Въ моемъ воображеніи не было опредѣленнаго образа; но то, что въ немъ мелькало и парѣдка меня шѣщило, меня ис-

полняло шихаго веселія. Когда день началъ погасанъ, мы выѣхали на большую дорогу и миновали выдающійся хребетъ холмовъ, по которымъ цѣль деревень и мѣстечекъ проспирала въ воздухъ свои башни. Луна взошла и зажглись мои давніе знакомцы привѣщныя, мирныя звѣзды; вечеръ былъ нехолодень: едва ли въ Маѣ мѣсяцъ такіе вечера спускаются на пундры Ижорскія.— На первой станціи распались мы съ А. Л.....емъ, потому что не было лошадей для всѣхъ насъ. — Черезъ часъ (я между тѣмъ бродилъ по полю съ живописцемъ) — отправились и мы въ дальнѣйшій путь, но снова принуждены были остановиться въ мѣстечкѣ Корнуиль, недоѣзжая Фрежюса и ждавъ возвращенія почпильоновъ. Мы зашли въ деревенскую бѣдную харчевню, велѣли сварить себѣ кофе и присѣли съ козійкою къ смиренному камельку, въ которомъ пылали передъ нами дерево лимонное и померанцовое, миршы и маслины: огонь самый роскошный и поэпическій, но въ то же время перзающій сердце, если подумаешь, что онъ слѣдствіе общаго несчастья! Черезъ полчаса зашли къ намъ молодой человекъ и двѣ очень хорошо одѣтыя, престарѣлыя женщины. Мы сочли ихъ съ

Мнемозина. Часть IV. 6

начала за проѣзжихъ; но вскорѣ узнали, что это здѣшнія помѣщицы съ племянникомъ. — Хозяйка имъ очень обрадовалась: старушки присѣли къ огню и я вспомнилъ Фенелона, посѣщавшаго подобнымъ образомъ своихъ прихожанъ и подданныхъ. — Наши дамы принадлежали къ старому доброму времени и къ древнему Французскому дворянству: онѣ были ревностныя аристократки и всею душою вѣровали въ величіе Лудовика XIV. — Ихъ разговоры показывали большую начитанность и старинное воспитаніе: обращеніе было урезвычайно занимательное соединеніе Французской живости, добродушія, простоты времекъ патриархальныхъ и Феодальной величавости: племянникъ доброй неиспорченный смилъ природы и спрастный обожатель военной славы своего народа. Онъ повелъ меня и живописца въ садъ своихъ родственницъ. — Не люблю деревьевъ испорченныхъ ножницами садовника: здѣсь не было другихъ; кипарисы и миршы, карубекъ и земляничникъ являлись мнѣ въ спранныхъ, чудовищныхъ видахъ. — Но весь день проведенный мною былъ необыкновененъ; въ теченіи цѣлыхъ сутокъ я казался самому себѣ дѣйствующимъ лицомъ

волшебной сказки или романа: и въ первый разъ въ жизни я съ удовольствіемъ останавливалъ взоръ на дикихъ очеркахъ сихъ воспишанниковъ искусства, освѣщенныхъ очаровательнымъ свѣтомъ мѣсяца и опшвняемыхъ рѣшешкою. — Невольно забывался я при лепетѣ источника, упадающаго въ каменный водоемъ, обросшій повеликою, марцисомъ и фіялками.

Но утру мы прибыли въ Фрежюсъ и наскоро посмотрѣли здѣшнія примѣчательныя развалины. Фрежюсъ былъ въ Римское владычество важнымъ торговымъ городомъ; здѣсь много слѣдовъ великаго народа: арена, амфитеатръ, калище. — Съ Фрежюса начинается рядъ городовъ и мѣстечекъ прославившихся событіями Наполеоновой жизни. — Въ рыбачей деревушкѣ не подалеко Фрежюса вышелъ онъ на берегъ, возвращаясь изъ Египта и Франціи пала къ ногамъ его; изъ той же самой деревушки 1814 года, сверженный съ престола Бурбоновъ и Карла Великаго, онъ отправился въ свое первое заточеніе; попомъ по ту сторону лѣсистой Эстреля, по высотѣ коего проложилъ въ свое царствованіе славный путь, соединяющій Миланію съ Франціею, между городами Канномъ и Ан-

пѣбами — онъ вдругъ снова явился съ торпсюю оипважныхъ ; и съ начала пробирался черезъ темныя Эспрельскіе доли, по грознымъ скаламъ и спремнинамъ, по мрачнымъ роцамъ и болотамъ, непроходимымъ для всякаго другаго. — Когда мы спускались съ Эспреля почпильонъ указаль мнѣ мѣсто, гдѣ Буонопартъ перешель большую дорогу, чтобы снова спуститься въ пустынную глушь, въ темную пѣсныхъ ущелинь и проходовъ : я тогда живо вообразиль себѣ эпаго чуднаго челоуѣка, который промѣняль славу на власць, власць на уединеніе, уединеніе на жизнь разбойника и снова съ дивной быспрошой пріобрѣль потерянный престоль и снова съ него палъ въ глухое започеніе ! — Онъ нынѣ еще дышеть, читаель Англійскія вѣдомости, обѣдаель и ужинаель : но жизнь его уже кончилась ; онъ уже умеръ для свѣта.

Лѣслспный, дикій Эспрель напомниль душу мою Оссіановскими видѣніями ; я много шель пѣшкомъ и чувствовалъ себя счастливымъ, когда — видѣль себя совершенно однимъ посреди высокихъ деревьевъ, надъ пурпуровою бездною вечерѣющихъ долинъ, подъ небомъ, которое здѣсь напоминало мнѣ наше въ ясный осенній день ; чувствовалъ

себя счастливымъ , когда только издалека слышалъ стукъ приближающейся кареты, смотрѣлъ , какъ внизу зажигали паспухи ночные огни и солнце утлопало въ раскаленныхъ облакахъ и разсыпало послѣднее золото по высотамъ маслинъ, соснъ и пиній. Мы прибыли въ Каннъ : луна освѣщала заливъ и городъ ; — воды тихо плескали въ берегъ и струились чистымъ жемчугомъ.— Намъ хотѣли удержашь, увѣряя, что вѣроша будутъ уже заперты въ Анпибахъ, но, боясь заспавить ждате А. Л. мы рѣшились ѣхашь , полагая , что онъ ночеуетъ въ Анпибахъ, рѣшились, приѣхавъ дождашься въ каретѣ отккрытія вѣроши. Между шѣмъ А. Л. предупредилъ на границѣ караулы; мы объѣхали послѣдній гóродъ Франціи и насъ пропустили безъ малѣйшей остановки. — Я спалъ и когда проснулся въ Ниццѣ долго не зналъ, гдѣ я; долго еще думалъ , что мы въ Анпибахъ или въ какомъ нибудь другомъ пограничномъ мѣстечкѣ Франціи.

ПИСЬМО ЛII.

НИЦЦА.

8 Марта.
24 Февраля. 1821.

Мы еще въ Ниццѣ и можеть бытъ , пробудемъ здѣсь еще недѣлю: пѣмъ лучше, ибо уже не заспанемъ худой погоды въ Парижѣ! — Не могу впрочемъ сказать, чтобы я проводилъ здѣсь время чрезвычайно весело: Ницца городъ небольшой, — театра здѣсь нѣтъ, о галлерейхъ не слышашъ; заводилъ знакомство въ моихъ обстоятельствахъ трудно, да кромѣ пого и не съ кѣмъ; одно семейство Ж. мнѣ нѣсколько ближе и любезнѣе прочихъ, потому что они Русскіе. Но, не смотря на скуку, которая иногда помилъ меня, я долженъ благодарить небо: здоровіе быстро и видимо ко мнѣ возвращается. — Брожу по горамъ и упедамъ, по лѣсамъ и долинамъ, чтобы подкрѣпить себя еще болѣе. Прекрасная, дикая природа здѣшнихъ окрестностей теперь моя единственная подруга, мой единственный утѣшитель въ минуты тоски, которой я еще нигдѣ такъ живо нечувствовалъ во все наше путешество-

ствіе. Мы съ начала остановились въ городъ въ гостинницѣ: но теперь живемъ на прекрасной дачѣ Госпожи Сентъ-Агаль по Туринской дорогѣ. — Отсюда я выхожу каждое утро въ десятомъ, хожу вволю до четвертаго часа, обѣдаю въ чепыре; послѣ обѣда отправляюсь въ городъ пить кофе; играю вечеромъ въ шахматы или перечитываю въ сонный разъ Бопюшкова, Пушкина, Дмипріева, Державина и ложусь спать, — чтобы завтра также начать, продолжать и кончить день свой: изрѣдка только едднообразный порядокъ моей жизни перерывается приглашеніемъ на вечеръ. Для добраго ходака, каковымъ я теперь снова могу назваться, здѣсь много прекраснаго: гора и замокъ Монп-Альбанъ, съ которыхъ видишь подъ собою справа Ниццу, слѣва Вилла-Франку, длинный мысъ съ маякомъ, прекрасный заливъ между мысомъ и Вилла-Франкою; впереди море—безпредѣльное къ Восшоку, ограниченное къ Западу прелестными Анжійскими берегами и синѣющимъ въ дали хребтомъ Эстрельскимъ; позади, лѣса маслинъ почти до высоты сумрачнаго Винегрѣе — воистину зрѣлище, коимъ наслаждался я нѣсколько разъ въ первые дни нашей бытности въ

окрестимосиныхъ Ниццы!—Оба города Ницца и Вилла-Франка прижимаются такъ сказанъ къ утесамъ, у подножія коихъ построены; ихъ приспани уютны и неприступны для бурь и порывовъ вѣтра; — башни весело возвышаются въ голубой воздухъ; строенія осынены роскошными садами агрумиевъ, рощами смоквицъ, маслинъ, плакучихъ вѣтелъ и деревъ миндальныхъ. — Изрѣдка только встрѣчаешь здѣсь голой камѣнь; одряхшія спѣны всегда покрыты плющемъ, скалы обросли шymiномъ, дикими анемонами, лиліями, гіацинтами; изъ расщелинъ вырастають алоэ и кактусъ. — Видъ съ гордаго Винегрѣ, у подножія коего самый Монп-Альбанъ превращается въ пригорокъ, почти шопъ же, но огромнѣе и величественнѣе: съ него, въ ясный день по упру видна Корсика, а къ Сѣверу являюся изъ-за голой двуглавой Фондской громады снѣжнія верхи Альпъ Савойскихъ. — Я былъ на самой высотѣ Винегрѣ и не жалѣю своихъ усилій: хопя дорога шрудна; однако же легче и несравненно пріятнѣе, нежели на нагіе Тулонскіе утесы. — Но намъ не нужно даже и выходить изъ комнашы, чшобы насладиться прекрасными видами: передъ на-

шими окнами вдоль Пальона или Паллюна, который теперь почти вовсе без воды, но дикъ, широкъ и спремилелъ во время оттепели на снѣжныхъ высотахъ Альпійскихъ, — вдоль Пальона тянется цѣль лѣсистыхъ холмовъ до самаго подножія горы Фондской: эти холмы усѣяны бѣлыми, чистыми, красивыми загородными домиками; посреди возвышается монастырь Сень-Симье, обитель Калуцциновъ ордена Св. Доминика и нѣсколько пониже другой большой, но запустѣлый монастырь Сен-Понсъ, — построенный, какъ говоритъ преданіе, Карломъ Великимъ для его племянника: возлѣ новаго великолѣпнаго строенія видны еще развалины стараго. — Вокругъ Сень-Симье также разбросаны обломки; но они принадлежатъ другому времени и несравненно древнѣе: примѣчательнѣйшіе — остатки амфитеатра сооруженнаго, бытъ можетъ, еще въ то время, когда въ Никей, Массилійскомъ поселеніи раздавались звуки языка Греческаго: нынѣ жители воспользовались однимъ изъ сводовъ и превратили его въ ворота: лошаки и мулы спокойно проходили подъ сводомъ, который нѣкогда поддерживалъ зданіе посвященное играмъ и празднествамъ въ

честь Геркулесу Менекескому. — Изъ саду монастыря съ одной стороны видишь далекія бѣлыя горы спокойныя, безмолвныя; съ другой прекрасный городъ, кипящій жизнью; его веселый дымъ и высокія башни; утешь, раздѣляющій Ниццу на двѣ половины, увѣнчанный крѣпостью, которую я готовъ назвать Кремлемъ или Кашиполиемъ Никейскимъ, — море открытое оповсюду, придѣющее всему высокую прелесть; далѣе — большую Туринскую дорогу, дачи; густыя, кудрявыя рощи маслинъ. Безпрерывный ропотъ Пальона доходилъ сюда, какъ будто гулъ страстей и бѣдствій человѣческихъ и, подобно ему, погружаешь въ уныніе.

Я здѣсь былъ въ два часа по полудни. Братья мелькали между деревъ въ бурныхъ рясахъ; нѣкоторые привязывали виноградныя лозы къ смоковницамъ; другіе воздѣлывали землю: я вспомнилъ опшельниковъ первоначальныхъ временъ Христіанства. — На холмъ нѣсколько выше прочаго сада — роща кипарисовъ темная, уединенная, насажденная для тихаго размышленія. „Сюда!“ подумалъ я — „сюда опъ суеть, шуму, опъ людей и пороковъ!“ Но я спустился въ садъ, я взглянулъ на монаховъ....

Мнѣ спало дѣшно въ эпихъ спѣвахъ и я изъ нихъ почти выбѣжалъ: казалось, ми-нула замедленія лишипъ меня свободы, лишипъ возможности возвратиться въ свѣтъ, гдѣ могу и долженъ думать, прудиться, спрадать, бороться съ жизнью. — Не знаю, каковы монахи прочихъ монастырей Римской церкви; а братья обители Сень-Симье не надѣлены духомъ шерпимости; я, было, хотѣлъ опспояпъ у нихъ вечерню: но они, узнавши, что я не Каполликъ не допустили меня.

В. Кюхельбекеръ.

VIII.

ГИМНЪ БАКХУСУ.

(Изъ Гомера).

Славлю дщя знаменитой Семелы, Царя Діониса!
Юноша Богъ Діонисъ, на берегъ моря явившись,
Тихій споялъ на приводномъ холмѣ, одинокопу-
спынкомъ,

Молодъ, прелестенъ; роскошно волною до пятъ
упадали

Черные кудри; лежала на сильныхъ плечахъ ба-
грянца!

Быстро тогда, шѣсясь съ краснѣсоруженнаго
судна,

Ринулись въ темныя волны спремглавъ Тирсеи-
скіе мужи:

Злая судьба ихъ вела! увидѣли юношу мужи,

Подали знакъ и, море прошедъ, его изловили!

Съ радостнымъ сердцемъ потомъ, возвращаясь на
высокое судно,

Думали: „сына могущихъ Царей половить мы
успѣли!“

Тутъ на него возложишь хопѣли тяжелыя узы,

Но никакія связать не могли его узы и верви

Льняныя съ рукъ и съ ногъ упали; съ безмоль-
ной усмѣшкой

Богъ черноокій сидѣлъ, Діонисось. Тогда челко-
 водецъ

Вдругъ задрожалъ и простеръ окрыленное слово
 къ дружинѣ :

„О злополучные! кто изъ безсмертныхъ вамъ
 пойманъ ?

Грознаго чолна не снесетъ ! То страшный Кро-
 нидъ, всемогущій

Юпитерь; Фебъ-Аполлонъ, носитель звонкаго лука,
 Или Нептунъ! не слабымъ онъ смертнымъ подо-
 бень, подобень

Жителямъ неба: скорѣй отдайте опять его сушѣ!

Рукъ на него не дерзните поднять, да враждеб-
 наго вѣтра,

Бури неистовой вамъ не пошлетъ, вашъ гнѣвный
 каратель!“ —

Но ненавистно ему отвѣчалъ пловцевъ повелитель:

„Робкій! не зришь ли по пупнаго вѣтра? предай
 ему парусъ !

Одаль, вѣщунъ, за руль усадись ! о плѣнномъ же
 будущъ

Мужи радѣшь : мы въ Египетъ и въ Кипръ , я
 швердо увѣренъ,

Къ Ипербореямъ его повеземъ и далѣ ! но нынѣ
 Пусть назоветъ имена своихъ и друзей и сокров-
 ныхъ,

Скажешь богатства свои ; намъ добрый даритъ
 его Демонъ!“

Такъ говоря , онъ щеглу поднялъ и парусъ раз-
 вѣялъ —

Вѣтромъ исполненный парусъ надулся: головы
къ опплышью

Были пловцы; но вдругъ они видяшь неожиданное
чудо!

Палуба вся зажурчала виномъ: нектарная влага,
Свяшлой рѣкой проліась, вознесла къ небесамъ
ароматный,

Сладостный паръ: и шрепешъ нашель на мужей
изумленныхъ!

Вдругъ поднялось виноградное древо; и гибкія лозы
Вдоль по снастямъ поозли, богатые гроздіе свисли;
Щегли плющемъ обвились, зардѣлись вкусныя киш-
сти,

Вспыхнули всюду цвѣшны и весла и носъ увѣнчали!
Видѣли чудо пловцы и, моля, къ челноводцу, вызы-
вали:

„Къ берегу правь!“ — Но въ ревущаго льва пре-
вращенный,

Вдругъ съ высоты корабля погналь ихъ неисто-
вый Бакхось;

Тамъ же внутри косматый медвѣдь, сотворен-
ный незапно

Ужасомъ смерти, ярьсь, ужасаль и скакаль и
метался: —

Левъ же огненнымъ взоромъ глядѣль и пловцы
укрывались!

Къ кормчему всѣ пришекли, мудреца Медеида об-
стали,

Спраха полны, и вдругъ Бассарей, устремившись,
съ разбѣга

Выхватилъ въ сонмѣ вождя. Повелителя гибель
 узрѣвши,
 Бросились въ море они, но щепотно хотѣшь ус-
 транишься
 Рока, несущаго казнь: всѣ мужи Дельфинами
 всплыли!
 Но милосердъ и благоспешъ къ кормчему былъ
 Діонисось,
 Онъ осчастливилъ его и къ нему обратилъ свое
 слово:
 „Радоспешъ будь, въ душѣ на меня уповай, чел-
 новодецъ!
 Я Діонисось, я шумно-веселый!—Семела младенца,
 Кадмова дочь родила отъ ложа всесильнаго Зевеа!“
 О черноокой, о сынъ Кадмеиды, — хвала! и пре-
 лестныхъ
 Пѣсней никто не поешъ, забывая тебѣя, Діонисось!

В. Кюхельбекеръ.

Царское Село

1817.

IX.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

Одинъ я наконецъ на камнѣ одинокомъ!
 Какой прелестный, дивный видъ!
 Тамъ подъ утесомъ Куръ шумишь;
 И виноградники хватаю жаднымъ окомъ;
 Внизу кипящій городъ зрю:
 То въ даль меня манишь огромный верхъ Казбека,
 Въѣхъ неуниженный ногою челоуѣка;
 То въ древній Персеполь парю!
 Но что — какой воспоргъ меня объемлетъ?
 Что плакъ меня тѣснитъ и мой волнуешь духъ?
 Мой изумленный слухъ
 Не лепу Ангела ли вземлетъ?
 И хладъ меня и прелепъ обуялъ;
 Въ очахъ моихъ мечпы и призраки мель-
 каюшь —
 Явятся вдругъ, вдругъ исчезаюшь:
 Мой волосъ на главѣ возспалъ!

* * *

Знакомецъ мощный и прекрасный,
 Въ святомъ неисповсѣдѣ ужасный —

Ты въ душу мнѣ вливаешь страхъ!
 Куда съ земли ты восхищаешь
 Меня на огненныхъ крылахъ?
 На свѣтзарныхъ облакахъ
 Куда съ собою увлекаешь?
 На царскихъ не вели пирахъ
 Мнѣ славить гибель и сраженья;
 Потухнетъ пламень вдохновенья
 Въ ихъ ослабительныхъ лучахъ,
 Въ златыхъ цѣняхъ порабоженья!

* * *

Онъ моей мольбы не слышитъ!
 Въ даль и въ даль меня влечетъ!
 Мнѣ Зефиръ на встрѣчу дышитъ;
 Въ свѣпмый край меня несетъ
 Бурный пламенный полетъ!

* * *

Мнѣ знакомы эѳи воды!
 Милъ мнѣ эѳопъ небосклонъ!
 Здѣсь цвѣли сыны свободы:
 О Пермессъ! о Геликонъ!
 О священная Эллада!
 Узнаю твой храмъ, Паллада!
 Вошь народъ твой, Аполлонъ!

* * *

И се — я съ высоты Олимпа небу смѣжкой
 Гляжу на Океанъ спокойный и безбрежный —
 Мнемозина. Часть II. 7

И вижу Пизу (*) подъ собой!
 Воскресамъ предо мной младаго міра вѣки:
 Бѣгутъ боговъ любимцы, Греки
 На славный, всенародный бой! —

* * *

О! дайше мнѣ злашую лиру,
 Набросьте на меня порфиру;
 Вложите на главу вѣковъ!
 Совмѣстникъ дерзоспный Пиядара,
 Я полонъ радости и жара:
 Во мнѣ пылающій, зміегубитель Богъ!

* * *

Сраженіе зрю пѣвцевъ; неанамъ ихъ внимаю!
 Надъ сердцемъ согражданъ ихъ властвуютъ
 уста:

Завидна ихъ и сладостна мѣта!

Такъ! соревнун имъ, я слезы проливаю!

Паритъ надъ поприщемъ воспорженный мой
 духъ:

Свирѣли сладкій гласъ мой восхищаетъ слухъ;
 Мнѣ въ перси льется нѣга....

Вдругъ пыль взвилась отъ радостнаго бѣга:
 Топоча землю, юноши текутъ;
 На пламенныхъ коняхъ другіе славы ищутъ;
 Изъ рукъ иныхъ стрѣла и дискъ и дроникъ
 свищутъ.

Младымъ содерникамъ съ престоловъ
 раздають

(*) Пиза или Флимпія въ Элидѣ.

Съдые старцы безпристрастный судъ!
 Но что — какое новое сраженъе?
 Я чувства всё, всю жизнь въ одно вмѣщаю зрѣнъе!

* * *

Борцы поборають борцевъ!
 Толпа на нихъ смотритъ друзей и опцевъ:
 Ихъ руки и ноги сплелись,
 Ихъ мышцы и груди срослись,
 И длится ихъ бой роковой!
 Но вдругъ молодой и прекрасной герой,
 Прелестнаго Родоса счастливый житель.
 Повергнувъ соперника — всёхъ побѣдитель!
 Рыдаетъ его пресварѣлый родитель,
 Боецъ знаменитый, съдой Діагоръ;
 Ожившаго старца сіяющей взоръ
 Не хочеть съ любимцемъ разстаться!
 Кто можеть въ сей мигъ изъ Пелажскихъ сы-
 новъ,
 Изъ внуковъ Таншала и внуковъ Боговъ
 Въ блаженствѣ съ одряхшимъ героемъ равняться?

* * *

Едва лишь сіяніе новой денницы
 Кряя золотишь облаковъ:
 Бой новый для смѣлыхъ гоповъ!
 Какъ вихорь летящъ колесницы;
 До тучъ поднимается прахъ:
 Но вощъ на Родосскихъ, на бѣлыхъ коняхъ

*

Второй Діагоридъ! онъ всѣхъ упреждаетъ;
Онъ палму у цѣли срываетъ!

* * *

Живаго благочестья полны
Народа копейки безчисленныя волны
Въ священный, благодатный лѣсъ;
Тамъ самъ присутствуетъ Зевесъ,
Тамъ пламень жершвъ предъ нимъ и день и ночь
пылаетъ!

На свѣплыхъ юношей его маслистый жрецъ
Вѣнецъ безсмертный возлагаетъ.

Минувшихъ дней прославленный боецъ,
Въ небесномъ Діагоръ въ восторгѣ утопаетъ:
Въ сынахъ былая жизнь предъ старцемъ воскре-
саетъ!

Но вдругъ — они берутъ съ главы своей вѣнецъ,
Увѣчанъ ихъ вѣнцемъ, руками ихъ отецъ;

Они родителя предъ хоромъ воздвигаютъ
И плещетъ и рыдаетъ хоръ:

„Умри, блаженный Діагоръ!

„Тебѣ здѣсь нѣтъ уже желанья;

„Есть лучшія твои свершились упованья;

„Умри, блаженный Діагоръ!“

И се среди шоржества и воплей восклицанья
Онъ радостный смѣжилъ въ объятыхъ милохъ
взоръ!

* * *

Сіяй прелестное видѣнье

Изъ тьмы промчавшихся вѣковъ!

Тебя постигло вдохновенье,
Но не возвыситъ даръ стиховъ!
Священна та страна, гдѣ ты могло явиться!
Тамъ цѣлый былъ народъ поэтъ;
Но нынѣ наша жизнь безъ радостей влачится
И состарѣлъ нашъ свѣтъ!

В. Кюхельбекеръ.

Тифлисъ

1822.

X.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія !
 Въ послѣдній разъ передо мной,
 Ты катишь волны голубыя
 И блещешь гордою красой.
 Какъ друга ропотъ заунывный,
 Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
 Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
 Услышалъ я въ послѣдній разъ! —
 Моей души предѣлъ желанный,
 Какъ часто по брегамъ твоимъ
 Вродилъ я тихій и шуманный,
 Завѣтнымъ умысломъ помимъ! —
 Какъ я любилъ твои опзывы,
 Глухіе звуки, бездны гласъ
 И тишину въ вечерній часъ
 И своенравные порывы! —
 Смиранный парусъ рыбаей,
 Твоею прихотью хранимый,
 Скользишь отважно средь зыбей ;
 Но ты взыгралъ неодолимый,
 И тонешь стая кораблей —
 Не удалось на дѣкъ отстащить

Мнѣ скучный неподвижный брегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направилъ
 Мой поэтический набѣгъ!
 Ты ждалъ, ты звалъ: я былъ окованъ!
 Вотще рвалась душа моя;
 Могущей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я!
 О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
 Я пулъ безпечный устремилъ,
 Одинъ предмешь въ швей пусыиѣ,
 Мою бы душу поразилъ, —
 Одна скала, гробница славы!
 Тамъ погружались въ хладный сокъ
 Воспоминанья величавы,
 Тамъ угасалъ Наполеонъ! —
 Тамъ онъ почилъ среди мученій!...
 И въ слѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой опъ насъ умчался геній,
 Другой власпитель нашихъ думъ! (*)
 Исчезъ оплаканный свободой,
 Оставя міру свой вѣнецъ —
 Реви, волнуйся непогодой,
 Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ;
 Твой образъ былъ на немъ омадець,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты могущъ, глубока и мрачна,
 Какъ ты ничѣмъ неукрошимъ! —

(*) Байронъ.

Мірѣ опустѣлъ . . . . . (*)

Прощай же, море! не забуду
 Твоей шоржественной красы
 И долго, долго помнишь буду
 Твой шумъ въ вечерніе часы!
 Въ лѣса, въ нустыни молчаливы
 Перенесу, шобою полнъ,
 Твои скалы, нивои заливы
 И блескъ и тѣнь и говоръ волнъ!

А. Пушкинъ.

(*) Въ семь мѣстѣ Авторъ поставилъ шри съ съ половиною строки шочекъ. Издашелямъ сіе Спихопвореніе доставлено Кн. П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь опшечашано шочно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ подъ пера самаго Пушкина. Нѣкоторыя списки оваго, ходящіе по городу искажены нелѣпыми прибавленіями.

И з д.

*****

XI.

ТИМОНЪ или МИЗАНТРОПЪ.

(Изъ Лукіана — съ Грегескаго).

*****

Т и м о н ъ.

О Зевсь дружелюбный, гостеприимный, миролюбный, домовадыка, молніеносный, клятводержитель, дождеродный, браневластительный (1), ты, носящій безчисленные имена, особливо когда у безумныхъ Пое-шовъ не достаешь мѣры, ты, подрѣпляющій паденіе стиховъ ихъ, ты хранящій въ нихъ звучное согласіе — гдѣ нынѣ пвой всегремлящій перунъ, далекогласный громъ и пламенная, блестящая и ужасная молнія? Все епо одиѣ пѣсни, одинъ лишь дымъ пиящической, одно шумное пустословіе; прославленное, дальномешное, дѣяшельное

---

(1) Здѣсь Лукіанъ съ умысломъ собралъ всѣ Епи-теты, которыми древніе Поеты величали Зевса.

швое оружіе, не знаю, какимъ образомъ совершенно проспыло; оно холодно, ни искры гнѣва не сохраняетъ противу преспуниковъ. Скорѣе желающій нарушить кляпву устращится вчера горѣвшей свѣпильны, нежели пламени швоего всесокрушительнаго перуна. Ему кажется, что ты проспирраешь простую лучину, огонь и дымъ копорой не спрашны для него; онъ думаетъ полько, что опъ удара ею нанесеннаго, лишь замарается копошью; даже Салмоней (2) дерзаетъ тебѣ прошивугремѣшь, презирая хладный гнѣвъ Юпшера — Салмоней дерзновенный и щеславный! Ужь не опъ мандрагоры ли (3) заснулъ ты и не слышишь кляпводреспуниковъ, не видишь неправыхъ? Ты ослѣтъ для насшолащаго; ты оглохъ онъ старосши. Но когда былъ еще молодъ, живой духомъ, быспрый

(2) Салмоней — извѣстный Царь Еладскій, сынъ Еола, разѣзжалъ по мѣдному мосту въ колесницѣ, бросая искусственные огни съ намѣреніемъ получить божескія почести; но подражаніе его кончилось неудачю — онъ пораженъ былъ молніей.

(3) Мандрагора — усыпительное растѣніе.

во гнѣвъ, многое совершалъ ты прошиву
 злочеспивыхъ; никогда не вроможалъ вре-
 мени въ праздности, но всегда дѣйствова-
 вали перуны, попривадея щипъ, гремятъ
 громъ и непрестанная пробѣгала молнія,
 какъ будто на полѣ сраженья. Земля пры-
 слась, какъ мука на рѣшето; снѣгъ валилъ
 кучами; градъ — камнями; наконецъ, чпобъ
 все высказашъ на зло тебѣ, дожди хлынули,
 каждая капля — рѣка — разверзлись ис-
 точники и такой въ одну минузу разлился
 при Девдаліонѣ пошопъ, чмо едва одинъ
 малый ковчегъ могъ пристать къ горѣ Дж-
 коріи, сохранивъ жизнь скудному сѣмени
 смертныхъ для рожденія великаго зла. Дол-
 жныя награды ты получаешь отъ дѣхъ
 за свое нерадѣніе: никто тебѣ не прино-
 силъ ни жершвъ, ни вѣнцовъ, развѣ на иг-
 рахъ Олимпійскихъ, и то, не считая необ-
 ходимостью, но сохраняя древній обычай.
 Мало по малу, о славнѣйшій изъ Боговъ!
 они, оставивъ тебя за старостию, отка-
 жуть тебѣ въ почестяхъ: не хочу уди-
 нать, сколько разъ они грабиди двои храмы;
 и на тебя даже наложиди руки въ Олим-
 пѣ. И ты — гремящій съ высотъ, ты
 не дерануль ни послать, прошиву нихъ

исовъ, (4) или созвать сосѣдей, дабы они, спекились на помощь, схватили ихъ, еще головищихся къ бѣгству. Но ты, о мужеславенный сокрушитель Гигантовъ, бичъ Тишановъ, ты сидѣлъ, тогда какъ они брили тебѣ волосы, (5) сидѣлъ, держа въ десницѣ десятилакшевый перунъ! Когдажь, о чудопворный! кончится сіе небреженіе? Когда накажешь такое нечестіе? Сколько надо Фаэтоновъ или Девкалионовъ, дабы унять буйную дерзость смертныхъ? — Но что мнѣ до другихъ! скажу тебѣ о самомъ себѣ. — Я, возведшій на высоту величія сподъ многихъ Аѳинянъ, бѣдныхъ содѣлавшій богатыми, не щадившій злата для блага друзей, я когда] обѣднялъ, не только они не узнають меня, не только на меня не смотрять—они, которые доселѣ съ пренеомъ обожали меня, покорные одному знаку; но если случится мнѣ на

---

(4) Собаки почитались у древнихъ вѣрнѣйшими стражами храмовъ.

(5) Лукіанъ здѣсь упоминаетъ о какомъ нибудь похищеніи въ храмъ Юпитера Олимпійскаго. На статуяхъ Боговъ волосы обыкновенно были золотые и пeshому не мудрено, что привлекли хищниковъ.

пути встрѣпишься съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, они проходятъ мимо меня, какъ будто мимо гробовой упавшей колонны давнишняго покойника, разрушенной временемъ— проходятъ, и не узнають. Да еще издали завидя, сворачивають въ сторону, избѣгая меня, какъ зловѣщей и ужасной встрѣчи— меня, давно ли бывшаго ихъ спасителемъ и благодѣшелемъ? Сими-шо несчастіями приведенный въ пустыню, накинувъ рубище, взрываю землю за чепыре овола, разсуждая въ уединеніи надъ заспуномъ. Одно мнѣ здѣсь утѣшеніе; здѣсь я не вижу толпы, безъ заслугъ богатѣющей — что всего для меня ужаснѣе. Когда же, сынъ Крона и Рея, когда, спряхнувши тяжельый сонъ (ибо ты спишь долѣ Епименида) (6), и снова низвергнувъ перуны, или бросаешь огонь изъ Епны, обымешь все великимъ пожаромъ и явишь гнѣвъ Діа грознаго, мужественнаго, если правду говорятъ Кристьяне о тебѣ и о твоей гробницѣ? (7).

(6) Епименидъ — извѣстный Кристьянинъ, копорый, по преданію, спалъ сорокъ лѣтъ. ,

(7) Кристьяне говорили, что Юпитеръ похороненъ близъ города Гноза.

ЗЕВСЪ и МЕРКУРІЙ.

Зевсъ.

Кто это, Меркурій, кричишь такъ сильно изъ Аппики у подножія горы Гиметта? Весь вымаранъ, изсохъ, въ рубищѣ, и кажется, наклонившись, роешь землю — человекъ болтливыи и дерзкій. Вѣрно онъ философъ, кто бы иначе осмѣлился такъ грубо говоришь съ нами?

Меркурій.

Что говоришь, родитель? Уже ли не узналъ Тимона, сына Ехекратова, Колинпейскаго? Это тотъ, который такъ часто угощалъ насъ изобильными жертвами, недавно былъ богатъ, совершалъ всѣ гекапомбы, у котораго мы привыкли великолѣпно праздновать шоржества свои.

Зевсъ.

О судьба, судьба превратная! — Такъ это тотъ достойный богатъ, который такъ часто бывалъ окруженъ многочисленными друзьями! Чѣмъ онъ спрадаецъ? Изсохъ бѣдный, копаецъ землю, какъ наемникъ и тяжелый заступъ воряецъ.

МЕРКУРІЙ.

Сказать проепо, такъ честность, чело-
вѣколюбіе и состраданіе ко всѣмъ бѣд-
нымъ его погубили, а говоришь правду, по
безуміе, оплошность и неразборчивость въ
друзьяхъ. Онъ не видалъ, что благошво-
ришь волкамъ и коршунамъ; но несчаст-
ный! тогда какъ многіе враны шерзали его
сердце, онъ почишалъ ихъ друзьями, пова-
рищами, думалъ, что они изъ любви же къ
нему наслаждаются пищею; а они, обна-
живъ до чиста его кости, оглодавъ ихъ и
послѣдній мозгъ спарашельно изъ нихъ вы-
сосавъ, ошлепѣли, оставили его изсохшаго,
обрѣзаннаго съ ногъ до головы, не узнавая,
не гляди на него. (да и къ чему?) — не го-
вори уже о помощи, о благодарности. Вотъ
почему онъ спалъ на харемъ, надѣлъ, какъ
видишь, рубище и оставивъ опъ слыда
городъ, за малую плату копаешь землю,
обезумѣвъ опъ несчастій, тогда какъ имъ
обогащенные съ презрѣніемъ мимо его про-
ходятъ, не зная даже, что и зовуть его
Тимономъ.

З е в с ь.

Елиопъ челоѣкъ не долженъ быть
презрѣнъ; въ такихъ спраданіяхъ онъ спра-
ведливо ропщеть: ибо мы поступили съ

нимъ, подобно симъ нечестивымъ льстецамъ, забывъ чловѣка, который тысячи самыхъ тучныхъ воловъ и козловъ сожигалъ на олшаряхъ нашихъ — еще теперъ я обоняю ихъ запахъ. Впрочемъ и некогда было, здѣсь усмиралъ я мяшежниковъ, кляшвопресшупниковъ, грабителей; шамъ спрашился свяшопашцевъ, которыхъ такъ много спало, что не возможно и усперечь! — ни на минушу не даюшь глазъ сомкнуть; за всѣми ешими недосугами я давно уже не сморѣлъ на Апшику, а особляво, какъ Философія и словопрѣнія шамъ воцарились. Въ ешихъ битвахъ, въ ешомъ крикѣ, невозможно внимать моленіямъ. Должно или, зашкнувъ уши, сидѣть праздно, или перзаться скукою, слушая, какъ они велегласно проповѣдуошь о какой-то добродѣтели, о существахъ безшѣлесныхъ и другихъ пустякахъ. Вотъ, почему и забылъ я сего благочестиваго мужа. Меркурій! Сей часъ же возми Плущуса и опведи его скорѣкъ Тимону. Плущусъ да возмешъ съ собою Сокровище, да останушся они оба у Тимона и да не скоро оставяшъ его, даже когда онъ по своей добродѣтели будешъ выгоняшъ ихъ изъ дома. Чпожь касаетшя до льстецовъ, до ихъ неблагодарности, ко-

порую они передъ нимъ обнаружили, я пошчасъ займусь ешимъ дѣломъ; они примуть наказаніе, дай только изгошовать перуны. Нынѣ упромъ сокрушились у меня два самыя лучшіе; я хотѣлъ поразить сильнѣе мудреца Анаксагора, увѣрившаго учениковъ своихъ, что будто бы мы Боги во все не существуемъ; не попалъ (Перикль рукою защитилъ своего учителя) (8), а перунъ, зажегши храмъ Кастора и Поллукса, самъ едва въ прахъ не разбился о камень. Впрочемъ и по будущъ лъспецамъ славное наказаніе, когда увидятъ они Тимона вновь разбогатѣвшимъ.

МЕРКУРІЙ.

Вошь что значить кричать, шумѣть и бышь дерзкимъ! Видно не только въ тяжбахъ, но и въ прошеніяхъ это полезно. — На примѣръ сей часъ же Тимонъ изъ бѣднѣйшаго попадетъ въ богатѣйшіе, а чѣмъ, если не крикомъ и свободною искренностію въ молишвахъ онъ привлекъ къ себѣ Діа? Еслибъ Тимонъ молча рылся, сторбясь надъ

---

(8) Анаксагоръ обвиненъ былъ въ безбожіи. Перикль защитилъ его въ судѣ своимъ краснорѣчіемъ, котораго одну изъ главнѣйшихъ частей у древнихъ составляли шѣлдвиженія.

заспуномъ—и пенерь еще рылся бы въ заб-
ненія.

ЗЕВЕСЬ, МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЪ.

П л у т у с ъ .

Зевесъ, я не пойду къ нему.

З е в е с ъ .

Какъ, добрый Плутусъ, когда я ещо
приказываю?

П л у т у с ъ .

Потому что онъ, ей Богу, меня оби-
дѣлъ, выгналъ, разорвалъ на часпи, меня,
друга опца его; только что не вынесъ на
жилахъ изъ дома, ну знаешь, какъ люди изъ
рукъ огонь бросаютъ. Вѣдь снова же
передастъ онъ меня пунендѣамъ, лъспецамъ
и любовницамъ. Нѣтъ, Зевесъ, пошли меня
къ шѣмъ, которые будущъ цѣнишь дары
мои и пейсись о нихъ, къ шѣмъ, у кото-
рыхъ я въ часпи—предметъ ихъ желаній.
Пусть глумцы прилѣпляючися къ бѣдноспи,
предпочипал ее намъ и взявъ у ней ру-
блице ж заспунъ, пусть они довольснву-

юся четырью оболами, они — пренебрега-
ше дарами десяти-палантинными.

З в е с т ь.

Нѣтъ, Тимоиъ такъ не послуניתъ съ
побою: заснупъ сей научилъ Тимона (если
мышцы его не совсѣмъ нечувствительны),
предпочиташъ тебя бѣдноспи. Да ты, маѣ
кажется, слишкомъ любишь жалованься.
Нынѣ обвиняешь Тимона въ шомъ, что онъ,
опиворивъ тебѣ двери, позволилъ свободно
прогуливатъся, не запирая, не ревнуя къ
тебѣ, а иногда напротивъ ты сердиться
на богачей, говори чно они и запорами, и
ключами и печалью тебя запирають, чпобъ
тебѣ и божинго свѣта не видно было. Ты
плакалъ предо мною и жаловался, что за-
дыхаешься въ ужасномъ мракѣ и потому
казался намъ блѣднымъ, сухимъ отъ за-
болъ, простирающимъ пальцы, какъ будто
что по разсчиывая и грозилъ, схватившимъ
случай, убѣжашъ отъ своихъ мучителей.
Однимъ словомъ, тебѣ жестко казалось
спать на мѣдномъ или желѣзномъ ложѣ,
какъ Даная невольно дѣвствовать и жить
подъ руководствомъ докучныхъ и гибель-
ныхъ учителей, *выгоды* и *разста*. Ты го-
ворилъ, что не дѣло они дѣлають, имѣя къ

*

тебѣ страсть чрезмѣрную; при возможности не смѣя употреблять сокровищъ; безъ свободы питае: къ тебѣ любовь; будучи не господами, но неусыпными споражами, не смыкая глазъ, наблюдающими печатами и запоры свои; почитая лучшимъ наслажденіемъ не самимъ наслаждаться, но никому не давая участія въ удовольствіи, подобно псу, лежащему на снѣ, котораго и самъ не ѣстъ травы, и голодному коню не даешь. Ты еще и смѣлся надъ тѣмъ, что они все берегутъ, хранятъ, а всего чудеснѣе: самихъ себя подозрѣваютъ, не зная, что какой нибудь презрѣнный рабъ, или управитель, или воспитатель дѣшей, тихонько ускользнувъ въ кладовую, издѣвается надъ малодушнымъ хозяиномъ, между тѣмъ, какъ онъ при тускломъ ночникѣ съ тощей свѣсильною проводитъ ночи за счепами. Какая же въ тебѣ справедливосць? Ты недавно епо обвинялъ, а нынѣ осуждаешь Тимона за прошавное.

П л а у т у с ъ .

Если хочешь знать истину, объ мои жалобы справедливы. Послупокъ Тимона со мною вѣрно всякому покажется небрежнымъ, необдуманымъ, безразсуднымъ, какъ

равно и шѣхъ, которые храняшъ, запираюшъ, меня затворами во мракъ, стараюшся о томъ, "чтобъ я' былъ тучень, жирень, до-родень, сами ко мнѣ не прикасаются, ни выпускаюшъ меня на свѣтъ, чтобъ кто нибудь не увидѣлъ;—равно и сихъ починаю безумцами; припѣснителями; они меня невиннаго' утомляютъ цѣлями, не зная, что вскорѣ оставяшъ, отдавши' какому нибудь, другому счастливцу. Я не одобряю ни пер-выхъ, ни послѣднихъ; но люблю шѣхъ, ко-торые умеренно наслаждаются, не отка-зываются отъ всего, и не испощаютъ въ мигъ всѣхъ сокровищъ. — Разсуди, о Зевесъ, ради Бога, естли кто, получивъ закон-нымъ образомъ молодую, прекрасную жену, не будетъ хранитъ ея, ни питаешъ къ ней нѣжной ревности, но еще самъ желая, чтобъ она прогуливаясь и ночью и днемъ, встрѣчала своихъ обожателей, самъ, отворивъ двери, поведешъ ея на распущенно, шоргуя ея красотою и всѣхъ къ ней сзы-вая — не ужели такой мужъ любитъ жену свою? Вѣрно, Зевесъ, ты скажешь нѣтъ, ты самъ такъ часно влюблялся. Естли же кто напропивъ, взявши законно жену свободную въ домъ свой для рожденія дѣ-тей, ни самъ не коснется къ цвѣтущей

возрастомъ и красотою дѣвъ, ни другому же позволить взглянуть на нее; но зашворивъ ее бесплодную, будешь хранишь ея дѣвственность, утверждая, что онъ ее любитъ, доказывая любовь свою блѣдностью лица, изсохшимъ тѣломъ, впалыми глазами, не безумствуешь ли онъ, когда вмѣсто того, чтобы наслаждаться бракомъ, убиваетъ споль благообразную, плѣнительную дѣву, какъ будто хранишель жрицы Цереры? Вспомни почему я жалуясь, что иные безъ милосердія рвутъ и истощаютъ меня, другіе купятъ цѣпями, какъ бѣлаго, клейменого раба.

З л в е с ь.

Да за чѣмъ же ты жалуешься? Люди обоего рода строго наказываются. Первые, какъ Таншаль, съ пустымъ желудкомъ алкаютъ, открывая уста свои на одно только слово, у вторыхъ, какъ у Финей, Гарніи опнимаютъ пищу у самого рта. Но иди же къ Тимону, онъ гораздо спалъ благообразнѣе.

П л а т о н о в ь.

Но не переспанешь ли онъ когда нибудь, какъ дѣла бочки бездонной, послѣдно выли-

вашъ меня прежде, нежели я совсѣмъ войду въ нее, какъ будто желая предупредить разливъ, чтобы я, наполнивъ ее черезъ край, не потопилъ и его? Мнѣ кажется, и лью воду въ бочку Данаидъ и напрасно ее наполняю, потому что дно не закрыто; при томъ же оно такъ широко, такъ легко выходитъ, что не успеешь влить воду, какъ она ужъ и выливается.

З в а в е с т ь . . . . .

И такъ, если не зашворить онъ всегда открытаго дна, ты пошчасъ выплещешь и онъ снова легко найдетъ рубище и заступъ на отсѣдѣ бочки. Но ступайте, обогащите Тимона; а ты Меркурій, не забудь привести къ намъ Циклоповъ изъ Египта, чтобы они напостили перунъ нашу; мы нуждаемся въ оспромѣ.

МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЪ.

МЕРКУРІЙ.

Пойдемъ же, Плутусъ. Что это? ты хромаешь? Я не зналъ, другъ мой, что ты не только слѣпъ, но и хромя.

П л у т о с ъ .

Ешо не всегда , Меркурій ! Но только лишь когда Юпитарь меня къ кому нибудь посылаетъ , не знаю самъ опъ чего я и мѣннвъ и хромаю на обѣ ноги , даже шакъ , что иногда я еще не достигнулъ конца , а ожидающій меня ужъ и соснарѣлся . Если жъ должно оставитъ кого нибудь , леу на крыльяхъ , куда пвои ппщцы ! Лишь только поданъ знакъ , я ужъ провозглашенъ побѣдителемъ , перескочилъ все ристалище шакъ , что иногда и зрители не замѣнили .

М е р к у р і й .

Не правда ! Да я многихъ могу назвать тебѣ , которымъ вчера не на что было купить веревку , чтобы удавиться , а нынѣ у нихъ откуда взялось богатство и роскошь ; разѣзжаютъ на бѣлыхъ коняхъ шѣ , у которыхъ и осла никогда не бывало , украшаются пурпуромъ , золотыми кольцами и , я думаю , сами не вѣрятъ , что они не во свѣ богаты .

П л у т о с ъ .

Ешо дѣло другое , Меркурій ; тогда хожу я не на своихъ ногахъ , не Зевесъ , но Плутъ .

помъ посылаешъ меня къ нимъ — Плундонъ всещедрый, обильный въ дарахъ своихъ, чшо и имя его показывается (9). Когда нужно меня переселишь опть одного къ другому, шощасъ описавъ на бумагѣ, спарашельно скрѣпивъ подписью и печатью, взявши меня въ берема, перепаскѣваюшъ. А мершвый господинъ мой лежишь себѣ въ какомъ нибудь шемномъ уголкѣ, вешая просиыня наброшена на голыя колѣна, лежишь—несчастливая добыча кошекъ. А наслѣдники уже на площади ждуть меня, разинувъ ршы, какъ неоперенныя пшашки, лепечущія ѳрк видѣ лепящей къ нимъ матери. Какъ снимушь печать, разорушь обвершку, опкроюшь завѣщаніе, шушь провозгласишь новымъ господиномъ моимъ или родспвенникъ, или лѣспецъ, или какой либо служишель ужъ съ бритой бородою, предпочшишельно другимъ юношамъ великую награду принимающій за разнообразныя удовольствія, конторы онъ, уже въ возрастѣ, доставляль господину. Онъ, кто бы ни былъ, схвапивъ меня вмѣстѣ съ за-

---

(9) Имя *Πλούτων* происходитъ опть слова *πλούτιον* обогащаю.

вѣщаніемъ , несется на колесницѣ , вдругъ переименовавъ себя изъ какого нибудь прежняго Пиррія , или Дрома , или Тивія , въ Мегаклея , или Мегабизы , или Прошархи , осмѣиваетъ другихъ , которые , напрасно зѣвая , глядятъ другъ на друга и справедливо сожалеютъ о томъ ; что такая рыба сорвалась съ уди , не малую пожравши добычу . Онъ нападаетъ на меня , жестокий , не зная приличія — онъ , который , спрашася цѣпей , тотчасъ подымалъ уши , при всякомъ внезапномъ ударѣ хлыста и ильищу свою почиталъ храмомъ , — онъ не только спановипись несносенъ всѣмъ , его встрѣчающимъ , но обижаетъ людей свободныхъ , съчетъ рабовъ своихъ , какъ будто испытывая , позволяешь ли ему еще ? — до шѣхъ поръ пока или прилѣпленный къ сладострасію , или изъ любви къ лошадямъ , или предавши себя самаго въ руки деспотовъ , которые клянутся , что онъ благообразіе Нирей , знаише родомъ Цекропа или Кодра , мудре Улисса , въ шестнадцать разъ богаче Креза — въ минушу несчастный все , что собралъ по немногу нарушенными клятвами , грабежемъ и обманами . — расточилъ .

МЕРКУРІЙ.

Ты говоришь почти бывалое. Но скажи мнѣ, когда ты ходишь на'ногахъ своихъ, какимъ образомъ, будучи шакъ слѣпъ, находишь дорогу? Какъ узнаешь лица, къ которымъ посылаетъ тебя Зевесъ, почитая ихъ достойными богатства?

Плутусъ.

Ты думаешь — я спрашиваю, кто они?

МЕРКУРІЙ.

Безъ сомнѣнія. Ты вѣрно, пренебрегши Ариспида, не пойдешь къ Гиппонику, Каллію и другимъ Аѳинянамъ, не спующимъ и овола. Но безъ шутокъ, какъ ты исполняешь посланія Зевеса?

Плутусъ.

Расхаживаю взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока неосторожно попаду къ кому нибудь, и первый, меня поймавшій, оповодитъ домой и владѣетъ мною, благодаря тебя, Меркурій, за неожиданную добычу.

МЕРКУРІЙ.

Такъ ты обманываешь Зевеса? Онъ думаетъ, что ты обогащаешь только тѣхъ, которые по мнѣнію его достойны.

Плутусъ.

Нѣтъ, и справедливъ, другъ мой! За чѣмъ Зевесъ, зная слѣпоту мою, посылаетъ меня искать такой вещи, которой найми

невозможно, которая давно уже оставила смертных, когда и сама Линкей не скоро найдешь ее—такъ рѣдка и мала она? Въ городахъ же добрыхъ очень мало, все наполнено злыми, но и не мудрено, что и нападаю на злыхъ и они меня ловятъ.

МЕРКУРИЙ.

Какъ же ты, оставляя ихъ, бѣжишь такъ свободно, не видя дороги?

ПЛУТУСЪ.

Когда дѣло дойдетъ до побѣга, откуда возьмутся глаза и ноги.

МЕРКУРИЙ.

Опивчай еще мнѣ на епо, какимъ образомъ ты слѣпой, да кромѣ того надо признаться, блѣдной, хромой, имѣешь столько обожателей, что всѣ почти смертные къ тебѣ усpreмляютъ взоры и овладѣвши побою, почищаютъ себя счастливыми; безъ тебя же не пердятъ и самой жизни! — Немало людей я знаю, которые такъ несчастно тебя любили, что бросались съ высотихъ утесовъ въ глубокія бездны морей, вообразивъ, что ты презираешь ихъ; ибо сначала не кинулъ на нихъ взгляда.

Впрочемъ я увѣренъ, ты и самъ согласишься, если знаешь себя, что они бѣснующся, преслѣдуютъ тебя съ такою любовію.

П л у т у с ь.

Ты думаешь, что они видятъ меня такимъ, какъ я есть, видятъ, что я слѣпъ, хромъ и имѣю другіе недостатки.

М е р к у р і й.

Да какъ же, Плутусъ, если только они сами не слѣпы?

П л у т у с ь.

Они не слѣпы, другъ мой, но невѣжесиво, заблужденіе, нынѣ всѣмъ овладѣвшія, омрачаютъ ихъ взоры. Да я и самъ, чтобы не вовсе казаться безобразнымъ, надѣваю прекрасную личину, позолоченную, украшенную дорогими камнями, и облеченный въ разныя шкани, являюсь передъ ними. Они же, думая видѣть самую красивую олицетворенную, пылаютъ спрассію и губятъ себя, если не овладѣютъ мною. Но когда бы кто нибудь въ нагопѣ меня показалъ имъ, вѣрно опибъ себя прокляли, увидя слѣпопу свою, узнавъ, что они обожали лице столь ненавистное, столь безобразное.

МЕРКУРІЙ.

Да какъ же , пріобрѣтши богатство и познакомившись съ тою личиною , они все еще обманываются , и если кто вздумаетъ опинять ее , скорѣй оплывутъ свою голову , нежели личину ? Не лъзя повѣрять , чѣмъ они , проникая въ твою внутренность , не знади , что еша личина позолоченная .

ПЛУТУСЪ.

У меня не мало , Меркурій , въ епомъ помощниковъ .

МЕРКУРІЙ.

Ктожь они ?

ПЛУТУСЪ.

Лишь только кто либо первый , со мною вступившись , расшворитъ насшежь двери и приметъ меня къ себѣ , выѣстѣ со мною уградкой входитъ высокоуміе , безуміе , гордоснь , изиѣженность , дерзоснь , заблужденіе и пысячи другихъ спутниковъ . Когда они всѣ овладѣють его душою : онъ удивляется вещамъ обыкновеннымъ , спрешится ко вредному , а меня , виновника всѣхъ зохъ , къ нему вошедшихъ , хранитъ окруженнаго симъ спражами и скорѣе все вы-

терпимъ, нежели согласишься меня опшусить.

МЕРКУРІЙ.

Да швое пѣло шакъ скользко; Плутусь, сколь легко убѣгаешь, | столь шрудно теби удержашь; у тебя нѣтъ на пѣлѣ ни одного пшвердаго крючка, за которшй бы можно было ухвашиться; но шы подобно вьюну, или змѣ, какъ шо скользишь между пальцами. А бѣдность напрошивъ шакъ липка, шакъ легко поймашь ее, шакъ крючковашо ея пѣло, чшо, допронувшись до нее, въ ней прилипнешь и не легко опшпашь. Но мы заболшались и забыли о важномъ дѣлѣ.

Плутусь. |

О какомъ?

МЕРКУРІЙ.

Да мы не ведемъ съ собою Сокровища, которое намъ всего нужнѣе.

Плутусь.

Не заботься о немъ. Опшправляясь къ вамъ, я всегда опшавляю его въ землѣ и вешю ему сидѣль у запершой двери и никому не опворншшь ее, если не услышишь моего голоса.

МЕРКУРІЙ.

Мы уже вступаемъ въ предѣлы Аппики. Слѣдуй за мною, ухватись крѣпче за полу одежды, пока мы дойдемъ до пустыни Тимона.

ПЛУТУСЪ.

Хорошо дѣлаешь, Меркурій, что ведешь меня; иначе ябъ могъ, заблудившись, напастъ на Ипербола или Клеона. Но что это за звукъ? какъ будто желѣзомъ бьютъ о камень!

МЕРКУРІЙ.

Елио Тимонъ роетъ каменную, твердую землю. Ба, ба, ба! при немъ Бѣдность, Трудъ, Воздержаніе, Мудрость, Мужество и вся толпа, надъ коей царствуетъ Гладь; но они гораздо лучше своихъ пѣлохраницелей.

ПЛУТУСЪ.

Лучше бы намъ убѣжать скорѣе, Меркурій! Что можемъ мы сдѣлать важнаго надъ человѣкомъ, окруженнымъ шаковымъ полчищемъ?

МЕРКУРІЙ.

Иначе угодно Зевесу: оставимъ брань.

~~~~~

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, БѢДНОСТЬ съ ея
свиною, ТИМОНЪ.

БѢДНОСТЬ.

Куда ведешь ты, Меркурій, естаго
слѣнца?

МЕРКУРІЙ.

Мы посланы къ Тимону отъ Юпитера.

БѢДНОСТЬ.

Какъ! снова Плутусъ къ Тимону, послѣ
того какъ я приняла его, удрученнаго бѣд-
спвіями Роскоши и предавъ Мудрости и
Труду, одарила его и мужествомъ и достоин-
ствомъ! Вы такъ презираете бѣдность,
такъ легко вамъ ее обидѣшь, что опни-
маете у нее единое достоиніе, возвра-
щенное снова къ добродѣтели, дабы Плу-
тусъ, овладѣвъ имъ, предалъ его снова Дер-
зости и Тщеславію и содѣлавъ подобнымъ
прежнему, извѣженнымъ, малодушнымъ и
безразсуднымъ, бросилъ его мнѣ, какъ изно-
шенную одежду.

МЕРКУРІЙ.

Бѣдность! такъ угодно Зевсу.

БѢДНОСТЬ.

Удаляюсь. И вы, о Трудъ и Мудрость,
Мнемозина. Часть IV. 9

и вы, другіе спутники, послѣдуйте за мною. Быть можетъ, онъ узнаетъ послѣ, что лишился во мнѣ и благодушельной помощи и наставницы всего лучшаго. Пока былъ онъ со мною, здравый шѣломъ, добрый духомъ, онъ велъ жизнь человека, наблюдалъ себя, все прочее почиталъ чуждымъ, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ.

МЕРКУРІЙ.

Они удаляются; подойдемъ къ нему.

~~~~~

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, ТИМОНЪ.

Тимонъ.

Кто вы, проклятые? Или пришли сюда мѣшать трудящемуся наемнику? Но не съ радостію онъ селъ пойдете; вы всѣ ужасны! Сей часъ раздавлю васъ сими грудями камней.

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ, Тимонъ, не бросай! Ты не на людей ихъ бросишь. Я Меркурій, онъ Плутусъ. Зевесъ, услышавъ молебны твои, насъ послалъ къ тебѣ. Прими въ добрый часъ сіи сокровища и оставь труды свои.

Тимонъ.

Вы хопь и Боги по словамъ вашимъ , но у меня возрыдаеше. Я всѣхъ равно ненавижу — Боговъ и людей , а ешому слѣ- пому, кто бы онъ ни былъ , непремѣнно бышь убишу моимъ заступомъ.

П л у т о с ъ :

Уйдемъ, Меркурій, ради Бога! Онъ, мнѣ кажешся, въ припадкѣ. Уйдемъ, чшобъ не было худо!

М е р к у р і й .

Не дурачься, Тимонъ. Оспавъ свои ди- кій и грубый нравъ, прими въ объятіи благодѣтельное счасіе , пвори снова бо- гатыхъ, будь первымъ изъ Афинякъ, и пре- зри неблагодарныхъ, счасливыхъ однимъ побою.

Тимонъ.

Мнѣ въ васъ нѣтъ нужды. Не нѣщайте мнѣ. Заступъ — вопъ мое собственное богатство. Я блаженнѣйшій изъ смерт- ныхъ, если никто меня не трогаетъ.

М е р к у р і й .

Епо безчеловѣчно, мой другъ !

*Дію скажу ли сіи негастныя смертнаго
рѣги! (10)*

Тебѣ можно ненавидѣть людей за спранія, ошъ нихъ прешерпѣнныи; но какъ же ненавидѣшь Боговъ, которые о тебѣ пе-
купся?

Тимонъ.

Къ тебѣ, Меркурій, и къ Зевсу храню
пеликую благодарность за спранія ваши;
Плуруса же ни за что не приму.

Меркурій.

Да почему жъ?

Тимонъ.

Попому что онъ нанесъ мнѣ штысячи
бѣдливій, предалъ меня льстецамъ, зна-
комъ съ людьми злосовѣтными, возбудилъ
во мнѣ ненависть, сокрушилъ меня сладо-
спрасціемъ, подвергнулъ зависти, и чтожь
наконецъ? оставилъ меня сираго коварно,
измѣнически. Но благодѣтельная Бѣдность,
упражняя меня въ прудахъ мужеспвен-
ныхъ, съ истиною и свободою бесѣдуя со
мною, мнѣ за пруды доставила необходи-
мое, научила презирать всѣ богатства, во

---

(10) Стихъ изъ Гомеровоу Иліады.

мнѣ самомъ основавъ всѣ надежды жизни и показавъ, сколь велико по мое сокровище, котораго не въ силахъ опмянѣть ни льстецъ ласкапельспивомъ, ни клеветникъ — спрахомъ, ни народъ — гнѣвомъ, ни орапоръ — своимъ мнѣніемъ, ни ширакъ — злоумышленіемъ. Укрѣпленный трудами, дѣятельно обрабатываю сіе поле, не вижу градскихъ бѣдспвій и заступъ мнѣ доспаваляешь довольство. И такъ возвратись, Меркурій, къ Юпиперу съ Плутусомъ. Я доволенъ буду и тѣмъ, если онъ всѣхъ людей спеналъ заставишь.

Меркурій.

Совсѣхъ нѣшь, другъ мой! Не всѣ сотворены на спенаніе. Оспавъ швой гнѣвъ, швой незрѣлыя заблужденія и прими Плутуса. Не должно презирашь даровъ Юпипера.

Плутусъ.

Хочешь ли, Тимонъ, чшобъ я оправдался передъ тобою? Или ты сердяшься, чшо я говорю?

Тимонъ.

Говори, да только скорѣе, безъ предисловія, не такъ какъ записные Орапоры.

Я позволю тебѣ сказать не много, и то для Меркурія.

П л у т о с ь .

Кажется мнѣ бы можно побольше поговорить за твое ужасное обвиненіе. Разсмотри, какую нанесъ я тебѣ обиду? я, которъй былъ виною всѣхъ твоихъ удовольствій и почестей, и первенства, и вѣнцовъ, и другихъ отличій. Черезъ меня ты сдѣлался достойнымъ уваженія, тебя прославили и стали искашь. Если жъ ты поспрадалъ ошь льстецовъ, я не виновенъ. Напрошивъ я ошь тебя преперпѣлъ обиды, ты меня такъ безчестно бросилъ въ руки людей пресшупныхъ, горделивыхъ, коварныхъ и всѣми умыслами противу меня возстающихъ. Наконецъ ты говоришь, что я тебя предалъ. Я напрошивъ тебя обвиняю, какъ ты, всѣми способами меня изгоняя, едва по шеѣ не выполкалъ изъ дома. И вѣспло нѣжныхъ тканей, почтенная Бѣдность одѣла тебя въ ешо рубище! Меркурій свидѣшель, какъ умолялъ я Зевса дозволишь мнѣ не ходишь къ тебѣ; столь неприязненно меня изгнавшему.

МЕРКУРІЙ.

Но видишь ли ты, Плутусъ, какимъ онъ спалъ нынѣ? Поживъ съ нимъ долѣе — и ты къ нему привыкнешь. Рой, Тимонъ, свою землю. А ты, Плутусъ, вели явиться сокровищу изъ подъ заслуна; оно услышитъ твой голосъ.

Тимонъ.

Должно покориться, Меркурій, и снова разбогатѣть. Чего не препервишь смертный, когда Боги принуждаютъ? Но посмотри, куда ввергаешь ты меня несчастнаго? До сихъ поръ я провождалъ жизнь блаженную, и снова теперь приму сіе золото, а вмѣстѣ съ нимъ ужасныя заботы, право незаслуженныя.

МЕРКУРІЙ.

Терпи, Тимонъ, для меня, хоть оно и трудно и несносно; по крайней мѣрѣ, чтобы льстецы твои лопнули отъ зависти. А я чрезъ Египту полечу на небо.

~~~~~

ПЛУТУСЪ и ТИМОНЪ.

П л у т у с ъ .

Онъ улетѣлъ, какъ кажешся. Мнѣ слышался шумъ крыльевъ. Ты же останься здѣсь. Я уйду отъ тебя и пришлою къ тебѣ Сокровище. Ударяй болѣе землю. А ты, Сокровище златое, покорись сему Тимону и позволь ему взятьъ тебя. Рой же, Тимонъ, доспигай глубины — я удалюсь.

ТИМОНЪ, *одинъ*.

Дѣйснвуй, о заступъ, да укрѣпншься ты, да не ушрудишься, вырываетъ наружу изъ нѣдръ земли Сокровище! О Зевесъ чудотворный, вы благосклонные Кориванпы, ты — Ермій щедролюбивый откуда мнѣ столько золота! Не сонъ ли это? Не схватилъ бы мнѣ по пробужденіи горящихъ угольевъ? Но нѣтъ — это золото клейменое, красноватое, полноцѣсное и на видъ прелестнѣйшее!

О алато, даръ прекрасный смершнымъ! (11)

---

(11) Стихъ изъ Пиндара.

Подобно огню пламенеющему, ты бли-
спашь и ночью и днемъ. Приди, о милое,
возлюбленное Сокровище! Нынѣ я только
увѣрился, что Юпитеръ нѣкогда превра-
тился въ золото. Какая дѣвица не приняла
бы на открытыя перси споль прекраснаго
любownika, люющагося чрезъ кровлю? О Ми-
дась, о Крезъ — вы, священныя сокровища
Дельфовъ, сколь вы ничтожны предъ Ти-
мономъ, предъ богатствомъ Тимона, съ ко-
торымъ не сравнится и Царь Персiя! О
заслупъ, ты — любезное рубище! Теперь
всего лучше посвящивъ васъ Богу Пану. (12)
Самъ же я куплю всю ешу пущыню, по-
спрою надъ сокровищемъ башню, буду
спокойно въ ней жить одинъ и здѣсь по
смерти думаю найши себѣ и гробъ сажый.
Мною рѣшено, утверждено закономъ на
осташокъ жизни удалиться отъ всѣхъ, не
знать никого и всѣхъ презирать. Другъ,
знакомый, поварищъ, олтарь соспрананiя—
все ешо одни пѣсни. Упѣшашъ плачущаго,
пещись о немущемъ, — беззаконiе, нару-
шенiе обычаевъ. Жизнь моя да будетъ
уединенна, какъ жизнь люныхъ звѣрей и

---

(12) По перемѣнѣ рода жизни древнiе имѣли обы-
чай приносить жертвы Богамъ защитникамъ

единный другъ мой — Тимонъ! Всѣ прочіе — враги, злоумышленники. Бесѣда съ ними — язва. Когда увижу одного изъ нихъ — пошь день несчастнѣйшій. Они ни чѣмъ для меня не оплчны — опъ мраморныхъ или иѣдныхъ спашуй. Не примемъ опъ нихъ ни вѣспника, не заключимъ съ ними договора. Пустыни и горы да будутъ отдѣлять насъ. Трибы, Куріи, сограждане и самое опечесство — все лишь холодныя, безпольныя названія — одно щеславіе людей безумныхъ. Да разбогатѣетъ единный Тимонъ, да презришь опъ всѣхъ, да наслаждается жизнью одинъ самъ съ собою, устранный опъ лести и похвалъ несперимыхъ! Да онъ одинъ приносишь жершвы Богамъ, самъ себѣ к сосѣдъ и ближній! На всегда полагаю любить одного себя и если придетъ кончина, самому себѣ возложить на главу вѣнецъ смерти (15). Мизантропъ — да будетъ моимъ именемъ сладостнѣйшимъ, а признаки моего нрава — суровость, жестокость, грубость, гнѣвъ, безчеловѣчіе. Увидѣвши кого нибудь старающаго въ огнѣ и молящаго о помощи — пушитъ смолою

---

(15) На мертвыхъ обыкновенно полагали вѣнцы при похоронахъ.

и масломъ. Если бы кого несъ мимо меня дождевый пошокъ и погибающій, проспирая руку, молилъ о спасеніи — ударить его въ голову, чтобъ онъ погрузился и не могъ уже выплыть. Такъ да воспріимуть они достойное. Предложилъ сей законъ Тимонъ, сынъ Ехекратовъ, Колиппшейскій, утвердилъ его въ совѣщаніи съ самимъ собою самъ же Тимонъ. Быть по сему, мы опредѣлили и твердо сему послѣдуемъ. — Но впрочемъ я весьма бы желалъ, чтобъ всѣ узнали мое внезапное обогащеніе,—для нихъ епо бѣ было тяжелѣе висьлицы. Но что такое? Откуда еша быспроша? Ониовсюду сбѣгаются запыленные, запыхавшіеся, ну почно у нихъ чухше на золото! Что дѣлать? или взошедши на епошь холмъ, бросая въ нихъ сверху камни, прогнашь ихъ? Или хоть одинъ разъ нарушимъ законъ и начашъ съ ними разговоры, чтобъ удобнѣе нанесшь удары презрѣннымъ? Епо, я думаю, лучше. И шакъ примемъ ихъ — они уже близко. Посмотримъ, кто изъ нихъ первый? — Гнагонидъ! — епошь льспець, который вчера мнѣ, просящему милоспыню, просянуль веревку, а у меня выпивалъ цѣлая бочки, Хорошо онъ сдѣлалъ, что пришелъ. Онъ прежде всѣхъ у меня зарыдаешъ.

ТИМОНЪ и ГНАЕОНИДЪ.

Гнаеонидъ.

Не говорилъ ли я, что Боги не оставяшь Тимона, мужа доблеспнаго? Привѣцствую тебя, о Тимонъ благоразумный, кропкій и веселый собесѣдникъ!

Тимонъ.

Здравствуй, Гнаеонидъ, ненасмнѣйшій изъ врановъ, преспуниѣйшій изъ смерпныхъ!

Гнаеонидъ.

Ты все по прежнему шупишь. Но гдѣ же яспва? Я тебѣ принесъ новую пѣсенку изъ новосочиненныхъ диэирамбовъ.

Тимонъ.

Ты споешь мнѣ что нибудь въ родѣ Елегіи, весьма чувспвишельное—вопъ подѣ ешимъ заспуномъ.

Гнаеонидъ.

Какъ! ты бьешь меня Тимонъ? Геркулесъ—будь свидѣтелемъ! Ой, ой, ой! Я предаваю тебя въ Ареопагъ за епираны.

Тимонъ.

И если еще помедлишь уйми, можетъ
быть обвинишь меня въ смертоубійствѣ.

Гнаеонидъ.

О нѣшъ! но ты совершенно вылѣчишь
мои раны, если не много посыплешь на
нихъ золоща: ничто такъ не остано-
вляеть крови, какъ ешо лѣкарство.

Тимонъ.

Ты все еще медлишь.

Гнаеонидъ.

Нѣшъ — бѣгу. Добро тебѣ, коль ты
такъ измѣнился!

Тимонъ.

Кто ешо плѣшивый—высупнаеть шакъ
важно? Филіадъ, самый безстыдный изъ
всѣхъ льстецовъ. Я наградилъ его цѣлымъ
полемъ, дочери далъ приданого на два ша-
ланпа за похвалу, копорюю онъ одинъ, при
всеобщемъ молчаніи, перевозносилъ мой го-
лось, подшверждая клятвою, что онъ слад-
козвучнѣе лебединаго, а потомъ, когда я
больной, нуждаясь въ изцѣленіи, пришелъ

къ нему — епопъ честный челоуѣкъ оп-
благодариль меня палкой.

ТИМОНЪ и ФИЛІАДЪ.

Филіадъ.

О безспыдство! нынѣ только узнаете
вы Тимона? Нынѣ лишь Гнаеонидъ и другъ
и собесѣдникъ? Онъ справедливо поспра-
далъ за свою неблагодарность. Вошь мы
такъ издавна пріишли, ровесники, земляки;
но всегда учтиво обходимся, чтобъ не оби-
дѣть другъ друга. — Здравствуй, Государь
мой! Берегись сихъ ужасныхъ льстецовъ,
которыя всегда гошovy въ сполу, но впро-
чемъ ничѣмъ другимъ опъ врановъ не оп-
личаются. Нынѣ не надо никому вѣрять;
всѣ злы и неблагодарны. Я несъ было тебѣ
палантъ для твоихъ необходимостей; но
дорогою услыхалъ, что ты пріобрѣлъ не-
смѣнное богатство и поному пріишель
дать тебѣ сіи наспавленія. Но ты такъ
премудръ, что, можеть бышь, и не ну-
ждаешься въ словахъ моихъ: ты и самому
Неспору могъ бы давать совѣты.

Тимонъ.

Точно шакъ, Филиадъ; но подойди сюда, дай мнѣ наставитьъ тебѣ вопъ епимъ за спупомъ.

Филиадъ.

О люди! Епюшь неблагодарный разбила мнѣ черепъ за мои полезныя совѣты!

Тимонъ.

Но вопъ и претій — ето Ораторъ Димей съ опредѣленіемъ въ рукъ, кошорый упверждаентъ, что онъ мнѣ родственникъ. Я въ одинъ день оидалъ за него республикѣ 16 палантовъ, когда за недоимокъ онъ былъ осужденъ, заключенъ въ оковы; я, сжалившись, освободилъ его, а недавно, какъ пришлось ему дѣлать казну для зрѣлицъ прибуъ Еректійской и я попросилъ слѣдующей мнѣ части, онъ сказалъ, что не знаетъ, гражданинъ ли я?

ТИМОНЪ и ДИМЕЙ.

Д и м е й.

Привѣтствую тебя, Тимонъ, великое украшеніе народа, опора Афинянъ, защита Эллады! Давно уже народъ и оба совѣша собрались и тебя ожидаютъ. Но прежде выслушай опредѣленіе, которое я о тебѣ написалъ: „Поелику Тимонъ, сынъ Ехекратовъ, Колинпейскій, мужъ не только отличнѣйшій честностью и добродѣтелью, но и всѣхъ мудрѣйшій въ Элладѣ, всю жизнь свою многое совершалъ во славу республики, какъ то: въ одинъ день побѣдилъ на Олимпійскихъ играхъ и борьбою, и въ ристаніи на прекраснѣйшихъ колесницахъ....

Т и м о н ъ

Но я никогда не участвовалъ въ играхъ Олимпійскихъ.

Д и м е й.

Чтожь за бѣда? Когданибудь да будешь. Тутъ еще прибавлено многое кой-что гораздо лучше: „въ прошедшемъ году для блага гражданъ одержалъ побѣду около

Ахарны, испребивъ тысячу Пелопонисцовъ.“

Т и м о н ъ.

Какъ? Да меня и въ сликъ нѣтъ, я и не бралъ оружія.

Д и м е й.

Ты скромничаешь; но мы, забывъ это, были бы неблагодарны. „Предлагалъ многія благія мнѣнія и совѣты, мудро управлялъ войскомъ и чрезъ сіе не мало пользы принесъ республикѣ: опредѣлено совѣтомъ, народомъ, въ судѣ Еліейскомъ (14) по прикамъ, каждымъ народомъ Аштики въ особености и всеми вообще — возлѣ Милервы въ градской крѣпости соорудить золотую спатую Тимона съ перунами въ правой рукѣ и лучами во кругъ головы, увѣнчать его семью золотыми вѣнцами и обнародовать вѣнцы нѣтъ на новыхъ праздникахъ Діонисійскихъ, которые для Тимона непременно учредить должно. Сказалъ сіе мнѣніе Ораторъ Ди-

---

(14) Судъ Еліейскій значнѣйшій судъ у Афинянъ, въ кошоромъ разбирались дѣла народныя; онъ сосправленъ былъ изъ тысячи человекъ.

ней, ближайшій его родственникъ и ученикъ; ибо Тимоны превосходень въ искусствѣ ораторскомъ, какъ и во всемъ, гдѣ пожелаешь.“ — Вошь какое шебѣ опредѣленіе! Я хотѣлъ было привести къ шебѣ и сына, котораго въ честь своего имени назвалъ Тимономъ.

Т и м о н ь.

Какъ, Димей? Да ты никогда не былъ женатъ, что и я знаю.

Д и м е й.

Но я женюсь, Богъ дастъ, будущимъ годомъ, нарожу дѣпей и моего первенца (ужь вѣрно будетъ сынокъ) нареку въ честь твою Тимономъ.

Т и м о н ь.

Не знаю, женишься ли ты, послѣ такихъ ударовъ?

Д и м е й.

Ой, ой, ой! Какъ — Тимоны? ты принялся за насилія? ты смѣешь бить людей свободныхъ, чисто свободныхъ, тогда какъ самъ не гражданинъ? Но скоро ты за все

строга будешь наказанъ и за то, что поджегъ крѣпость Аѣицкую.

Тимонъ.

Но злодѣй, вѣдь крѣпость не зажжена — ты явно клеветишь.

Димей.

Но ты разбогатѣлъ, ты подрылъ казнонилице.

Тимонъ.

И оно не подрыто — опять еще ложь.

Димей.

Когда нибудь да будетъ — ужь ты все взял, что въ немъ было.

Тимонъ.

Такъ вопь шебѣ въ другой разъ.

Димей.

Ой, ой моя спинушка!

Тимонъ.

Не кричи — еще будетъ и претій. Смѣшно бы было, если бь я, безъ оружія

поразивши тысячу Лакедемонянъ , не сладилъ съ подобнымъ себѣ человѣчкомъ. Напрасно бы тогда были мои побѣды на играхъ Олимпійскихъ. Но епо кто? Не Философъ ли Эрасиклей? Такъ онъ самый. Развѣсилъ свою бороду , поднялъ брови , ворчишь что-то про себя , идетъ , бросая на все суровые взгляды Титана , закрывъ волосами чело свое , какъ будто самъ Борей , или Трипонъ , что на картинахъ Зевксисовыхъ. Воишь онъ — одѣлъ просто , походкой скромень , въ одеждѣ благоразумень , упрямъ много говоришь о добродѣтели , обвиняя любящихъ наслажденія шѣлесныя , восхваляя умѣренность , но послѣ какъ умывши руки (15) сядешь за ужинъ и мальчикъ подастъ ему огромную чашу (онъ охопникъ до вина чистаго), тогда-то , какъ будто упившись водою Лены , совершенно пропивное показываетъ упренимъ своимъ наставленіямъ , какъ коршунъ хвапаетъ куски , толкаетъ сосѣда , всю бороду вымаравъ яспвами , ѣстъ за проихъ , гнется , какъ будто думая въ блюдахъ кушанья найши добродѣтель и чисто выши

---

(150) бычай древнихъ передъ столомъ.

раешъ пальцемъ опроснанныя чаши, чтобы ни крошки въ нихъ не оспалось. Онъ всегда пребуешъ для себя одного или цѣлый пирогъ, или окорокъ и потомъ—обыкновенное слѣдствіе алчности и невоздержанія, забавляется не пѣснями и плясками, но злословіемъ и гнѣвомъ. Тупь-по за чашею вина пойдушь рѣчи о воздержаніи и благоприспособности; онъ разсуждаетъ, надая ошъ безсилія и лепечешъ смѣшнымъ образомъ. Наконецъ выносяшъ его изъ-за стола полу-соннаго. Но презвый, онъ никому не успу-пишъ ни въ обманѣ, ни въ дерзости, ни въ сребролюбіи. Онъ — первый льстецъ, за божбою дѣло не станешъ; ложь и безстыдство имъ управляютъ. Впрочемъ онъ пре-жудръ и ученъ. Ешотъ добрый человекъ у меня зарыдаешъ. Ба, ба, ба! сколько лѣшъ, сколько зимъ не видались мы, Орасиклей, съ побою?

О Р А С И К Л Е Й.

Не съ шѣмъ я пришелъ къ тебѣ, Ти-монъ, какъ шѣ, которые, изумившись дво-ему богатству сбѣжались, окриленные надеждою серебра, злата и пировъ обильныхъ; чтобы польстившъ человекъ, подобно тебѣ просному и щедролубивому. Ты знаешъ —

на ужинъ съ меня довольно хлѣба, лучшее мое кушанье — травы, а приправа—горсть соли, питье — въ источникѣ, ешо рубище лучше всякой порфиры; золото же я почишаю не драгоценнѣе рѣчныхъ камней. Для себя одного пришелъ я, боясь, чшобъ не развратился ты богашствомъ, симъ гибельнымъ, коварнымъ достоянiемъ, которое многимъ часто причиняло неизцѣлимья бѣдствiя. Послушай меня, брось его въ море, оно не нужно для человека добраго, могущаго созерцать сокровища любобудiя. Ты не бросай его въ глубину, другъ мой! но вошедши въ воду по колѣна, брось его не подалеку отъ берега — лишъ бы я одинъ видѣлъ. Если жъ не хочешь, то еще лучше вынеси его скорѣе изъ дома, не оставь ни овола, раздай все бѣднымъ, кому пять драхмъ, другому мнась, претьему — полпаланна (16). Не забудь полько, что Философъ достоинъ двойнаго или

---

(16) Оволь—шестая часть драхмы — 15 копѣекъ. Драхма — всила 64 грана, 90 копѣекъ.

Мнась — сто драхмъ Ашшическихъ — 90 рублей.

Талантъ — 750 и 1000 рублей.

пройнаго подарка. А мнѣ, я не о себѣ прошу, но чпобѣ помочь бѣднымъ друзьямъ моимъ, съ меня довольно будетъ, если насыпешь епу сумочку, въ которую едва ли взойдетъ и два медимна Египейскихъ (17). Мудрецъ долженъ быть умѣренъ и не замыслишь ничего сверхъ сумы своей.

Тимонъ.

Это хорошо — Эрасиклей. Но прежде нежели наполню тебѣ мѣшокъ, дай мнѣ наполнишь пивою голову полчвами, съ прибавкою епаго засшупа.

Эрасиклей.

О народо-правленіе! о законы! Пресшупникъ насъ смѣетъ бищѣ въ свободной республикѣ.

Тимонъ.

Ты жалуешься, добрый Эрасиклей? Или я обмѣрилъ тебя? Пожалуй я еще сверхъ мѣры прибавлю чешыре хиника (18). Но

---

(17) Медимнъ — мѣра Греческая для швердыхъ шоваровъ.

(18) Хиникъ — мѣра хлѣбная.

что емо? Какое множество ихъ сходится! Влещій, Лахесь, Грифонъ — цѣлое полчище, но они у меня заспенаюшъ. Не лучше ли взошедши на эту скалу, дать отдыхъ заступу, а самому, набравши множество камней, сыпать на нихъ градомъ?

В л е щ і й.

Не бросай, Тимонь! мы уйдемъ.

Т и м о н ь.

Но не безъ крови, не безъ ранъ!....

С. Шеверевъ.

XII.

О Ч К И.

(Е л е г и я).

Не удивись, что я, съ хорошими глазами,
 На помощь къ нимъ искусство пригласилъ;
 И зрѣнью моему, стѣсненному очками,
 Стеклянные границы положилъ.
 Я молодъ.... но давно на лбу моемъ морщины,
 Печаль и думы и шрудовъ;
 Я въ опытѣ узрѣлъ души моей стѣины
 И скорбь дополнила число моихъ годовъ.

* * *

О! было время золотое,
 Когда въ очкахъ волшебницы мечпы
 Я мѣръ прекраснѣй зрѣлъ — и сердце молодое,
 Надеждой полное, не знало пустошы.
 Какъ огонь, таинственный повѣренный Природы,
 Питаясь на землѣ, стремился къ небесамъ,
 Равно душа моя, предупреждая годы,
 Ошъ сущности земной небеснаго къ мечтамъ,
 Стремилась.... Ею все въ шворенъи оживлялось:
 Надеждой будущность была озарена,
 Жизнь настоящая веселью отдаана

И другомъ искреннимъ минувшее казалось....

Но сладкой сонъ не продолжился;
 Сперва я съ дружбою оставленъ былъ вдвоемъ;
 А тамъ и съ ней проспился.
 И жизнь предстала мнѣ угрюмымъ цвѣтникомъ,
 Гдѣ время розы убиваешь,
 Гдѣ время тернія растишь,
 Гдѣ свѣжій миртъ любви весною лишь блеститъ,
 И смерть гдѣ, можетъ быть, лавръ поздній на-
 саждаешь.

Теперь все тошъ же мръ, но я уже не тошъ.
 Предъ опыномъ мечты, надежды замолчали;
 Очарованья вѣтъ — и хладный грузъ печали
 Мой духъ проснувшійся гнѣтеть.
 Въ толпѣ приятелей ищу напрасно друга;
 Ищу, кому бы могъ свой пламень передатьъ,
 Съ кѣмъ могъ бы за одно я мыслишь, ощущаешь....
 У всѣхъ на языкѣ услуга,
 У всѣхъ на сердцѣ зла печать.
 Среди молодыхъ красота напрасно пращу младость,
 Ищу напрасно шой, съ кѣмъ могъ бы раздѣлитьъ
 Надежды, скорби, радость,
 Кѣмъ могъ бы сердца я пустыню заселить.
 Вопище!... И часто длань холодную сжимая,
 Которую обрядъ, не дружба подаешь;
 Иль взоры на тебя, Алина, устремляя,
 Вдыхаю и печаль къ очкамъ моимъ зовешь :
 „О спска вѣрныхъ, скажите ,

„Что дружбы и любви земля не лишена;
 „Что дружба искренна и что любовь вѣрна
 „И прежнюю мечтой хоть мало мнѣ польстите.“

* * *

Но если въ жизни сей могу быть счастливъ я;
 Когда Алины взоръ мнѣ къ счастью путь укажешь
 И грудь любовію взволнуется твоя;
 Когда сильнѣй всѣхъ словъ твое молчанье скажешь,
 Что я побой любимъ; когда твоей нѣжный гласъ,
 Приятный, какъ весны лучшее дыханье,
 Произнесетъ стыдливое признанье;

Тогда, клянусь, въ топъ самый часъ,
 Чтобъ быть счастливѣе, познавъ блаженства цѣну,
 Чтобъ видѣть, жить, дышать для милой и любви,
 Я снова прогляну — и вмигъ украсятъ спѣну
 Очки разбитыя мои.

~~~~~

XIII.

ЛИВОНІЯ.

(Посвящ. Е. Б. Я.)

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
 Ты не блеснешь подъ знаменемъ Креста;
 Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Горбаха,
 Ливоніи прекрасной красота!
 Проглянула пора твоихъ завоеваній,
 Когда въ огняхъ превоги боевой,
 Вожди побѣдъ, смирители Казани,
 Смирлялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
 Не все, не все у славы опияла:
 И черныя дѣла опустошенья,
 И доблести возвышенной дѣла....
 Онѣ живутъ для Музы пѣснопѣнья
 Для гордости Поэтова чела!

Рукою лѣтъ разбиныя громады,
 Гдѣ бранная воспитывалась честь,
 Гдѣ торжество невѣдало пощады

И грозную разгорячало месья —
 Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
 Глядишь на вашъ краснорѣчивый прахъ —
 И нѣтъ въ груди волненія живаго,
 И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ!

* * *

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
 Въ душѣ его такая ль тишина,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
 Является святая старина!
 Исполненный таинственной отрады,
 Онъ крикъ въ мечтахъ минувшіе вѣка —
 Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды
 И падаетъ къ струнамъ его рука!

Н. Языковъ.

XIV.

И Б С Н Я.

Живу мой другъ тобой всечасно ,
 Ты правишь бытиемъ моимъ
 И съ сердцемъ говорю согласно :
 Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Въ глазахъ моихъ все украшаешь
 Мой другъ! присутствіемъ своимъ ,
 И каждый мигъ напоминаешь ,
 Что я живу тобой однимъ.

* * *

Пусть бурею природа шмихся,
 Все взоромъ прояснишь своимъ,
 И въ сердцѣ снова повторишься:
 Живу мой другъ тобой тобой однимъ.

* * *

Съ тобой въ печальномъ разлученіи,
 Живлюся образомъ твоимъ
 И въ сердцѣ слышу изреченье :
 Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Все быстро время увлекаетъ,
Но другомъ я живу моимъ
Любовь и время побѣждаетъ,
Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Настанетъ часъ разлуки вѣчной,
Въ гробъ съ именемъ сойду твоимъ
Услышишь гласъ любви сердечной:
Жила, мой другъ тобой однимъ.

XV.

СЕКТА ИДЕАЛИСТИКО-ЭЛЕАТИЧЕСКАЯ.

(Отрывокъ изъ Словаря Исторіи Философіи).

(Съ сожалѣніемъ должно признаться, что мы Рускіе еще не богаты Философическими сочиненіями. Правда мы богаты курсами Словесности, Учебниками, ками, крапками и проспранными Рипориками и Шипиками, Физическими и Химическими книгами, — но въ нихъ Философія почтена вещью поспороннею, излишнею. Нѣтъ ни одного уже не говорю полного курса Философіи, нѣтъ даже ни одного Журнала, котораго хотя бы нѣсколько страницъ были посвящены Философіи, — которой бы знакомилъ насъ съ усиліями Геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути къ сей основѣ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣеть никакого существеннаго значенія, почто

таже, какъ всякое тѣло безцвѣтно когда не подвержено дѣйствию свѣта. Я уже имѣлъ случай упоминать о снахъ, совершенно новыхъ и прекрасныхъ по части современнаго Любомудрiя, помѣщенныхъ въ Вѣстникъ Европы 1822 г. (*).

Но, упомилась рука, метавшая бисеръ — и шею нашу Журналы по прежнему наполняются спѣсками — о радости и радости — нелѣпыми полкованiями о бесполезности Философiи, и ш. п. Но скажуль мнѣ, что Журналистамъ надобно сообразоваться съ духомъ Публики — согласенъ, но не лѣзя ли съ одной стороны сообразуясь съ однимъ съ другой спаранься привлекать читателей хотя мало по малу къ занятiямъ болѣе возвышеннымъ. — Мы живемъ въ XIX столѣтiи !

Не говорю уже о высшей необходимости истинной Философiи; этой необходимости не исполкуешь глухонѣмымъ; но если бы кто захошѣлъ внимательнѣе посмодрѣнь на отношенiя, связующiя явленiя съ ихъ на-

---

(*) Не считаю нужнымъ оправдываться въ томъ, что не я Авторъ сихъ статей. Онѣ написаны человекомъ, который не поидеть въ соспѣзательство съ Г. Булгарикымъ. С о з.
Мнемозима. Часть IV. 11

чалами: то нашель бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусствахъ и наукахъ — только подражатели есть презрѣніе къ Любомудрїю. Ибо возьмемъ для примѣра частный случай: гдѣ у насъ для художника нишь Аріаднина въ лабиринтѣ искусства онь стремился сотворить что-либо новое, оригинальное, а ему во всѣхъ нашихъ весьма не философическихъ Естетикахъ твердятъ, что образованіе художника должно состоять въ изученіи образцовъ (*pos grands maitres*, какъ говорятъ поклонники Лагарповъ и Болѣшевѣвъ) и къ етому присовокупляють опъ время Аристотеля до сихъ поръ еще повторяемое, но еще непонятое неопредѣленное какое-то подражаніе природѣ. Вовлеченный въ заблужденіе условными правилами, пораженный произведеніемъ какого-либо Генія; художникъ забываетъ о собственной дѣятельности и вмѣсто того, чтобы быть соперникомъ сего Генія становится подражателемъ. По неволѣ художникъ оспанавливается на окружности, когда вмѣсть ему проводника къ средоточію, изъ коего всѣ явленія представлялись бы ему въ гармонической, живой цѣлости.

Ешго мало ; не только бояшя говорить о Философїи, но даже, какъ замѣчено прежде меня, до сихъ поръ нѣкопорые почитаютъ сію науку не только бесполезною, но даже вредною ; до сихъ поръ Философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ Французскаго говоруна 18 вѣка (*); много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинною, небесною Философіею — и Философіею Вольперовъ и Гельвеціевъ? а до сихъ поръ найдутся люди, гошковые еще сказать съ Сумароковымъ :

Во мудрованїи не прашь напрасно словъ,
Кѣль хочешь въ Небѣ быть, не буди Философъ.

Но Сумароковъ имѣлъ право сказать это въ свое время !

Да не почтутъ сіи мысли написанными для того, чпобъ возвыситъ въ глазахъ читателей цѣну сочиненїя, которое я имъ на судъ предославляю. Хотя всякій

(*) По сему-то мы для отличїя и называемъ истинныхъ Философовъ — *Любомудрами*. С.

трудъ по сей часпи заслуживаетъ уваженіе, уже по своему безкорыстію, ибо часпи одна Дюль-Кинцопова слава ожидаетъ рыцарей, осмѣливающихся возвыгати свѣпильникъ Философіи и возспавали съ бнымъ противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и слабоумія; но и Философическое сочиненіе можетъ быть дурно, какъ всякое другое, — и поспому не заслуживати вниманія.

Желал сколько въ моихъ силахъ; распостранити свѣдѣнія въ наспоющемъ смыслѣ полезныя, я уже около двухъ лѣтъ тружуся, хотя и непоспоянно, надъ составленіемъ *Словаря Исторіи Философіи*. Почпшаю нужнымъ сказать, что въ немъ, сошвѣпспвенно его названію чпшатели не должны искасти описанія частпной жизни Философовъ, какъ-то обыкновенно въ Словаряхъ бываетъ; такія подробности, драгоценныя для Поета, ничпожны въ глазахъ Любомудра; въ Словарѣ мною составляемомъ будущи исключительно помѣщены одни изложенія самихъ Системъ; ему будетъ предшествовати обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ ученій и вліаніе каждаго изъ оныхъ на всеобщее совершенспвованіе чловѣчества; къ сему-то обзору Словарь

и будешь принадлежать какъ бы для по-
вѣрки. Зная, что одно изъ главнѣйшихъ
достоинствъ всякаго историческаго сочи-
ненія есть достоверность, я вездѣ гдѣ
только могъ сослался на самые источники,
а за недоспадкою оныхъ на людей, уже
заслужившихъ довѣренность ученаго свѣта,
каковы: Бруккеръ, Буле, Теннеманъ, Шпекъ,
Дежерандо, Шшуманъ и проч. (*). По
прилагаемому здѣсь пустьъ мыслящія рѣ-
шанія — османишь ли мнѣ свой трудъ,
или продолжать его съ новымъ рвеніемъ;
въ послѣднемъ случаѣ приглашаю всѣхъ за-
нимающихся Философическими науками спо-
собствовать мнѣ къ скорѣйшему изданію
сего Словаря присылкою изложеній Си-
стемъ различныхъ Философовъ. Онѣ бу-
дутъ приняты съ благодарностію (**).

(*) Частный человекъ не можетъ имѣть всѣхъ древнихъ, весьма рѣдкихъ изданій; а у насъ въ Москвѣ къ сожалѣнію еще нѣтъ открытой Публичной Библиотекы, при теперешней дѣлательности умовъ, необходимо нужной. С.

(**) Разумѣется со всѣми Журнальными условіями, касательно не помѣщенія и проч. Для сего здѣсь собственно и помѣщается и отрывокъ изъ Словаря со всѣми принадлежно-

Здѣсь для образца предлагаю на судъ читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ моего Словаря. Я нарочно выбрала сославлявшихъ Секту Идеалистико - Елеатическую. Сія Секта на которую до сихъ поръ мало обращали вниманія (1) замѣчательна по многимъ отношеніямъ :

а) Въ ней первой явилася нѣсколько странная Система (2) и въ семъ отношеніи самый Анаксимандръ, почтимаемый чудомъ древняго міра, долженъ уступить Елеатикамъ; Анаксимандръ, который болѣе поражаетъ великостію своего Генія, смѣлыми идеями касательно міроустройства, какъ бы предчувствіемъ истины, нежели существовающею пользою, принесенною Любоудію въ его цѣлости.

спями дабы желающія участвовать въ ономъ, могли видѣть какую форму желаю я дать изложеніямъ Системъ. С.

- (1) Выключая Германскихъ Писателей. Особенно замѣчательны труды Фюллеборна по сей части. С.
- (2) Чрезвычайно любопытный обзоръ сего періода въ ходѣ ума человѣческаго находится у современнаго намъ мыслителя Штуцмана. (См. *Stuzmann's Philosophie der Geschichte der Menschheit* § 68). Также см. Дежерандо *Hist. comp. d. Syst. de Philos.* t. I. p. 448. С.

в). Секста Идеалистико-Елеватическая
 вмѣстѣ съ Пиаагоромъ была какъ бы пред-
 печеню возвышенныхъ мыслей самаго божес-
 ственнаго Платона, далѣе повпорила въ
 орднѣ Академіи (3), ирво медъ ииуда между
 такъ называемыми Александрійскими Нео-
 платониками (4) одущевила во мракѣ XVI

(3) Т. е. разумья здѣсь Аркезилай и Карне-
 ада. Въ семи случаѣ мы держимся раз-
 дѣленія Дежерандо (см. *Hist. comp. d. Syst.
 de Philos. t. 3. p. 106*). Теннеманъ (см.
Grundr. der Geschichte der Philos.) также
 не смѣшиваетъ ихъ съ Академіею Филона
 и Антіоха; ибо, сіи два послѣдніе Секста-
 пера, явственнѣе отдѣляются отъ пер-
 выхъ, Антіохъ не узнавалъ Платона въ
 сочиненіяхъ Филоновыхъ, а самъ по сви-
 дѣтельству Цицерона былъ болѣе Спони-
 кь, нежели Академикъ (*Cicer. Quaest.
 Acad. II. c. 4. 6. 22*); тогда какъ Аркези-
 лай, по свидѣтельству Секста Эмпи-
 рика, держался совершенно ученія Пла-
 тонова; и если казался Скептикомъ; то
 это была только личина, съ помощію
 которой онъ испытывалъ своихъ уче-
 никовъ. По сему-то многіе находили
 большое сходство между Аркезилаемъ и
 Сократомъ; приведенное Секстомъ, Эм-
 пирикомъ общіящественно еще болѣе
 подтверждаетъ сіе мнѣніе; ибо сомнѣніе
 Аркезилаево не означаетъ ли незнанію
 Сократову? С.

(4) Т. е. разумья здѣсь Пломнина, или Ну-
 менія. Извѣстны споры ученыхъ о

стольнія необыкновенное явление → Джорданъ Бруно, (5) породила великаго духомъ

5.4.

плоть, кому изъ нихъ двухъ (Плотина и Нуменіи) принадлежишь чести созданія Неоплатонизма. Сюда же должно причислишь и Аммонія, который по свидѣтельству Евсевія былъ учителемъ Плотина и которому первому вспало на мысль соединить ученіе Академіи съ ученіемъ Ашцев. Сюда же причисляются Порфирій, Ямблихій, Прокль и проч. С.

(5) Можно довольно хорошо понятие получить о сей мысли, прочитавши въ Бруккере *Inst. Hist. Philos. Per. tert. p. II, c. 1, T. Cap. II §§ I, III, IV, V et VI.* — Бруно въ жизнь свою подвергнулся обидѣй участи мужей великихъ: современники не могли оцѣнить его, они его не понимали. Фрегерій въ своемъ огромномъ Словарѣ: *Theatrum virorum eruditione clarorum*, напечатанномъ въ 1688, въ которомъ помѣщены всѣ возможные ученые отъ 1184 до 1680 года, большею частью совершенно не заслуживающіе вниманія, — Фрегерій совсѣмъ не упоминаетъ о Джорданѣ Бруно. Одна менависль Фрегерія къ Бруно какъ Католика не могла произвести такого пропуску. Вѣдь (см. *Dict. T. F. p. 672*) также нападаетъ на Бруно, по причинѣ, о которой мы упоминаемъ въ слѣдующемъ замѣчаніи. Стъ Беля — «писали во всѣхъ книгахъ мнѣніе о Бруно; но любопытно знать на чемъ основывается самъ Бель, въиз. говорившій: *On prétend, qu'il (Bruno) fat assés livres, ou il attaquaît les vérités de*

Спинозу, (6) наконецъ была основаніемъ
Теоріи многихъ новѣйшихъ Мыслителей, |

la foi... Jean Henri Ursin m'apprend cela...
il rapporte toutes ces choses sur la foi de
Scioppius qui en avait fait la relation dans
une certaine lettre. Le Sieur Nicodeme dit
qu'on ne sait pas certainement si tout ce que
Jean Henri Ursin debite est veritable,“ и
проч. (См. D. t. I. p. 672, 673 и Зам. В.)

Вопль основаніе всѣхъ ложныхъ толковъ
о Бруно — вѣрь послѣ епаго Испори-
камъ. Въ послѣдствіи лучше начали цѣ-
нить его: Картезіи обязанъ ему мно-
гими своими мыслями, хотя и не ска-
залъ епаго. С.

(6) Тѣ, которые до сихъ поръ оскверняютъ
высокое званіе Философа именами Воль-
перовъ и Гельвѣціевъ удивятся эпи-
тету, приданному мною Спинозѣ; но
для мыслящихъ сей эпитетъ не пока-
жется страннымъ. Люди, каковы Бель,
Вольперъ и имъ подобные, стремивші-
еся подрывать основаніе Христіанской
Религіи, встрѣчали важное прошиву-
дѣйствіе въ Системѣ Спинозы, совер-
шенно основанной на нравственности
Христіанской. Она одна изъ всѣхъ по-
гда бывшихъ Системъ могла рѣшить
вопросы, приводившіе въ недоумѣніе
другихъ Седшаторовъ, которые хотя
и видѣли заблужденія Деистовъ и Атеи-
стовъ; но сами не имѣя твердаго осно-
ванія не были въ состояніи рѣшитель-
но образитъ нападенія Софистовъ;
чтобы избавиться отъ такого препан-
ствія Софисмы рѣшились предсавить

далеко осипавившихъ за собою всѣ усилія прежде бывшихъ Любомудровъ.

Система Елеашиковъ не можетъ не заключать въ себѣ многихъ заблужденій,

Систему Спинозы совершенно въ превращенномъ видѣ и обвинилъ его въ своихъ собешвенныхъ преслупленіяхъ: Бель началъ на Спинозу съ длинными, запущанными Софизмами, Вольтеръ съ обыкновеннымъ своимъ орудіемъ — насмѣшкою. Не лзя равнодушно читать нелѣпости, которыя Бель вводитъ на глубокомысленнаго Любомудра; шрудно повѣрить въ наше время такому явному обману; но пусть сомнѣвающійся въ этомъ заглянетъ въ *Diction. Hist. et Critique* P. Bayle, edit. de 1720 t. 3. въ спашью о Спинозѣ, съ принадлежащими къ оной замѣчаніями, изъ коихъ опличительнѣйшіе по своей нелѣпости подъ буквами: A. K. L. и особенно N. и проч. — и потомъ сравнитъ сію спашью съ изданными въ 1803 году въ Енѣ швореніями Спинозы (*), коихъ полное заглавіе таково: *Benedicti de Spinoza Opera, quae supersunt omnia, iterum edenda curavit, praefationes, vitam auctoris, nec non notitias, quae ad historiam scriptorum pertinent, addidit Henr. Eberh. Gottlob Paulus.*

... Такова участь людей, опереживающихъ свой вѣкъ, возвышающихся надъ понятіями обыкновенными: во время жизни Спинозы — сдокойствие его было дару-

(*) Сіе изданіе весьма рѣдко, оно попалось мнѣ случайно.

какъ и всѣ системы, современные младенчеству рода человѣческаго. Но Историкъ-мыслитель съ любопытствомъ и восхищеніемъ взираетъ на усилія младенчествующаго ума человѣческаго, спрежняющагося къ открытію тайнъ возвышенныхъ. Одно Открытіе могло вознести до нихъ человѣка и показать ему путь истинный, чуждый заблужденія. *Naec est via recta et secunda, in ea errare non possumus.*

шаемо невѣждами-современниками, не понимавшими его; и до сихъ поръ тѣже люди, которые называютъ Вольтера Философомъ, чествятъ Спинозу гнуснымъ названіемъ Атеиста, тогда какъ сшюишь замкнувъ хотя въ письма, писанныя Спинозою къ разнымъ лицамъ (находящияся въ упомянутомъ изданіи) чтобы увѣрились въ противное. Но щепно побороишь усиліе духа; вращающа вѣки и потомки преклоняють колѣно предъ прахомъ мужа великаго, долго бывшаго въ презрѣніи; а срамъ ложился на могилу ничтожныхъ, прежде несправедливо прославленныхъ. С.

КСЕНОФАНЪ.

(Кор. ξένος — чужеземецъ; φαίνεω — казаться).

За 536 лѣтъ до Р. Х. около 61 Олимпіады (1).

Ксенофанъ, по мѣсту своего рожденія названный Колофонскимъ, естъ основатель Елеатической Секты, получившей сіе названіе отъ города Елея въ Греціи, гдѣ сія секта образовалась.

Основаніе сія Секта получила отъ Италійской; распалась на два отдѣла: на Секту Идеалистико-Елеатическую и Атомистико-Елеатическую, иначе на Елеатиковъ-Метафизиковъ и Елеатиковъ-Физиковъ (2).

Ксенофанъ первый изъ Философовъ показалъ свои умствованія умозрѣнію (3).

(1) Ето исчисленіе по Тейнману; оно почитается достовернѣйшимъ. С.

(2) О составлявшихъ сію послѣднюю Секту и о ея отличіи отъ Идеалистической будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. С.

(3) Замѣчательно въ отношеніи къ духу времени, что Ксенофанъ, подобно Пармениду, Емпедоклу, Фалесу и другимъ преподавалъ свое ученіе стихами (см. *Plut. de Orac. § XXXIV*). У древнихъ во время младенчества рода человѣческаго Философія произрасала на полѣ Поезій и была какъ бы чуждымъ, слу-

Пифагорейцы стремились разнообразіе предметовъ привести къ однимъ началамъ; Ксенофанъ пошелъ далѣе: онъ силлился самымъ сѣмъ начала вывести изъ безусловнаго единства: Его не удовлетворяли предположенныя его предшественниками: вѣчная, первоначальная спихія, и вѣчная, дѣйствующая сила; сѣмъ предположенія весьма многихъ явленій не объясняли; онъ не разрѣшали главнаго вопроса Ксенофанова о причинѣ образованія предметовъ.

„Что существуетъ, то вѣчно,“ (*) говорилъ онъ: „ибо ничто не происходитъ изъ ничего.“ (4)

„Если ничто изъ ничего не происходитъ: то вселенная, не могла бытъ

чайнымъ на немъ распѣиёмъ; нашъ вѣкъ, вѣкъ возмужалости; въ наше время Поезія есть кажется случайное распѣіе; оно произрастаетъ не свободно, не отъ внутренней дѣятельности, но отъ внѣшнихъ усилій. Не нашему ли вѣку дошлось въ удѣлъ преимущественно поприще Любомудрія?

(4) *Ἄιδιον εἶναι φησὶ εἴ τι ἐστίν, εἴπερ μὴ ἐνδέχεται γενέσθαι μηδὲν ἐκ μηδενός. Arist. de Xenophane. См. St. Gesch. der Phil.*

(*) Да не подумаютъ иные, будто бы мы принимаемъ мнѣнія Ксенофана и другихъ Елеатиковъ за истину; мы предлагаемъ ихъ, только какъ матерьялы для исторіи, какъ предметъ для разсужденій и опроверженій.

созворенною; ибо въ такомъ случаѣ она не существовала до своего рожденія, была ничто (5). Сверхъ того, „продолжалъ онъ“ если бы существо (или существа) могло быть созвореннымъ, то оно должно существовало бы произошли отъ основанія (*πρωτότυπον*) съ нимъ однороднаго, или разнороднаго. Въ первомъ случаѣ сіе основаніе повторило бы только самаго себя; второе же не возможно, ибо въ существѣ происшедшемъ отъ основанія съ нимъ разнороднаго, должно непременно находиться въчю такое, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, слѣдственно такое, которое не имѣетъ никакого основанія, что нелѣпо.

„Существо не созворенное, во предвѣчное престаить существовать не можетъ, ибо нѣтъ ничего внѣ его, чшобы

По изслѣдованіямъ Фюллеборна между ошривками Аристотеля, подъ названіемъ: *De Xenophane, Zenone et Gorgia* — первые два суть точное изложеніе Ксенофановой Слсшемы.

- (5) См. *Plut. de Plat. Philos. l. I. § IV.* „Ксенофанъ думалъ,“ говоритъ, „что вселенная вѣчна и неизмѣняема и не могла быть созворенною, не предвѣчною. Также см. *Eus. Praep. Evang. l. II. § VIII, Plut. § IV.*

могло положить ему предѣль; два существа предвѣчныя взаимно бы себя ограничили и существованіе бы пресцало. Сіе существо предвѣчное, единое должно быть неизмѣняемо; ибо оно естъ все и вмѣстѣ ничто: оно ни одного особеннаго свойства въ себѣ не заключаетъ, но все безъ исключенія въ себѣ содержитъ; не откуда приобрести ей новаго свойства.“ (6)

„Такимъ существомъ Ксенофанъ представлялъ себѣ Бога. „Ксенофанъ возарѣлъ на вселенную,“ говоритъ Аристотель „и называлъ единое — Богомъ.“ (7) Отсюда выводилъ онъ заключенія, коими поражалъ

(6) Dogmata Xenophanis ita exponit Aristoteles: (*Metaph. I. I. c. 5*) fieri non posse, ut ex nihilo quidpiam existat: aeternum itaque esse et semper fuisse, quidquid est; quod aeternum sit, esse infinitum, unum, ex omni parte sibi simile, immobile et immutabile; Deum esse hoc unum incorporeum, aeternum, cujus substantia globosa sit; nihil illud cum hominibus commune habere, totum videre, audire esse simul omnia, nec corpore, nec animo homini comparandum. *Bruck. H. Ph. p. 246 § IV.*

(7) *Εἰς τὸν οὐρανὸν ἀποβλέψας, τὸ ἓν εἶναι φησὶ τὸν θεόν. Arist. Metaph.*

защипникова полкееизма; или многобожия и даже смѣлся надъ ними (8).

„Какъ Богъ есть существо всесовершенное“ говорилъ Ксенофанъ „все въ себѣ заключающее и никакимъ особеннымъ свойствомъ неоплечимое,“ по онъ — *единобогъ*. Если допустить существованіе нѣсколькихъ Боговъ, по необходимо допустить должно и то, что они суть равны или неравны въ совершенствѣ; если они равны, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть существомъ совершеннымъ, быти *Все*; если они не равны, по менѣ совершеннѣйшій долженъ подпастъ подъ власть болѣе совершеннаго и слѣдственно преспати быти существомъ всесовершеннымъ.

---

(8) См. Плут. *о сусвѣрціи* § XXXIV, гдѣ онъ приводитъ слова Ксенофана Египтянина, которые принося жершвы Богамъ, поражали себя въ грудь и другіе знаки опчаянія показывали: „Если нѣ, кромѣ вы приносите жершвы — Боги (и слѣдственно милосердые и всевѣдуціе)“ говорилъ Ксенофанъ „по за чѣмъ вы ихъ упрашиваете; если они люди — за чѣмъ приносите имъ жершвы?“ Также у Плутарха сохранены стихи Ксенофана, въ которыхъ онъ говоритъ, что нѣтъ человека, который бы зналъ навѣрное, что такое боги и проч. (См. *о гтеніи Поетовъ* § VIII).

„Богъ“ продолжалъ Ксенофанъ будучи единымъ, вѣчнымъ, вѣспѣ и не конеченъ и небезконеченъ: не конеченъ ибо предѣла имѣшь не можешъ подобно шѣлу физическому; не безконеченъ,—ибо это есть свойство ничтожества, а Богъ не есть оное. Онъ не движимъ, ибо нѣшь споль великаго проспранства, гдѣ бы онъ могъ двигатъся; онъ движимъ, ибо дѣятельность есть свойство возможнаго совершенства. Онъ подобенъ — лишь самому себѣ; но какъ ничто не можешъ выразить существа единого, вездѣ самому себѣ подобнаго, кромѣ шара, какъ неподверженной чувствамъ почки изъ самой себя во всѣ направленія равно протягающейся, то приличіе всего изображеніе Божества представлять въ видѣ сферы.“ (9) Изъ сего можно заключить, что Ксенофанъ никакъ не почиталъ сферу за самое Божество, какъ нѣкоторые думали (10), но только за Символь онаго.

(9) См. Замѣчаніе 6 къ Ксеноф. и Зам. 1-е къ Парм.

(10) Какъ напр. Бель; (см. *Dict. Hist. Art. Xenophane* p. 2887. Зам. В.) находя сходство между Ксенофаномъ и Спинозою, котораго онъ старался не понимать, Бель не хотѣлъ понимать также и Ксенофана.

Ксенофана не устрашало разногласіе его положеній съ явленіями, подлежащими чувсвамъ. (11). Въ такомъ случаѣ онъ говорилъ, что чувсва насъ обманываютъ и что не должно довѣрять имъ, что въ чувственныхъ предметахъ мы не можемъ открыть истины, а только подозрѣвать оную. Такимъ образомъ въ отношеніи къ предметамъ чувственнымъ, онъ былъ Скептикомъ, тогда какъ рѣшиительно допускалъ справедливость тѣхъ познаній о вселенной, которыхъ мы чрезъ чувсва

Любопытно видѣть какъ переполковываетъ онъ слова Цицерона о Ксенофанѣ. (См. Тамъ стр. же 2886 и *Cicer. de Nat. Deor. p. I*). Здѣсь не лзя довольно распространиться о семъ предметѣ, въ своемъ мѣстѣ будетъ о немъ упомянуто.

- (11) Понятія его о явленіяхъ въ Природѣ чрезвычайно сбивчивы и смѣшанны. Онъ никакъ не соглашается съ его умозрѣніями; это объясняется тѣмъ, что Ксенофанъ совершенно опдѣлялъ познаніе міра духовнаго отъ познанія міра вещественнаго. Изложенія сихъ понятій относятся къ Исторіи Физики и потому не входятъ въ составъ нашего Словаря. Сверхъ того, о нихъ молкуется во всѣхъ Словаряхъ. Мы старались знакомить нашихъ читателей съ предметами болѣе важными и неизвѣстными.

приобрѣсти не можемъ: каковы понятія о вѣчности, единствѣ, безконечности, полнотѣ—ибо ихъ нѣтъ въ чувственныхъ предметахъ. Не здѣсь ли мелькаютъ искры идей Платоновыхъ? (12).

---

(12) Въ Федонѣ, Платонъ заставляетъ Сократа спрашивать у Симмія: какими внѣшнимъ чувствомъ онъ можетъ постигнуть или осязать не только праведное, доброе, прекрасное, но даже величину, здравіе, силу, однимъ словомъ—сущность вещей? — *Ἄλλ' ἄλλη τινὲ αἰσθῆσει τῶν διὰ τοῦ σώματος ἐφήρω αὐτῶν; λέγω δὲ περὶ πάντων, οἷον μεγέθους πέρι, ὑγείας, ἰσχύος, καὶ τῶν ἄλλων ἐνὶ λόγῳ ἀπάντων τῆς οὐσίας et caet. Plat. Phaedr. in Bibl. Class. Script. Pros. Graecor. t. XXVI p. 87.*

ПАРМЕНИДЪ.

(Кор. *παράμειναι* — ожидань).

За 504 лѣтъ до Р. Х. — около 61 и 80 Олимпіады (1).

Елеатикъ-Метафизикъ, послѣдователь Ксенофана Колофонскаго.

Ксенофанъ говорилъ, что чувства обманываютъ; Парменидъ еще болѣе развилъ сію мысль: (2) онъ утверждалъ, что посредствомъ ихъ не лзя открыть никакой истины; вмѣстѣ спремился согласить чувственныя представленія съ умозрѣніемъ; пошому главнымъ его вопросомъ было — различіе познаній умозрительныхъ съ опышными.

„Опышность показываетъ“ говорилъ Парменидъ „что чувства насъ обманыва-

(1) По Бруккеру — около 69 Олимпіады.

(2) Парменидъ, подобно Ксенофану и другимъ излагалъ ученіе свое стихами. (*Pl. de Or. § XXXIV*). Въ началѣ своей Поемы, сохраненной Секспомъ Емпирикомъ (*Adv. Log. VII*), Парменидъ говоритъ; что не должно вѣряться чувствамъ, зрѣнію, или слуху; что опвергши лишь слухъ пупеводителей и положась на одинъ умъ, можно достигнуть истины. *Деж. Hist. Phil.*

юпъ; и если даже допустимъ, что онъ насъ и не обманываютъ, то нельзя отрицать, что онъ знакомятъ насъ съ одними признаками, особностями предмета, а не съ его сущностию; епо дѣло духа (3).“

„Умъ увѣряетъ насъ въ томъ, что *существоющее существуетъ* и что *ничтоже-ство, или несуществованіе* не возможно (4).

„Ничто не происходитъ изъ ничего. Люди, введенные въ заблужденіе чувствами, смѣшиваютъ существованіе съ ничтоже-ствомъ; но есть одна вѣрная дорога къ истинѣ: она имѣетъ цѣлю — сущность предметою. То что не имѣло начала, не имѣетъ и конца. Оно все, оно едино, неподвижно, безконечно (5). Ибо откуда

(3) Buhle's Lehrbuch der Geschichte der Philosophie I B.

(4) Парм. "Επὶ, ex collect. Füllebr. V. 59.

(5) Замѣчательны слова Платоновы о Мелиссѣ и Парменидѣ, влагаемыя въ уста Сократу (*Plat. Theaet. in Biblioth. Class. Script. Pros. Graec. t. XXXI p. 236*): послѣ разговора о толкованіяхъ Ираклитовыхъ, послѣдователей касательно покоя и движенія, Сократъ говоритъ: „я совсѣмъ было позабылъ, Θεόδωρ, о другихъ, проповѣдающихъ утверждавшихъ.... Такъ же и о говорившемъ Мелиссомъ и Пар-

произойти ему? Изъ ничтожества? — Невозможно; не лзя постигнуть ничтожества, или несуществованія. Какая сила могла извлечь что-либо изъ ничтожества, (6) и именно въ опредѣленное время, ни раньше, ни позже? — Нѣтъ! *Сущность вещей безначальна и безконечна.*

„Между тѣмъ, чувства показываютъ, что все въ Природѣ преходитъ: является и исчезаетъ непрерывно; (7) если сіе справедливо, то нѣчто происходитъ изъ ничего и вышеприведенное положеніе ума ложно; если же сіе несправедливо — то

менидомъ о томъ, что все едино, поспоянно, само собою условлено (*αὐτὸ ἐν αὐτῷ*) и что нѣтъ происранства гдѣ бы оно могло двигаться.“ Согласно съ симъ говоритъ и Евсевій (*Præp. Evang. I. II. c. VIII. § V*): „Парменидъ утверждалъ, что вселенная, вѣчна и недвижима; едина и не произошла отъ чего-либо; ибо продолженіе есть мнѣніе ложное, что чувства не могутъ довести до истины; что существующее въ существованія не существуетъ въ самомъ дѣлѣ и проч.“ См. также Платонова *Парменида*.

(6) *Парм.* "Επη. Ex coll. Fül.

(7) *Buhle's Lehrbuch. d. Gesch. d. Phil. I 6.*

или иѣшь истиннаго сущесствованія, или видимыя измѣненія сущь обманы чувствъ, измѣненія, основанныя на какомъ-то сущесствованіи, но которое можно постигнуть однимъ умозрѣніемъ. (8) *Сущность вещей постигается однимъ умозрѣніемъ,—не лзя осязать ее. Въ семъ смыслѣ — всякій предметъ въ Природѣ есть мысль.*“

Такимъ образомъ изъ сихъ сбивчивыхъ понятій можно заключить то, что Парменидъ отдѣлялъ Философію умственную, или умозришельную Философію Истины, отъ Философіи чувственной, или какъ называлъ онъ Философію Мнѣніа (9).

Основаніемъ предметовъ чувственныхъ Парменидъ полагалъ Свѣтъ и теплогу

(8) „Можно иногда только полагаться на чувства, когда предсавленія оныхъ поддерживаются умозрѣніемъ.“ *Парм. „Еλη Εκ col. Ful.*

(10) *Ea quae veresimiliter ei tribui possunt, his comprehenduntur, — говоритъ Бруккеръ (Iac. Bruc. Inst. Hist. Phil. Per. l. II. c. XI § VIII). philosophiam duplicem esse, vel secundum opinionem et sensum, id est, secundum mutabilem materiae naturam, vel secundum veritatem et rei essentiam et caet.*

, Желтый огонь (10) благой, понкой, самъ съ собою вездѣ пожестпвенный, и ничему другому неподобный, пребывающій лишь въ самомъ себѣ (слово въ слово: онъ лишь съ собою: *ἀτὰρ κάκεινο κατ' αὐτό*); прошиво-положное ему: мракъ, существо пвердое, птяжелое (11).“

---

(10) . . . . . *αἰθέριον πῦρ*
 "Ἠλιον ὄν, μέγ' ἀραιόν, ἑαυτῷ, πάντοσε ταῦτόν,
 Τῷ δ' ἑτέρῳ μὴ ταῦτον ἀτὰρ κάκεινο κατ' αὐτό
 Ἄγνια, νικτάδα ἢ πυκνὸν δέμας ἐμβριδές τε.
 Παρμ. Ἐπη — Ex. coll. Füll.

(11) Сверхъ того, онъ первый сказалъ, что луна освѣщается солнцемъ. (*Plut. de Plac. phil. l. II. c. I. § 26*).

МЕЛИССЪ.

(Кор. μέλισσα — пчела, μέλι — медь).

Около 450 до Р. Х. около 83 Олимпиады.

Елеатикъ Мѣтафизикъ, послѣдователь Парменида.

Парменидъ почиталъ сущность вещей сущесствомъ отвлеченнымъ, подлежащимъ одному умозрѣнью, но не сомнѣвался въ точномъ измѣненіи предметовъ, ощущаемыхъ чувствами. Мелиссъ напротивъ представлялъ себѣ сущность вещей чѣмъ-то вещесственнымъ и сей вещественности, не имѣющей никакой опредѣленной формы, онъ придавалъ свойства, до которыхъ довело его умозрѣніе (1).

„Если сущность вещей (2) по умозаключенію Парменида,“ говорилъ Мелиссъ, „една, нераздѣльна, то она не можетъ имѣть какой-либо опредѣленной формы и въ пространствѣ не можетъ быть постигаема. Постигнуть ее можно лишь во

(1) Buhle's Lehrbuch d. Gesch. Phil. 1 b.

(2) Plut. de Plac. Philos. 1. I. c. XXIV. ,
Bruc. Inst. Hist. Philos. Per. I. l. II, c. XI
§ X.

времени, которое въ сущности вещей заключается совершенно, ибо существующее не можетъ престаить существовать.“ (3)

Мелиссъ подобно Ксенофану и Пармениду утверждалъ, что не лзя постигнуть что такое Боги; но сіе говорилъ онъ только въ отношеніи къ древней Религіи; Бога онъ почиталъ, какъ сущность вещей, единую, нераздѣльную, безконечную (4).

---

(3) *Arist. Phys.* III.

(4) *Laert.* l. IX. *Плут.* о гтеніи Поетовъ.
§ VIII.

З Е Н О Н Ъ.

(Кор. Ζῆν Dor. вмѣсто Ζῆν — опъ Ζῆω — живу).

Около 504 лѣтъ до Р. Х. Между 79 и 80 Олимпіады.

Елеазикъ-Метафизикъ, ученикъ и послѣдователь Парменида.

Зенонъ — явленіе весьма достопримѣ | чательное въ лѣтоисихъ ума человѣче- | ского. Онъ явился на сцену въ то время, | когда всѣ были вооружены противъ Елеа- | зиковъ за ихъ недовѣрчивость къ чув- | ствамъ. Парменидовой идеѣ объ един- | ствѣ противуполагали многообразіе пред- | метовъ, утверждаемое опытностію; опроверженію движенія — противупостав- | лялась беспрестанное измѣненіе предме- | товъ, ощущаемое чувствами. Зенонъ рѣ- | шился поразишь противниковъ ихъ же | собственнымъ оружіемъ: разсуждая о ка- | комъ-либо предметѣ, онъ какъ бы бралъ | сторону своего соперника, развивалъ ея | собственную мысль и доводилъ ее — до | нелѣпости.

Вопъ нѣкоторыя его силлогизмы, ко- | лорыми онъ приводилъ въ затрудненіе за- | щитниковъ опытности;

Опроверженіе движенія :

Положимъ, что пущенная сфера (1) движется; но въ каждое мгновеніе она находится въ пространствѣ ей равномъ; слѣдственно она въ семь пространствѣ находится въ покоѣ; слѣдственно она каждое мгновеніе находится въ покоѣ и въ движеніи, что невозможно.

Опроверженіе пространства :

Положимъ, что пространство существуетъ. Въ такомъ случаѣ оно гдѣ-либо находится; т. е. предполагаетъ другое пространство; это пространство предполагаетъ еще другое пространство и такъ до безконечности — слѣдственно нѣтъ пространства (2).

Такого рода сужденія заставили нѣкоторыхъ почитать его Скептикомъ; но это неправда; одно мѣсто у Платона (3) весьма ясно показываетъ, что Зенонъ держался ученія Парменидова и что силлогизмы его были только оружіе для нападенія на противниковъ его учителя.

---

(1) *Arist. Phys.* I. VI. с. IX.

(2) *Arist. Phys.* I. IV. с. III.

(3) *Plat., Parm.*

Зенонъ не составилъ никакой особенной системы (4); его цѣлю было поддержать мнѣнія Парменидовы, доказавъ, что опытность имѣеть множество различныхъ споронъ изъ коихъ каждая можетъ быть справедлива и несправедлива, и что слѣдственно опытность ведетъ къ заблужденіямъ; наконецъ, что одно умозрѣніе можетъ довести насъ до истины.

Онъ замѣчалъ еще тѣмъ, что примѣръ его силлогизмовъ возбудилъ многихъ подражателей и произвелъ гибельную Секту Софистовъ (*).

Здѣсь оканчиваю мой опривокъ. Размышляя о сектѣ Елеашиковъ находимъ, что всѣ они взаимно себя поддерживаютъ и какъ бы дополняютъ; такъ, что не каждый въ особенности, но всѣ вмѣстѣ только образуютъ полную Систему; основаніе оной—идея существа безконечнаго, единаго, безусловнаго, пождеспивеннаго со вселенною (5). Вообще открываемъ въ нихъ мысли глубокія, но смѣшанныя;

(4) *Eus. Prep. Evang.* I. II. c. VIII. § 6.

(5) Tennemanns *Geschid. d. Philos.* p. 67.

(*) См. *Софисты*.

видимъ хаосъ готовящійся преобразиться въ новый міръ, но еще не обратившійся; сравнивая же усилія древнихъ мыслителей съ усиліями новѣйшихъ, невольно вспоминаемъ слова Тидемана :

„Исторія Философіи, въ своей цѣлости представляешь зрѣлище самое утѣшительное: духъ человѣка, однажды возбужденный, не только никогда вслѣдъ не обращался, но даже и не оспанавливался: вѣка не прерывали его стремленія; въ то время когда въ Греціи ослабѣла страсть къ познаніямъ, Философія перешла въ Аравію и тамъ новыя области подчинила своему владычеству; когда любовь къ открытіямъ пошла у Арабовъ, тогда возгорѣлась она на Западѣ и Сѣверѣ Европы и пролила свѣтъ посреди мрака; наконецъ когда Европейцы ограничились спорами о словахъ, тогда снова возбудили ихъ опъ сна древнія остатки Греческой мудрости, принесенныя изъ Константинополя. Нѣтъ вѣка, который бы не былъ ознаменованъ появленіемъ Мыслителя возвышеннаго, который бы не расширилъ круга познаній человѣческихъ. Что Духъ человѣчества стремится непрестанно — это неоспоримо; что онъ стремится къ благородному и

возвышенному — это доказываетъ Испорія. Сколь утѣшительна ея истина! какъ возвышаетъ она душу, особливо въ наше время, когда столько возней, столько не-лѣпостей полагаютъ препону совершенствованію; но опираясь на великодушныхъ своихъ служителей, оно поржесствовало, оно будетъ поржесствовать и ничто не остановитъ его стремленію къ лучшему; ибо надъ вселенною царствуетъ добро высочайшее: пусть наука не достигла еще совершенства, котораго мы отъ нея потребуемъ; это не должно ослаблять нашу дѣятельность. Предъ нами мириады вѣковъ, и въ сихъ мириадахъ сколько новыхъ открытій, сколько свѣтлыхъ путей, сколько новыхъ сокровищъ ожидаютъ человѣка! Стремленіе духа его медленно — намъ говорить о томъ времена прошедшія; но придетъ сіе щасливое время, ласкающее насъ надеждами столь сладкими, обещающее намъ столько новыхъ уснѣховъ, — когда бы то ни было — но придетъ оно!“

О д е с к.

XVI.

Б У Р Я.

Завыла буря; хлябь морская
 Клокочетъ и реветъ, и черные валы
 Идутъ, другъ на друга сердито налегая,
 Бьютъ гнѣвно пѣняся прибрежныя скалы.

Чья неприязненная сила,
 Чья *мощная* рука
 Сгуспила въ тучи облака
 И на краю небесъ ненастье зародила?
 Кто возмутивъ природы чинъ
 Горами влажными на землю гонитъ море?
 Не шотъ ли злобный духъ гесны властелинъ
 Что по вселенной разлилъ горе?
 Что человека подчинилъ
 Желаньямъ, немощи, страстямъ и разрушенью
 И на творекъ ополчилъ
 Всѣ силы данныя творенью?
 Земля трепещетъ передъ нимъ:
 Онъ небо заслонилъ огромными крылами
 И двигая ревущими водами
 Любуется могуществомъ своимъ.

Иль вѣчнымъ будетъ започенье!
 Когда волнамъ твоимъ я вѣрюсь океанъ?

Но знай, красой далекихъ странъ
 Не очаровано мое воображенье.

Подъ небомъ лучшимъ обрѣспи

Я лучшей доли не умѣю;

Вновь не могу душой моею

Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.

Межъ тѣмъ ошъ приходи судьбины,

Межъ тѣмъ ошъ подлинной оправы бышя,

Въ покоѣ раболѣпномъ я

Ждашь не хочу моей кончины;

На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ —

Она оправдиѣ гордынѣ человека.

Какъ жаждалъ радостей младыхъ

Я на зарѣ младаго вѣка,

Такъ нынѣ, Океанъ! я жажду бурь твоихъ.

Волнуйся, опѣнай утесистыя грани,

Онъ веселятъ меня, твоей грозный, дикій ревъ,

Какъ зовъ къ давно желанной брани,

Какъ мощнаго врага мнѣ чемъ по лестный гнѣвъ.

* * * *

XVIII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ: ЭДА.

Была безпечна, весела,
 Когда-то добренькая Эда;
 Одною Эдой и жила
 Когда-то дѣвичья бесѣда;
 Она привѣшно и свѣшло
 Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи;
 Чшожь измѣнишь ее могло?
 Чшожь это утро облекло
 И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
 Она разсѣянна, грустна,
 Въ бесѣдахъ повсе не слышна;
 Какъ прежде яснаго привѣта
 Ни для кого во взорахъ нѣтъ:
 Вопросы долго ждущъ опивша
 И часно страненъ сей опившъ!
 То жарки щеки, то безцаѣнны,
 И пайкой горести плоды
 Не рѣдко свѣжіе слѣды
 Горячихъ слезъ на нихъ замѣшны!
     Бывало слишкомъ зашалишь
 Съ красоткой хитрый посполлецъ,
 Она къ устамъ приставишь палець,
 Ему съ улыбкой имъ грозишь;
 Когда жъ ей серьги подаришь
 Или плашокъ повѣса ловкой,

Она красивою обновкой
 Похвастать къ мащери бѣжитъ,
 Потомъ его благодаритъ
 Веселымъ книксомъ. Шаловливо
 На соннаго его порой
 Плеснетъ холодною водою
 И убѣгаетъ пороливо
 И долго слышенъ дѣтской смѣхъ.
 . . . . . (*)
 Гдѣ время то? при немъ она
 Какой-то робостію нынѣ
 Въ своихъ движеньяхъ смущена!
 Веселыхъ шутокъ и въ поминѣ
 Теперь ужъ нѣтъ! Простыхъ рѣчей
 Съ нимъ даже дѣва не заводитъ
 Какъ будто спалъ онъ недругъ ей;
 За то порой съ его очей
 Очей задумчивыхъ не сводитъ!
 За то порой, наединѣ
 Къ груди лукавца вся въ огнѣ
 Сама бѣдняжка припадаетъ
 И спрасити гибельной полна
 Сама успа свои она
 Къ лобзаньямъ спраснымъ обращаетъ.

Идетъ поспѣшно день за днемъ.
 Гусару дѣва молодая
 Уже покорснвуешь во всемъ,
 За нимъ она какъ лань ручная
 Повсюду ходитъ: по чешой

(*) Точки поставлены самимъ сочинителемъ.

· Приемлетъ ихъ въ полдневной зной
 Густая сѣнь дубравы сонной;
 То пріютишь безмолвный боръ ,
 То приглашаютъ громы горъ
 Въ свой сумракъ нѣгѣ благосклонной;
 Но чаще въ ближній доль они
 Нисходятъ разными путями,
 Тамъ надъ прозрачными струями
 Ручья веселаго, въ шѣни
 Густыхъ березъ, рябинъ узорныхъ,
 Обросшихъ, вѣсти нѣтъ когда,
 Два камня, — падшіе шуда
 Съ высотъ сосѣдственныхъ нагорныхъ;
 Они садятся на праву.
 Порой любовникъ въ помной дѣни
 Послушной дѣвѣ на колѣни
 Кладетъ усталую главу,
 Безпечнымъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Она отъ друга своего
 Докучныхъ мошекъ отгоняетъ;
 Власами мягкими его
 Рукѣю младенческой играетъ!
 Когда-жъ подымется луна
 И дикой край подъ ней задремлетъ,
 Въ пріюсть украмной свой она
 Къ себѣ — — его приемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
 Томила пайною тоскою,
 Разъ обыкновеню порою
 У водъ любимаго ручья
 Они возсѣли молчаливо.
 Глазами въ тихомъ забытїи
 Шалунъ слѣдилъ его струи,
 Предъ нимъ бѣгущія игриво.

Дорогой сорванный цвѣшокъ
 Онъ какъ то бросилъ въ быстрой шокъ.
 Вздохнула дѣва молодая!
 На друга голову склоня,
 „Такъ“ прошептала „и меня
 Мигъ полелѣя, полаская,
 Такъ на погибель бросишь ты!“
 У добродушный красоты
 Уста въ то время улынулись;
 Но шутъ же скорбь взяла свое
 И на глазенкахъ у нее
 Невольно слезы навернулись!
 Она косынкою своей
 Ихъ отерла и веселѣи
 Глядѣшь спараяся на друга:
 „Нѣтъ, нѣтъ, не ксташи мнѣ тоска!
 Сего дня жизнь моя сладка,
 Сего дня я швоа подруга!
 И завтра будешь ты со мной,
 И день еще, и сташься можешь,
 Я до разлуки роковой
 Не доживу! Господь поможетъ.“

Сковадъ потоки зимній хладъ
 И надъ стремнинами своими
 Съ граничныхъ горъ уже висяшъ
 Онъ горами ледяными;
 Изъ подъ сугробовъ снѣговыхъ
 Кой гдѣ вставая головами
 Скалы чернѣють: снѣгъ буграми
 Лежитъ на сѣснахъ вѣковыхъ.
 Кругомъ все пусто. Зашумѣли,
 Завыли зимнія мятели.

Что съ блѣдной дѣвицей моей?
 Попухъ огонь ея очей,
 Въ ней Эды прежней нѣтъ и шѣни:
 Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
 Но чужды слезы ей и шѣни.
 Какъ небо зимнее блѣдна,
 Въ молчаньи грусти безнадежной
 Сидишь недвижно у окна
 Сидишь и бури вой мятежной
 Уныло слушаешь она,
 Мечтая: „нѣтъ со мною друга,
 Давно увянулъ счастья цвѣтъъ:
 Чпожь для меня кончины нѣтъ?
 Когда, когда сметешь ты вьюга
 Съ лица земли мой легкой слѣдъ!
 На сонъ желанной, сонъ глубокой,
 О, скоро ль гробъ меня возмешъ;
 И на него сугробъ высокой
 Дыханье бури нанесешъ!“

* * * *

XIX.

Л Е Д А.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
 Гдѣ Европейскій древній шокъ,
 Среди долины ароматной
 Капится свѣшелъ и широкъ;
 Вдоль берега, Леда молодая,
 Еще не мысля, но мечтая,
 Шопами тихими брела.
 Ужъ близокъ полдень; небо знойно:
 Кругомъ все пусто, все спокойно,
 Рѣка прохладна и свѣшла;
 Берега спрегупъ кусты густые....
 Покровы пали на цвѣшны
 И Леды прелести нагія
 Прозрачной влагой приняты.
 Легко возлегшая на волны,
 Легко скользя по нимъ она:
 Роскошно пѣнясь, перси полны
 Лобзаетъ жадная волна;
 Но зашумѣлъ простирикъ прибрежный
 И лебедь стройный, бѣлоснѣжный
 Изъ за него явился ей.
 Сначала онъ, чуть зримый окомъ
 Влуждаетъ въ оныи широкъ
 Кругомъ возлюбленной своей;
 Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
 Но сокрывался опъ глазъ

Изъ водъ глубокихъ выплываетъ
 Все ближе къ милой каждый разъ.
 И вошь плаваетъ онъ рядомъ съ нею;
 Ей смѣлость лебедя мила:
 Рукою нѣжною своею
 Его осанистую шею
 Младая дѣва обняла,
 Онъ жмется къ дѣвѣ, онъ украдкой
 Ей перси нѣжныя клюетъ;
 Онъ въ пѣсни радостной и сладкой
 Какъ бы красы ея поетъ,
 Какъ бы поетъ живую нѣту!
 Межъ тѣмъ, влечетъ ее ко берегу:
 Выходитъ на берегъ она!
 Успавъ, въ тѣни густаго древа,
 На мураву ложища дѣва
 На длань главою склонена.
 Межъ тѣмъ не дремлетъ лебедь страспичной:
 Онъ на колъняхъ у прекрасной
 Нашелъ убѣжище свое;
 Онъ сладкозвучно воздыхаетъ,
 Онъ влажнымъ клевомъ вопрошаетъ
 Уста невинныя ея...
 Въ изнемогающую дѣву
 Огонь желзня проникъ:
 Уста раскрылись; томно клеву
 Уже ошвѣпсѣзуетъ языкъ;
 Ужь на глаза съ живымъ томленьемъ
 Набросивъ пышные волосы,
 Она нечаяннымъ движеньемъ
 Раскрыла все свои красы...
 Приютъ свой прежній покидаетъ
 Тогда нескромной лебедь мой;
 Онъ томко шею обвиваетъ

Вкругъ шеи дѣвы молодой;
Его напрасно опклоняешь
Она дрожащею рукой:
Онъ завладѣль —
Запрепешаль крылами онъ,
И вырывается у Леды
И дѣтства крикъ и яѣги спонъ.

* * * *

~~~~~

XX.

РАЗЛИЧНЫЯ ПОТРЕБНОСТИ.

Для ума погребеньъ Геній,
Для разсудка — опытъ лѣтъ;
Для гусара — конь игреній,
Для прелестницы — корсепъ.
Для романа нужно чувство,
Для сапиры — ѣдка соль;
Торгашамъ (*) плутовъ искусство,
Скареду — Тарпюфа роль;
За дѣвицами — смотрѣнье,
Для ревнивыхъ — спя очей
Для влюбленныхъ — снисхожденье,
И шептѣнье . . . для мужей!

С. Н.

~~~~~

(*) Не Литерашурнымъ ли? *И з д.*

XXI.

НА СВИДАНИЕ СЪ СЕСТРОЮ.

Вошь, мой другъ, и братъ твой нѣжный
 Возвращень опять къ тебѣ:
 Видишь образъ твой любезный, —
 И не вѣришь самъ себѣ . . . .

Въ сладкомъ сердца упоеньѣ
 Госпю мнитсѣ, будшо сонъ.
 Льстимъ его воображенъе,
 Чшо мечпой обманушь онъ.

Ахъ! увѣрь его скорѣе,
 Чшо прошла пора мечтатъе,
 Обвини его нѣжнѣе,
 Дай себя разцѣловать!

И своєю лаской милой
 Разгони, мой другъ, разсѣй
 Мракъ въ душѣ его унылой,
 Сердце бѣдное согрѣй.

Много слезъ въ семьъ разлученьи
 Сиротой одинъ онъ лиль,
 Много скорби, огорченъе
 Безъ тебѣ опять сносилъ . . . .

Но почшо воспоминанъемъ
 Намъ смущатъе столь сладкой часъ? —
 Ты со мной . . . . вѣнецъ желанъямъ!
 Кто теперь счастливей насъ?

С. Н.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ.

I.

*Короткій отвѣтъ Кн. Одоевскаго Г-ну
Булгарину.*

Скажите мнѣ, Милостивый Государь, Г. Булгаринъ, какой умный и благовоспитанный человекъ рѣшился позволить себѣ вольности выходящія за предѣлы всякой благоприспособности, которыя вы позволили себѣ въ послѣднихъ Но-хъ Литературныхъ Листковъ вашихъ. Васъ прогнѣвали жесткія истины, сказанныя мною вамъ подѣ видомъ шутки, совсѣмъ не обидной; васъ раздосадовало то, что я не подорожилъ вашими похвалами. Вѣрю! Но послушайте, Г. Булгаринъ; что не нуждаюсь въ похвалахъ вашихъ я доказалъ эпою III-й части Мнем.; что не обижаюсь вашею бранью—доказываетъ вамъ шеперешнее мое хладнокровіе. Я молодъ, не произвелъ ничего еще такого, чтобы могло дать мнѣ право даже на званіе Автора: если суждено мнѣ быть хорошимъ Писателемъ, то брань ваша не достигнетъ до меня; суждено мнѣ быть дурнымъ Сочинителемъ, никакія похвалы Г. Булгарина не спасутъ меня отъ забвенія. — Теперь же оканчи

ваю навсегда Журнальные перебранки, они мнѣ прискучили, постараюсь даже и вамъ не отвѣчать болѣе, ибо время я также опредѣляю, какъ опецъ Хемницерова Метамфизика.

Вопшъ вамъ мой отвѣпъ, Г. Булгаринъ; другой спалъ бы отвѣчать вамъ совсѣмъ иначе; но я — не хочу; я и шакъ довольно унижалъ себя, по молодосши входя въ сношенія съ людьми, которыя разсуждашъ не въ состоянїи, а шушокъ не понимающъ и не спощъ. Прощайте!

P. S. Сверхъ того прошу васъ, Г. Булгаринъ, увѣдомишъ меня и моихъ чипашелей изъ какой *извѣстной рукописи* по вашему мнѣнїю, взяла моя повѣсть; ешаго не должно было оспавлять на догадку; если вы хощѣли сказать, что мое сочиненіе взяно изъ *собсшвенной* моей рукописи — въ шавомъ случаѣ удивляюсь вашему остроумїю.

~~~~~

*Замѣчанія на письмо къ Изд. Л. Л.
Госп.—Ий - ова.*

Читатели спросятъ можетъ быть насъ, почему мы не освѣчаемъ на Криптику Г. Ий - ова, помѣщенную въ 21 и 22 Н. Л. Л.; не освѣчаемъ по двумъ причинамъ, 1-е, освѣты на всѣ его возраженія найдяся уже въ III часши Мнем., а 2-е, что онъ Г. Ий-овъ переважно доказываетъ, будто-бы давно забытый Бушервекъ шеперь въ великой модѣ, спавишь его на одну доску съ Шлегелемъ, и сверхъ того говоритъ: *Излишняя ученость едва ли не вреднѣе получености.* (*) Увѣрю моего милаго и забавнаго Рецензента, что ни я, и никто даже самъ Издапель Сѣв. Арх. и Лип. Л. (что ешаго убѣдительнѣе?) неподозрѣваютъ его Г. Ий-ова въ излишней учености — въ етомъ страшномъ грѣхѣ, а Читателямъ моимъ объяснишь честь имѣю, что я, съ такими учеными людьми, каковъ Г. Ий-овъ никогда не спору, а встрѣчаясь съ ними униженно кланяюсь и говорю: „Точно такъ, Милосливый Государь, вы правы!“

(*) Съ дипломатическою точностию выписаны слова сии достойныя Сѣвернаго Архива и Липер. листковъ изъ статьи Г. Ий-ова въ 21 и 22 Но Лип. Лист. на 94 стр. стр. 5 и 6 съ вер-

3.

*Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ
Издателей.*

Принимаясь говорить о нашемъ Изданіи, мы не знаемъ должно ли намъ прежде благодарить Публику за благосклонное принятіе онаго, или извиняться почти въ непростительной медленности, съ которою вышла послѣдняя часть.

Надобно признаться, что Мнемозина явилась въ свѣтъ подь созвѣздіемъ, весьма неблагопріятнымъ: при самомъ началѣ печатанія два камня, приготовленные для lithографированія карпинокъ къ I-й части лопнули; и хотя съ большею поспѣшностію (*) были нарисованы вновь каршинки, однакожь не смотря на шо, задержали выходъ первой части; замедленіе оной повлекло за собою замедленіе и прочихъ частей; къ етому же присоединилися другія обслѣдствія, которыя, какъ обыкновенно говорятъ, совсѣмъ не важны для Публики,

---

(*)И потому весьма неудачно.

но весьма важны для Издашелей. Теперь—, желая хотя нѣкоторымъ образомъ вознаграждать нашихъ подписчиковъ за долгое, и судя по часнымъ, присылаемымъ къ намъ преребаніямъ, довольно неперпѣливое ожиданіе, мы увеличили IV часть почши въ половину болѣе прошиву прежнихъ; не знаемъ будетъ ли она по етому лучше, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, что въ свѣтѣ полцина часто замѣняешь многія другія достоиншва.

Замѣчательно, что Мнемозина еще прежде своего выхода надѣлала много шума: одно названіе оной помѣщенное въ объявленіи, заставило нашихъ *ученыхъ людей* ломать себѣ голову: многіе, очень многіе добивались, *что такое Мнемозина, почему, за гѣмъ, и какъ она Мнемозина*; одинъ изъ таковыхъ Философовъ, желая показать свою ученость переважно спрашивалъ у Издашелей: „Мнемозина — не одна ли изъ фурий?“ (*) другіе подобные сему Философы не могли постигнуть какимъ образомъ Изданіе *въ родѣ Алманаховъ* можетъ быть въ 4 тома. Опъ такихъ Судей нѣчего было ожидать добраго и появленіе I-й части Мнемозины подтвердило это заключеніе.

(*) Нужно ли говорить, что онъ смѣшивалъ Мнемозину съ Немезидою.

Сперва наше Изданіе слегка разшевелило маленькое самолюбіе маленькихъ людей, считающихъ себя великими; въ послѣдствіи времени объявивъ въ немъ почти всѣмъ Русскимъ Журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ (*),— оно необходимо должна была навлечь на себя негодованіе преданныхъ онымъ, должна была испытать всю силу смѣшнаго Журнальнаго мщенія; Издатели предвидѣли это, знали участь, которая ожидаетъ всякаго, осмѣливающаго издѣваться надъ закоренѣлыми заблужденіями — и заранѣе презирали ничтожный крикъ самолюбиваго невѣжества, которое, будучи довольно своимъ щаспливимъ состояніемъ, не хочетъ и не можетъ вообразить, что за стѣнъ кругомъ, которымъ оно себя ограничало, существуютъ какія либо знанія, какой либо особенный образъ сужденія. — Издатели, повпоряю, презирали недоброжелательныя о себѣ толки; главнѣйшая цѣль Изданія нашего была—распространить

(*) А что новость, какая бы она ни была всегда находитъ порицателей, тому могутъ служить доказательствомъ нелѣпыя нападки на *Горе отъ Уиа*, Комедію Грибоѣдова, на произведеніе истинно дѣлающее честь нашему времени, блистающее всею свѣжестію шворческаго вымысла; произведеніе заслужившее уваженіе всѣхъ своихъ читателей, кромѣ нѣкоторыхъ привязчивыхъ говоруновъ, которые, сами не имѣя способности производить, досаждаютъ за чѣмъ другіе ее имѣютъ.

нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратишь вниманіе Русскихъ чипателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ, заставишь говорить о нихъ; положишь предѣлы нашему приспращію къ Французскимъ Теорикамъ; наконецъ покажешь, что еще не всѣ предметы исчерпаны, что мы опыскивая въ чужихъ спранахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся. И Издатели Мнемозины могутъ похвалиться, что нѣкоторымъ образомъ достигли своей цѣли; Литературные листки, Сынъ Отеч., Сѣв. Архивъ, нападая на Мнемозину, списывали и теперь еще списываютъ изъ нее сужденія о Французской Словесности, о необходимости народной Поэзіи; даже въ Литературныхъ Листкахъ, Мнемозина заставила полковашъ о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и на изворотъ; заставила Журналистовъ говорить о Нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто бы наши крипики въ самомъ дѣлѣ чипали сихъ послѣднихъ. — Знакъ добрый! Можетъ быть, недалеко уже то время когда сужденія, основанныя на законахъ непремѣняемыхъ, произведенія, блиспающія порядкомъ и свѣплосцію мыслей, займутъ мѣсто нашихъ обыкновенныхъ, пустыхъ, сбивчивыхъ, Журнальныхъ Теорій и Литературныхъ уродовъ; когда истина воспорже-

спвуеть надъ заблужденіями и умолкнуть наши ничтожныя Судіи въ Наукахъ.

За дѣло ли принимались Издашели Мнемозины о томъ пусть разсудятъ люди *мыслящіе*; но, по крайней мѣрѣ, мы дѣлилися съ чипашелями тѣмъ, что сами имѣли, дѣлилися малымъ — конечно, но не хотѣли морочить Публику наслышными знаніями; не поступали подобно тѣмъ, которые издають Горація, не зная Латинскихъ склоненій, которые выдають себя за Археологовъ и дѣлають на каждомъ шагу ученическія ошибки, оговариваясь половицей: *дѣло мастера боится*, не поступали подобно тѣмъ, которые заучивъ нѣсколько страницъ изъ Банше подводятъ все то, что на глаза попадется подъ свои условныя правила.

Наконецъ, да позволено будетъ нашему самолюбію сдѣлать еще одно замѣчаніе: что мнѣнія, которые мы желали распространить совершенно ложны, въ томъ увѣряетъ насъ то, что ни одно изъ нашихъ мнѣній не было опровергнуто, а что вмѣсто того, наши противники прибѣгнули къ обыкновенному орудію безсилія: — они спали шѣлковали о вредѣ отъ излишней учености; спали укоряли насъ въ хвастовствѣ знаніями; однимъ словомъ, опвѣчали намъ пономъ, который обыкновенно употребляютъ просполодимы, говоря: *„мы люди неученые.“* — Вѣримъ!

На сей годъ прекращаемъ наше Изда-
ніе, при благопріятнѣйшихъ обстоятель-
ствахъ можетъ быть, возобновимъ его; и
не смотря на всѣ его недостатки, мы ла-
скаемъ себя надеждою, что люди мыслящіе
и испинно просвѣщенные, если и будутъ
причитатьъ насъ за недостатки исполненія,
то не похулятъ за намѣреніе.

Впрочемъ за чѣмъ на прощаньи со-
ришься и съ пѣми изъ нашихъ Судей,
копорыхъ уличаемъ въ невѣжествѣ и за-
коснѣніи; миръ со всѣми! Въ доказатель-
ство же нашей къ нимъ благосклонности,
посвящаемъ имъ нижеслѣдующее преданіе:

ОДИССЕЕВЪ КОНЬ.

*(Посвящается многимъ судіямъ и некото-
рымъ Читателямъ Мнемозины).*

Вы вѣрно знаете, друзья мои, много
просподушнаго *Калликона*! Знаете какимъ
слабоуміемъ, испинно завиднымъ въ наше
время, одарила его Природа. Вы вѣрно по-
мните, что сдѣлалъ онъ, захопѣвши пре-
даться *Морфею*: какъ положилъ онъ подъ
голову глиняный сосудъ, какъ сосудъ по-
казался ему жесткимъ и какъ чшобы сдѣ-
лать свое изголовье годнымъ къ употреб-
ленію, онъ вздумалъ набить его соломю.

Про ешаго самаго *Калликона* я нашелъ
странное сказаніе въ одной древней руко-

писи. Ученые Комментаторы увѣряють, что она подложная; но чего они не выдумаютъ? Рукопись, вопреки всѣмъ едимъ Господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ пѣхъ воиновъ, копорые были засажены спѣрикомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

Оплагошѣвъ отъ даровъ Вахвыхъ, Калликонъ безопасно попягивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ говорилъ онъ своему поварищу....“

— Не вѣкъ здѣсь быль—опвѣчалъ ему воинъ, придетъ время и мы выйдемъ опсюда — приготовлай оружје.

„Выйдемъ?... куда?“

— На свѣтъ, въ Троею!

„И впо тебѣ сказалъ епо—“ возразилъ Калликонъ засмѣявшись „я давно уже смолрѣлъ во всѣ спороны и теперь пвердо увѣрился, что и Греція и Троя и весь свѣтъ — все здѣсь, въ епомъ желудкѣ, что больше ничего не сущеспвуетъ и сущеспвовать не можешъ.“

Вы смѣшесь, друзья мои, рѣчи просподушнаго Калликона, но берегитесь! смолрише какъ смѣхъ вашъ разшевелилъ Калликоновъ нашего времени, какъ грозно выглядывають они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спряпались съ головой и съ ногами!

О д в с к .

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЕЙ МНЕМОЗИНЫ.

Ф И Л О С О Ф І Я .

Части : I. II. III. IV.

1. Афоризмы изъ различ- ныхъ Писателей по ча- сти Современнаго Гер- манскаго Любомудрія (Кн. Одоевскаго) . . .	—	84	—	—
2. Кантъ — изъ Спаль- Голштейнъ (А. Боров- кова)	—	—	95	—
3. О способахъ изслѣдова- нія Природы (пл) . . .	—	—	—	1.
4. Секща Идеалистико- Елеаническая — опры- вокъ изъ Словаря Исто- рии Философій (Кн. Одо- евскаго)	—	—	—	160.

ИЗЯЩНАЯ ПР О З А .

А п о л о г и :

6. Старикъ, или Оспровъ Панхам (Кн. Одоевскаго)	1	—	—	—
7. Дервишъ (его же) . . .	—	—	1	—
8. Солнце и младенецъ (его же)	—	—	4	—
9. Два Мага (его же) . . .	—	—	7	—
10. Алогій и Епименидъ (его же)	—	—	9	—

	Части :			
	I.	II.	III.	IV
11. Эмблемы (В. Т—ва) .	—	—	24	—
12. Радуга — цвѣтны—Ино- сказанія (Кн. Одоев- скаго	—	—	88	—
13. Новый Демонъ (его же)	—	—	—	35.
14. Моя управительница (его же)	—	—	—	42.
15. Слупники жизни (П. Полеваго)	—	—	—	56.
16. Одиссеевъ конь (Кн. Одоевскаго	—	—	—	255.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

17. Извлеченіе изъ Запи- сокъ Генераль - Маіора Д. В. Давыдова	13	—	—	—
--	----	---	---	---

ПУТЕШЕСТВІЯ.

18. Опрывки изъ Пеше- ствія по Германіи (В. Кюхельбекера)	61	51.	—	—
19. Опрывокъ изъ Пеше- ствія по Германіи и Полуденной Франціи (В. Кюхельбекера)	—	—	34	—
20. Опрывокъ изъ Пеше- ствія по Полуден- ной Франціи (В. Кю- хельбекера)	—	—	—	66.

ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНОВЪ, СМѢСЬ.

21. Адо — Ешто скал По- вѣсть (В. Кюхельбе- кера)	119	—	—	—
---	-----	---	---	---

	Части: I. II. III. IV.			
	Страницы:			
22. Елладій—Карпина изъ свѣтской жизни (Кн. Одоевскаго)	—	94	—	—
23. Бельфегоръ — изъ Махиавеля съ Импальянскаго	—	—	65	—
24. Слѣдствія Саширической спашьи — отпрывокъ изъ Романа (Кн. Одоевскаго)	—	—	125	—
25. Характеръ (его же) .	—	—	65	—
26. Тимонъ, или Мизантропъ — изъ Лукіана — съ Греческаго (С. Шевырева)	—	—	—	105
27. Многомѣры изъ Жанъ-Поля Рихтера — съ Нѣмецкаго (В. Кюхельбекера)	182	—	—	—
28. Земля Безглавцевъ (В. Кюхельбекера).	—	143	—	—
29. Извлеченіе изъ Письма къ Е—ду (О. М.)	172	—	—	—
30. Листки изъ Парнасскихъ Вѣдомостей (Кн. —двск—)	—	—	—	—
31. Мысли (С. Н. . . . .)	—	—	—	51.

КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

32. Замѣчаніе на Рятпорику Г. Мерзлякова (Кн. Одоевскаго)	62	—	—	—
33. О направленіи нашей Поезій особенно Лирической въ послѣднее десятилѣтнее (В. Кюхельбекера)	—	29	—	—

	Страницы :			
34. Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекера о запѣяхъ Новостей Ли- тературы и Инвалида Г. Воейкова (Кн. Одоев- скаго)	—	—	165	—
35. Опись Г. С. (В. Кю- хельбекера)	—	159	—	—
36. Нѣщо въ родѣ Опе- чашки или опись Кн. Шаликову (Кн. Одоев- скаго)			безъ No.	
37. Разговоръ съ Э. В. Булгаринымъ (В. Кю- хельбекера)	—	—	157	—
38. Прибавленіе къ сему разговору или Замѣчанія на спашью: Журнальныя спашьи (Кн. Одоевскаго)	—	—	178	—
39. Корешкой опись Кн. Одоевскаго Г. Булгарину	—	—	—	227.
40. Замѣчаніе о ученѣмъ и глубокомысленномъ Ий- овѣ	—	—	—	229.
41. Мнѣніе о Мнемозинѣ самихъ Издашелей	—	—	—	230.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Отрывки Драматическіе:

42. Отрывки изъ Аристо- фана (Кн. Шаховскаго)	26	—	—	—
43. Прологъ Трагедіи съ хорами: <i>Аргивяне</i> (В. Кюхельбекера)	—	1	—	—
44. Отрывокъ изъ Трагедіи Маріи Стуаршъ (Ник. Павлова)	—	86	—	—

Части: I. II. III. IV.

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗ-
СКАЗЫ:

45. Свяшополкъ (В. Кюхельбекера)	53	—	—	—
46. Ручей Улькушь (С. Нечаева)	112	—	—	—
47. Конналь и Гальвина (В. Вердеревскаго)	116	—	—	—
48. Видѣніе	—	47	—	—
49. Суета суеписивій	—	—	—	—
50. Ерошы (Е. Раича)	—	152	—	—
51. Рогдаевы псы (В. Кюхельбекера)	—	—	13	—
52. Выкупъ Оссіана (Писарева)	—	—	147	—
53. Амуръ Живоисецъ (В. Кюхельбекера)	—	—	—	63.
54. Олимпійскія игры (его же)	—	—	—	96.
55. Опрывки изъ Поемы: Эда (****)	—	—	—	216.
56. Леда (****)	—	—	—	221.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ:

57. Давидъ (А. Г.)	24	—	—	—
58. Къ Богу (В. Кюхельбекера)	51	—	—	—
59. Елегія (Н. Павлова)	111	—	—	—
60. Елегія (П. . . . . а)	—	68	—	—
61. Пѣснь Спрадальца (А. Мансурова)	70	—	—	—
62. Проклятіе (В. Кюхельбекера)	—	72	—	—

	Части : I. II. III. IV.			
63. Прощаніе Вои́на (Кн. Вяземскаго)	45	—	—	—
64. Оди́ночество — изъ Ламаршина (Волкова)	—	140	—	—
65. Новая Нина (С. Нечаева)	—	133	—	—
66. Демонъ (А. Пушкина)	—	—	11	—
67. Заспо́льная пѣснь Грековъ (С. Нечаева)	—	—	58	—
68. Упованіе на Бога (В. Кюхельбекера)	—	—	84	—
69. Свиданіе (—й—)	—	—	155	—
70. Смерть Байрона (В. Кюхельбекера)	—	—	190	—
71. Жертвы Амуру (—й—)	—	—	—	49.
72. Гимнъ Бакхусу — изъ Гомера (В. Кюхельбекера)	—	—	—	92.
73. Къ Морю (А. Пушкина)	—	—	—	102.
74. Очки (Елегія)	—	—	—	155.
75. Ливонія (Н. Языкова)	—	—	—	156.
76. Пѣсня	—	—	—	158.
77. Буря (****)	—	—	—	214.

ПОСЛАНИЯ :

78. Къ Графу Чернышеву въ деревню (Кн. Вяземскаго)	47	—	—	—
79. Къ ** при посвященіи перевода Трагедіи: Марія Стюартъ (Н. Павлова)	171	—	—	—
80. Рыльеву (К. . . . . а)	—	155	—	—
81. Къ *** (С. . . . . аго)	—	—	31	—
82. Къ Нинѣ	—	—	60	—
83. Къ Барону Розену (В. Кюхельбекера)	—	—	93	—

Части: I. II. III. IV.

С М Ъ С Б.

	Страницы:			
84. Эпиграммы (П....аго)	110	—	—	—
85. Отрывки изъ Поемы: Искусство любить (В. Головина)	136	168	—	—
86. Эпиграммы (Кн. В...аго)	—	44	—	—
87. Вечеръ (А. Пушкина)	—	85	—	—
88. Сонетъ (С....аго)	—	—	23	—
89. Слеза	—	—	33	—
90. Надпись къ портрету Автора Красной Геогра- фiи въ стихахъ	—	—	62	—
91. Альбомъ (С. Нечаева)	—	—	86	—
92. Различныя потребно- сти (его же)	—	—	—	223.
93. На свиданiе съ се- спрою (его же)	—	—	—	224.

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ НА МНЕМО-
ЗИНУ, ПО ВРЕМЕНИ ПОДПИСКИ.

В ъ М о с к в ѣ :

Его Сіятельство Кн. П. И. Одоевскій и экз.

Ея Превосходительство В. И. Ланская.

Его Сіяш. Кн. А. А. Масальскій.

Его Сіяш. Кн. Ю. И. Трубецкій.

Ея Сіяш. Граф. Н. А. Зубова.

————— Гр. Мих. Ю. Виелгорскій.

————— Гр. Маш. Ю. Виелгорскій.

Его Выс. Ст. Н. Бѣгичевъ.

Его Выс. Д. Н. Бѣгичевъ.

Его Выс. Н. А. Чирковъ.

Ея Прев. А. П. Глазова.

Его Сіяш. Кн. В. С. Львовъ.

————— Кн. В. В. Львовъ.

Его Выс. С. Д. Полторацкій.

Его Прев. П. Л. Давыдовъ.

Его Выс. В. Л. Давыдовъ.

Его Выс. А. Л. Давыдовъ.

Его Сіяш. Кн. В. М. Кугушевъ.

Ея Выс. Е. И. Мещерина.

Его Сіяш. Кн. И. С. Одоевскій.

Его Выс. Г. И. Дурновъ.

Его Сіяш. Кн. Н. И. Трубецкій.

Его Выс. С. П. Жихаревъ.

Ея Выс. Вакселева.

Его Выс. Мальцевъ.

Его Выс. П. П. Коробинъ.

Его Прев. Н. М. Сипягинъ.

- Его Выс. А. В. Всеволодскій.
 Его Прев. Ф. Ф. Кокоскинъ.
 Его Выс. Я. Ф. Скоряшинъ.
 Его Выс. Алмазовъ.
 Его Выс. Б. И. Ионъ.
 Его Выс. Ершовъ.
 Его Выс. М. А. Дмипріевъ.
 Его Сіят. Кн. С. М. Голицынъ.
 Его Бл. И. Н. Герингъ.
 Его Выс. И. В. Чершковъ.
 Его Выс. П. И. Колошинъ.
 Его Выс. Ф. Ф. Малышевъ.
 Ея Прев. В. Н. Нарышкина.
 Его Выс. Ф. Ф. Машюшкинъ.
 Его Выс. И. П. Нѣмовъ.
 А. Ф. Смирдинъ. 20 экз.
 Его Выс. Ленивецъ.
 Его Прев. И. А. Баратынскій.
 Его Выс. М. Ф. Митъковъ.
 Его Выс. М. Л. Яковлевъ.
 Его Выс. Н. А. Охотниковъ.
 Его Выс. А. Ф. Ягубовичъ.
 Его Выс. С. Д. Нечаевъ.
 Его Выс. Н. М. Коншинъ.
 Его Выс. П. А. Степановъ.
 Его Выс. Нащокинъ.
 Неизвѣстный.
 Его Прев. А. И. Тургеневъ.
 Ея Прев. А. П. Дурасова.
 Его Выс. В. А. Обрѣзковъ.
 Его Выс. Н. М. Бравинъ.
 Его Выс. П. Я. Жаровъ.
 Его Выс. Д. П. Глѣбовъ.
 Его Выс. Ушаковъ.
 Его Выс. Д. П. Яковлевъ.

Х

Его Выс. Прев. А. С. Кологривовъ.
Его Прев. А. А. Писаревъ.
Его Прев. Д. Н. Баншышъ-Каменскій.
Его Выс. С. А. Хомяковъ.
Баронъ Штейнгель.
Е. А. Лукошкинъ.
С. Ф. Суворовъ.
Господинъ Казановъ.
Оберъ Прав. Мейстеръ П. И. Милицкій.
Его Выс. Кавалевъ.
Ея Выс. Е. П. Спрукова.
Его Бл. В. П. Ивашевъ.
Его Выс. Л. Ф. Богдановичъ.
А. А. Кулиновскій.
Ямбургскаго Улан. Полка Юнкеръ Н. П. Волковъ.
Его Влаг. А. А. Елагинъ.
Я. В. Сленинъ.
Баронъ С. Н. Пешровъ.
Юс. Ев. Смолинъ.
Н. А. Сабининъ.
Ген. Лейп. И. В. Черпковъ.
Его Вл. А. А. Санниковъ.
Его Бл. Горноспаевъ.
Его Выс. В. М. Кулебякинъ.
Коллеж. Совѣш. И. Д. Грезовскій.
Пол. А. Л. Пошехинъ.

Въ Петербургъ:

Его Пр. Ар. Ал. Спальпинъ.
Его Бл. М. М. Данауровъ.
——— П. П. Мяслевъ.
——— Ф. С. Хомяковъ.
——— Пусловскій.
Камеръ-Юнкеръ Собанскій.

Неизвѣстный.

Его Бл. И. Д. Лужинъ.

Его Выс. Н. В. Ланской.

Его Сяш. Кн. В. А. Долгорукий.

———— Кн. М. Ф. Голицынъ.

———— Кн. Мещерскій.

———— Кн. Гагаринъ.

———— Гр. Ливень.

———— Гр. Е. Ф. Комаровскій.

———— Гр. Мансфейфель.

Его Бл. А. А. Сухаревъ.

Его Выс. П. П. Свинынь.

Книгопр. Ив. Ив. Большой-Закинъ.

Въ разныхъ Городахъ:

Его Выс. А. Я. Жмакинъ.

Его Бл. В. И. Мелиховъ.

Его Бл. А. И. Скворцовъ.

Ея Выс. Н. И. Жуковъ.

Его Выс. И. А. Вшоровъ.

Его Сяш. Глав. 1-й Арміи Гр. Ф. В. Остенъ-Сакенъ.

Его Прев. Гр. Гр. Бѣлоградскій.

Его Сяш. Гр. В. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Его Выс. В. А. Глинка.

Его Сяш. Гр. М. Д. Толстой.

Его Выс. Сп. О. Вишневскій.

П. Ф. Ивановъ.

Его Выс. Ф. П. Игнашевъ.

Его Выс. П. П. Бабкинъ.

Ея Выс. А. А. Наумова.

Его Выс. М. П. Зеровъ.

Его Выс. И. Ф. Ефимовъ.

Его Выс. П. П. Алмазовъ.

ХІІ

- Его Выс. А. И. Биркенъ.
Его Выс. П. И. Яблочковъ.
Его Выс. П. Я. Исуповъ.
Его Выс. Н. М. Сышинъ.
А. И. Оедоровъ.
Ея Выс. Л. Я. Лярская.
Его Выс. Ник. А. Мельгуновъ.
А. Е. Лавровъ. 2 экз.
Ея Выс. Н. В. Трегубовская.
Его Прев. Р. И. Ховенъ 13 экз.
Его Выс. И. Лихонинъ.
Его Выс. С. П. Петровъ.
Его Выс. И. П. Соболевъ.
Его Выс. И. Б. Ивановъ.
Ея Выс. Е. И. Сабинина.
Его Выс. Ф. П. Михайловъ.
Его Выс. И. Ф. Ружницкій.
Гвар. Шп. Кап. Н. А. Лолухинъ.
Его Сіап. Гр. С. М. Каменской.
Лейп. 6-го Фл. Эк. П. Ставицкій.
Его Выс. Бл. И. Я. Пошемкинъ.
Его Выс. Бл. А. М. Маршвиновъ.
Его Бл. Г. Ал. Костомаровъ.
Арш. Подпол. Флиге.
Ген. Маіоръ Сталь.
Симб. Вице Губ. Грибовскій.
Его Бл. А. М. Маршвиновъ.
Ком. 41-го Ег. пол. Пол. Авенариусъ.
Ком. Низов. пѣхот. пол. Подпол. Левеншаль.
Каз. Драг. пол. Шп. Кап. А. Н. Чершковъ.
Ея Выс. С. В. Гринева.
Его Выс. С. С. Веселовскій.

О П Е Ч А Т К И

в ъ IV ч а с т и .

		Напечатано:	Читай:
Стран.	Стр.		
3	1 с. н.	усамптриваюшя	усматриваюшя
93	7	— нарусь!	нарусь!
—	4	— повеземъ	повеземъ
95	2 с. в.	уестранишься	устранишься
98	2	— вѣковъ	вѣнокъ
102	15	— шипину	шипину
104	1	— онуспѣль	опуспѣль.
114	1	— заспуномъ	заспувомъ
147	6	— казномиллице	казнохрамиллице
156	1	— шы	ты
158	5 с. н.	тобой тобой	тобой
160	6 с. в.	Правда, мы бо- гаты	Правда, мы небѣд- ны
—	7	— ками	Лечебниками
171	2	— младенчеству	младенчеству
191	9	— стремленію	стремленія
192	8	— въ голосѣ	въ головѣ
211	4	— оною	оной
212	1	— дѣйствующіе	дѣйствующія
—	14	— дѣйствующіе	дѣйствующія
223	7	— дѣйства	дѣйства.
232	2 с. н.	главнѣищя	главнѣишя.

Непредвидѣнные обстоятельства задержали выходъ сей IV части уже по оппечаташи оной. Конечно теперь всякое оправданіе поздно, но Издатели осмѣливаются замѣнить, что какъ въ ихъ Изданіе, по однимъ полемическимъ страницамъ, составляющимъ прибавочную часть, можетъ быть названо *періодическимъ*, то ранній или поздній выходъ сей части не долженъ, кажется имѣть вліянія на достоинство (какое бы оно ни было) страницъ, помѣщенныхъ въ оной. Что же касается до полемическихъ страницъ, находящихся въ сей части у коихъ время должно оппять и малѣйшую цѣну, какую онѣ только могутъ имѣть, то Издатели просить охотниковъ до такого рода сочиненій, для лучшаго уразумѣнія, вспомнить жаркіе споры за II и III-ю часть Мнемозины; сверхъ того предупредимъ ихъ (Гг. охотниковъ), что они съ лихвою будутъ вознаграждены за сію потерю; ибо по стараніямъ нашимъ, мы имѣемъ довольно количество досужихъ и очень горячихъ проповѣдниковъ, а пошому вѣроятно, что по выходѣ сей части загорятся снова въ періодическихъ изданіяхъ жестокіе споры, оппъ коихъ произойдетъ несомнѣнно точно та же самая польза, какая произошла и оппъ споровъ за II и III-ю часть.

Еще два слова: совсѣмъ оппечатавшая картинка къ сей части, по которымъ обстоятельствамъ должна была быть уничтожена, а другая въ замѣну ея печатается и немедленно будетъ доставлена Гг. подписчикамъ.

СЛЕЗА — РОМАНСЪ.

Слова А. С. Пушкина. Музыка М. Яновлева.

Grazioso.

Голосъ

Форте - ПIANO

2.

— Скажи, что смотришь на дорогу?
 Мой храбрый спросил: —
 Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей-ли проводил? —

3.

— Не гляди поникнув голову,
 Я скоро прошептал:
 «Гусарь! ужь ишь ее со мною?»
 Вдохнул и замолчал.

4.

Слеза повисла на рѣсницѣ
 И канула въ бокал...
 — Дитя! ты плачешь о дѣвцѣ?
 Стыдись! — онъ заричалъ.

5.

«Оставь, гусарь! — охъ сердцу больно,
 Ты знашь не горевалъ:
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтобъ оправить бокал.»

Разсматривалъ цензоръ И. Снегиревъ.